РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2019. №7(127)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich's Periodicals Directory” и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2019
© Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор: **Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: **Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);
Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);
Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: **Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: **Mereshkin D. E.** — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St.Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

8 **От главного редактора**

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

10 **ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года

17 **ЗАИКИН А. А.**
Политическая борьба как борьба за лидерство и власть

25 **ПРОШИНА Е. М., ГУЩ В. В.**
Концептуальный идеал как фактор гармонизации управленческого процесса

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

39 **КУКЛИНА Е. А.**
К вопросу об особых правовых режимах в условиях цифровой экономики («регуляторных песочницах»)

50 **РУДЕНКО М. Н., СУББОТИНА Ю. Д.**
Оценка зрелости проектного управления организации

56 **КОВАЛЕВ А. А.**
К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния

69 **ВОРОНКОВ С. С., КОЗЫРЕВ А. А.**
Развитие продовольственного рынка как фактор повышения региональной конкурентоспособности

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

79 **БЕЛЯКОВ С. А., ГРИГОРЬЕВ В. Ю., БЕДАРЕВА Л. Ю.**
Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений

90 **КУГАЙ А. И., МИХАЙЛОВА В. В.**
«Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

100 **ГРИДНЕВ В. П.**
Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском. Часть 2

A LINEA

108 **ВЕРСОЦКИЙ Р. Р.**
Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России

115 САБЛИНА Ю. В.
Евразийская стратегия в политике современной России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

122 МЕЖЕВИЧ Н. М., БОЛОТОВ Д. А.
Новая капитальная монография о российском пограничье (рецензия на книгу «Российское пограничье: вызовы соседства»)

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

8 **From the Chief Editor**

POLICY AND LAWFUL STATE

10 **VLADIMIR A. SHAMAKHOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Global Policy and Global Economy: The Expected Surprises of the First Half of 2019

17 **ANDREY A. ZAIKIN**
Political Struggle as a Struggle for Leadership and Power

25 **ELENA M. PROSHINA, VLADIMIR V. GUSHCH**
The Conceptual Ideal on the Harmonization of the Management Process

POWER AND ECONOMY

39 **EVGENIA A. KUKLINA**
On the Issue of Special Legal Regimes in the Digital Economy ("Regulatory Sandboxes")

50 **MARINA N. RUDENKO, YULIA D. SUBBOTINA**
Assess the Maturity of Organization's Project Management

56 **ANDREY A. KOVALEV**
On the Contribution of Developed Capitalist Countries to International Economic Security in the Era of Civilizational Confrontation

69 **SERGEY S. VORONKOV, ALEKSANDR A. KOZYREV**
The Development of the Food Market as a Factor in Increasing Regional Competitiveness

SOCIETY AND REFORMS

79 **SERGEI A. BELYAKOV, VALERY Yu. GRIGOREV, LARISA Yu. BEDAREVA**
Assessment of Parameters of Regional Education Systems as Instrument of Managerial Decisions Development

90 **ALEXANDER I. KUGAY, VICTORIA V. MIKHAILOVA**
"Digital Generation": Threats and Hopes in the Era of Information-Digital Civilization

HISTORY AND CULTURE

100 **VALERY P. GRIDNEV**
Helping the Front: Help of the Local Population in the Battle of Kursk. Part 2

A LINEA

108 **ROMAN R. VERSOCKIY**
Foreign Experience in Support of Small and Medium-Sized Businesses and the Possibility of its Application in Modern Russia

115 YULIA V. SABLINA
Eurasian Strategy in the Politics of Modern Russia

CONTENTS

SCIENTIFIC LIFE

122 NIKOLAY M. MEZHEVICH, DMITRY A. BOLOTOV
The New Seminal Monograph on the Russian Border Zone (the Review of the Book “The Russian Border Zone: Neighbourhood Calls”)

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-8-9

От главного редактора

Десятилетия существования общества и страны в условиях двух миров, «своего» и «чужого», привели к серьезной проблеме, имеющей как академический, так и вполне бытовой характер. Суть этой проблемы сводится к следующему: признание взаимозависимости процессов, происходящих в национальной экономике и политике, и аналогичных мировых тенденций пришло с некоторым опозданием. Иными словами, тенденции глобального развития активно переформатировали постсоветское пространство, а специалисты, способные осмыслить это, оказались на периферии общественного внимания и, как метко отметил В. Пелевин, «торговали сигаретами у метро».

В последнее десятилетие, может быть полтора десятилетия, ситуация начала меняться, однако наши академические и экспертные возможности еще недостаточно адекватны потребностям времени.

С очень высокой долей условности проблемы мирового порядка можно разделить на две взаимосвязанные части: экономические и политические. Соответственно, прогноз, равно как и анализ текущей ситуации, должен распадаться на две части: глобальная политика и глобальная экономика. В глобальной экономике ситуация в первой половине 2019 года достаточно устойчива. Признаков улучшения экономической конъюнктуры не наблюдается, но и явных предвестников кризиса нет.

Экономический анализ, опирающийся на конкретные цифры, хоть как-то верифицируется. Последнего нельзя сказать об анализе политическом, тем не менее, попробуем сделать некоторые выводы. Тезис о том, что политика Трампа приведет, как минимум, к локальному конфликту, не реализовался ни в 2018, ни в первой половине 2019 года. Правила рыночного торга, которыми президент США владеет в совершенстве, видимо, применимы и к политическому урегулированию. Военного конфликта не возникло с Северной Кореей, с Венесуэлой, с Ираном. Если продолжать использовать экономические аналогии, Трамп наращивает конкурентные преимущества, но не спешит их реализовать моментально.

Контакты высокопоставленных российских политиков, дипломатов и разведчиков с американскими коллегами свидетельствуют о том, что диалог продолжается… Неслучайно некоторые ветераны академического, экспертного сообщества вспомнили о том, что ряд фундаментальных договоренностей с американскими руководителями был достигнут именно при республиканцах, а не при демократах.

При всем богатстве оценок событий, прошедших в первой половине 2019 года, очевидно, что мир по-прежнему не приближается к точке устойчивого равновесия, при условии, что оно — это равновесие — возможно…

Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-10-16

Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года*

Шамахов В. А.[1, *], *Межевич Н. М.*[2, 3]

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@ranepa.ru
[2]Санкт-Петербургский государственный экономический университет
[3]Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ
Первая половина 2019 года заставляет вспомнить известный закон о переходе количественных изменений в качественные. Каких-то принципиально новых тенденций не проявилось, новые факты не выпадают из традиционной информационной картины, но делают ее рельефнее. Однако есть все основания говорить о том, что не очень новые тенденции ведут нас к формированию несколько иной системы отношений в экономике и политике.

Ключевые слова: мировая экономика, либерализм, популизм, интеграция, международные отношения

Global Policy and Global Economy: The Expected Surprises of the First Half of 2019

Vladimir A. Shamakhov[a, *], *Nikolay M. Mezhevich*[b, c]

[a]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@ranepa.ru
[b]St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation
[c]Institute of Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science; St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT
The first half of 2019 forces to remember the known law on transition of quantitative changes to qualitative. Any essentially new trends were not shown, the new facts did not drop out of a traditional information picture, but did it more relief. However there are all bases to say that not really new trends lead us to formation of a bit different system of the relations in economy and policy.

Keywords: world economy, liberalism, populism, integration, international relations

Идеологические споры — явление достаточно древнее. Жесткость дискуссий закономерно обостряется в периоды ухудшения макроэкономических показателей и роста международной напряженности. В этом контексте текущая ситуация может рассматриваться как типичная. Пожалуй, только актуализация обсуждения популизма как явления стала относительно новым явлением. Либеральная картина мира разрушается не потому, что появился новый Маркс, а потому, что все больше людей задаются вопросом: «Не могут же теоретические построения бесконеч-

[1] Статья является развитием и продолжением публикации: *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Глобальная политика и глобальная экономика: некоторые тенденции 2018 года // Управленческое консультирование. 2018. № 12. С. 11–17.

но противоречить действительности!»[1]. Этот тезис полностью относится к либеральной идеологии, кризис которой очевиден. «...Есть современная так называемая либеральная идея, она, по-моему, себя просто изжила окончательно. По некоторым ее элементам — наши западные партнеры признались, что некоторые ее элементы просто нереалистичны»[2]. Кризис либерализма привел не столько к росту консерватизма, сколько к росту популизма.

Популизм не новое явление; вопрос о том, где заканчивается популизм и начинается «обычная» политика, до настоящего времени находится в центре внимания научного, экспертного и политического сообщества. Популизм как явление шествует по всему миру. Однако в Европе он бросает вызов не только отдельным политическим группам, но и партийно-политическим системам в целом. Причины популизма носят не только политический, но и экономический характер.

Популизм следует позиционировать как пример внесения новых элементов в традиционные идеологии и как совокупность политических приемов и избирательных технологий. «Идеологию популизма сложно сформулировать, так как он подвижен и легко и быстро трансформируется в зависимости от изменяющихся условий. Популизм в большей степени стоит определить как элемент идеологии, который может присутствовать в программах всех партий политического спектра» [2, с. 6]. Нежелание понять популистские ожидания избирателей приводит к общей дезориентации элит.

Главная причина разговоров о непредсказуемости — нежелание доминировавших в интеллектуальном поле западных элит и тех, кто шел в их фарватере, видеть неприятное для себя будущее. Интеллектуальный и политический класс Европы уверовал в неизбежность общемировой победы евромодели, а накопленный Западом потенциал (политический, военный, экономический, идеологический и информационный) позволяет навязывать всем такие взгляды[3]. Позволим себе не согласиться с последним тезисом. Дискуссии по вопросам идеологии в Европе свидетельствуют о том, что возможности «навязывать всем такие взгляды», во-первых, стремительно сокращаются, во-вторых, сами «взгляды» теряют четкость, расплываются. Как не вспомнить Б. Пастернака: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой...».

Популизм легко отражает удары как справа, так и слева. Одна из причин лежит на поверхности и ясно проявилась в процессе подготовки к выборам в Европарламент 2019 г.: «Ложные сравнения — удары мимо цели, которые лишь подогревают рейтинги национал-популистов как жертв клеветнических кампаний»[4]. Еще одна проблема — возможность и вероятность эволюции популизма в экстремизм [1] — заслуживает отдельного и детального академического обсуждения. Определенные шаги в этом направлении делаются [5].

Подводя итог (конечно же, только в рамках данной статьи) вопросу об идеологических спорах 2019 г., сошлемся на авторитетное мнение Джеффри Сакса, изложенное им в работе «The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time» [6]. Он пишет о том, что окончание холодной войны положило конец разделению идео-

---

[1] *Тома Флиши де Ла Невилль.* Признаки геокультурного обновления в Европе // Валдайские записки № 52. Июль, 2016. С. 3.

[2] Интервью газете *The Financial Times*. В преддверии саммита «Группы двадцати» Владимир Путин ответил на вопросы представителей газеты *The Financial Times*: редактора Лайонела Барбера и главы московского бюро Генри Фоя [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60836

[3] *Караганов С.* Предсказуемое будущее? Как самообман подменил серьезный анализ [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalaffairs.ru/number/Predskazuemoe-buduschee-20033.

[4] Почему от национал-популистов нельзя отмахнуться [Электронный ресурс] // Европейский диалог. Экспертная группа. URL: http://www.eedialog.org/ru/2019/07/04/pochemu-ot-natsional-populistov-nelzya-otmahnutsya/

логий, однако на смену идеологическим различиям пришло разделение, основанное на технологии, и, как следствие, формирование ролей в международном разделении труда.

***

Социально-экономическое развитие абсолютного большинства стран мира закономерно связано, а может быть детерминируется, комплексом внешних факторов. В течение длительного времени Советский Союз, а также Китайская Народная Республика показывали пример достаточно успешного функционирования альтернативной модели. Однако в настоящее время Россия и КНР являются частью глобальной экономики. Именно поэтому любые изменения глобальной экономической и политической конъюнктуры сказываются на процессах национального развития. Впрочем, и в Москве, и в Пекине существует однозначное понимание того, что мало встраиваться в мировые процессы, важно играть в них значимую, а может быть даже и ключевую роль. Вопрос в другом, в оценке стадийности глобализации.

Мы ранее писали о том, что «сегодня ключевая характеристика мира — новый этап глобализации. Ее полу-протекционистская версия». Вероятно, это был избыточно оптимистичный прогноз. Однако мир жил тысячи лет до глобализации и, хочется верить, проживет еще больше в новых условиях.

Проблемное поле глобализации — ее финансовая составляющая. Последний мировой экономический кризис — исключительно финансовый кризис с точки зрения его генезиса. При этом по последствиям он таковым не являлся и представлял собой мощный удар по реальному сектору. В ожидании очередного кризиса идет переоценка роли финансового сектора в национальной и мировой экономике.

Специфика построения мировой финансовой системы

Эмиссия доллара, осуществляемая под новые активы, делилась между владельцами этих активов и эмиссионным центром (ФРС США) путем сложных переговоров. В условиях затяжного кризиса, падения цен на нефть такие переговоры осложнились. Мировые финансовые институты, находящиеся под американским контролем, адекватно не отреагировали на происходящие в последние годы события, что подтвердило недостаточное соответствие их деятельности потребностям современного многополярного мира. Так, при наметившейся тенденции к увеличению роста доли голосов развивающихся стран в МВФ доминирующие позиции и право вето по-прежнему сохраняют только развитые страны. Из-за отсутствия инструментов по предотвращению и минимизации последствий кризисных явлений и рычагов влияния на стратегии участников рынка мир столкнулся с серьезными экономическими потрясениями и — как результат — с ростом глобальной экономической и социальной нестабильности. В результате деятельности транснациональных корпораций и международных финансовых организаций образовалась новая управляющая надстройка. Она не только контролирует значительную часть мировых ресурсов, но и ограничивает осуществление экономического суверенитета государств. Финансовый сектор стал локомотивом изменений в мировой экономике. Изначально он был частью сферы обслуживания, память об этом сохранилась во многих классификаторах видов экономической деятельности. В то же время он обслуживал реальную экономику, имея при этом и свои специфические интересы [4].

Скандалы 2019 г. с датским Danske Bank и немецким Deutsche Bank показали, что западные финансовые институты подвержены коррумпированному и олигархическому влиянию точно так же, как аналогичные институты на Юге и Востоке.

Важным событием стал четырнадцатый саммит «группы двадцати». До него и после активизировались старые и появлялись новые риски для экономического роста и политической стабильности. Список их традиционен: «обострение проблемы неравенства; высокий уровень государственной и частной задолженности; сохраняющиеся дисбалансы счетов текущих операций платежного баланса; увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду; эскалация протекционистских мер» [3, с. 15]. Тем не менее, Осакский саммит G20 можно считать успешным. Несмотря на геополитическую напряженность, «двадцатка» согласовала и приняла более ста решений. С другой стороны, встреча «Группы двадцати» закончилась без упоминания в итоговой резолюции традиционной формулы «достоинства многостороннего уклада в экономике».

Особо следует обратить внимание на прогнозы по европейскому региону и зоне евро. Доля Европы в мировой экономике уменьшается, но для нас это важнейший экономический, как, впрочем, и политический партнер. В отношениях России и ЕС новые времена так и не наступили, но и признаков ухудшения экономической ситуации нет. Германия отказалась увеличивать военные расходы, указав не только на недопустимость диктата, но и на объективные экономические причины.

Согласно прогнозу, ВВП Германии в 2019 г. вырастет всего на 0,5% (1,4% в 2018 г.), в 2020 г. — на 1,4%, ВВП Франции — на 1,3% и 1,4% соответственно (против 1,7% в 2018 г.), ВВП Италии — на 0,1% и 0,7% (против 0,9% в 2018 г.). В итоге в этом году ВВП валютного блока увеличится всего на 1,2%, а в следующем — на 1,4%[1].

В первом полугодии 2019 г. продолжались дискуссии об эффективности санкций. Представляющая Францию евродепутат Надин Морано просила сообщить Федерику Могерини, главу дипломатии Евросоюза, оказали ли европейские санкции воздействие на Россию, и оценить ущерб, понесенный от российского продовольственного эмбарго с 2014 г. Могерини не смогла предоставить точных данных о потерях европейских производителей от российских контрсанкций. Вместо этого она привела общую цифру агропродовольственного экспорта Евросоюза — 137,4 млрд евро по итогам 2018 г., отметив, что с досанкционного 2013 г. экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов из ЕС в третьи страны вырос на 14,6%. «Побочное влияние ограничительных мер в отношении России на экономику ЕС остается в целом сдержанным и управляемым»[2], — говорится в ответе высокого должностного лица. Заявление Еврокомиссии об адаптации экономики ЕС к контрсанкциям без четкого экономического обоснования — дискредитация важнейшей европейской институции.

Важный вопрос — это коэволюция проблем глобальной экономики и глобальной экологии. Существование и нарастание объективных экологических проблем факт практически бесспорный. Тем не менее, беспокойство вызывают не только объективно существующие проблемы, но и их политизация. Во-первых, следует вспомнить, что «зеленые» в политическом спектре — значимая часть популистов. Второй момент — зеленые движения, к примеру, Гринпис, используются для оказания давления на те или иные компании и даже государства. Третье: разговоры о зеленой экономике или зеленой энергетике могут служить прикрытием для освоения бюджетных средств, перераспределения финансовых потоков. Показательны последние события в Эстонии, где выяснилось, что топливо с добавлением биокомпонентов не пригодно для использования в моторах многих типов. В Латвии «коэффициент обязательных закупок» альтернативной электрической энергии превратился в коррупционный скандал государственного масштаба. Кроме того, выяснилось, что, отвле-

[1] Экспортеры ЕС заметили нехватку спроса. Еврокомиссия вновь ухудшила прогнозы роста в зоне евро // Коммерсантъ. № 120 от 11. 07. 2019. С. 2.

[2] Еврокомиссия объявила об адаптации экономики ЕС к контрсанкциям России [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/06/2019/5d0395ee9a7947b2a02f0277.

кая общественность разговорами про экологическую солидарность, государство ввело еще один налог.

Да, экономическая рентабельность добычи многих полезных ископаемых, в том числе топливной группы, падает. Именно поэтому появился показатель EROI (Energy Return On Investment). Это отношение пригодной к использованию энергии из определенного источника к количеству энергии, затраченной на получение этого ресурса. Да, планета вступила в период неизведанных климатических процессов, именно поэтому нельзя строить математические модели на основе исторических данных, отражающих реалии прошлых эпох.

Определенную дискуссию вызывает вопрос и о так называемой «четвертой промышленной революции». Эффект промышленной революции, в традиционном понимании, это не только новая техника, но и рост производительности труда. Первое присутствует — второе нет. Среднегодовые темпы роста производительности труда в 2009–2017 гг. были ниже, чем в 2000–2008 гг. В чем тогда экономический, а не технологический эффект? Впрочем, возможен и иной ответ — корректировка формулы расчета производительности труда.

***

Оценка роли Соединенных Штатов Америки в мировой экономике и политике не может не предполагать сомнения в возможностях глобального доминирования. Однако следует различать глобальное доминирование и очевидное лидерство. На сегодняшний день отказ США от глобального доминирования фактически состоялся. Это доказывает политическая и экономическая практика президента США Дональда Трампа. Тем не менее, приоритет американских интересов может быть увязан с американским лидерством.

«Этапы большого пути» Д. Трампа

Вашингтон вышел из иранской ядерной сделки, Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Парижского соглашения по климату, из Международного договора о торговле оружием. «Трамп по-прежнему воспринимается и истеблишментом, и бюрократией как временное недоразумение, которое нужно переждать с минимальным ущербом»[1], но сегодня очевидно, что еще один президентский срок для него уже не фантастика.

США начали тарифную и санкционную войну. Америка начала повышать тарифы на импорт отдельных товаров по отношению не только к потенциальным противникам, но и странам-партнерам. Франция, Китай, Россия не только испытали санкционный удар, но и предприняли ответные действия.

Визит госсекретаря США Майка Помпео в Сочи, его встреча с Президентом России Владимиром Путиным стала частью дипломатических усилий, которые привели к встрече президентов России и США в Осаке. С нашей точки зрения, президент США услышал предупреждения экспертов: «Вместо того чтобы добиваться сохранения благоприятного расклада сил в нескольких регионах, где сосредоточены их жизненно важные интересы, Вашингтон попытался трансформировать режимы во всем мире и включить новых членов в организации экономического сотрудничества и безопасности, в которых доминируют США»[2]. Тезис

[1] «Россия и США все глубже опускаются на дно противостояния». Беседа с В. Ю. Журавлевой, руководителем Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН // Запад–Восток–Россия 2018. Ежегодник / отв. ред. А. С. Прозоровский, В. Г. Хорос. М. : ИМЭМО РАН, 2019. С. 9.

[2] *Уолт С.* Конец гордыни и новый век американской сдержанности [Электронный ресурс]. URL: https://www.globalaffairs.ru7number/Konetc-gordvni-20086

о том, что политика Трампа приведет, как минимум, к локальному конфликту, не реализовался ни в 2018, ни в первой половине 2019 г. Правила рыночного торга, которыми президент США владеет в совершенстве, видимо, применимы и к политическому урегулированию. Военного конфликта не возникло с Северной Кореей, с Венесуэлой, с Ираном. Если продолжать использовать экономические аналогии, Трамп наращивает конкурентные преимущества, но не спешит их реализовать моментально.

При всей сложности процессов глобализации и очевидной многополярности ключевая роль США в поддержании стабильности в экономике и политике сохраняется.

Литература

1. *Еремина Н. В., Межевич Н. М.* Проекции феномена экстремизма и рецепты борьбы с ним в современном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. Выпуск 7. С. 121–124.
2. *Еремина Н. В.* Популизм в Европе: основные характеристики и специфика государств Прибалтики : научный доклад / Н. В. Еремина; предисл. и прил. Н. М. Межевича. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 64 с. (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 1 «Внутренняя и внешняя политика»).
3. *Ларионова М.* Итоги саммита «Большой двадцатки» — смягчение рисков // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. № 11. Июль. С. 15–19.
4. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Тенденции развития в глобальной экономике как предпосылка для изменений на рынке труда // Управленческое консультирование. 2019. № 5. С. 9–17.
5. *Экстремизм* в современном мире : монография / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. 444 с.
6. *Jeffrey D. Sachs.* The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. New York : Penguin Press, 2005.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Eremina N. V., Mezhevich N. M. Projections of a phenomenon of extremism and recipes of fight against it in the modern world // World economy and the international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. Release 7. P. 121–124. (In rus)
2. Eremina N. V. Populism in Europe: main characteristics and specifics of the states of the Baltics: scientific report / N. V. Eremina; introduction of N. M. Mezhevich. SPb. : NWIM of RANEPA, 2019. 64 p. (Scientific reports of the Russian association of Baltic researches. Series 1 “Domestic and foreign policy”). (In rus)
3. Larionova M. Results of the summit of “Group of Twenty” — mitigation of risks // Monitoring of an economic situation in Russia: trends and calls of social and economic development [Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya]. 2019. N 11. July. P. 15–19. (In rus)
4. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Development trends in global economy as a prerequisite for changes in labor market // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul’tirovanie]. 2019. N 5. P. 9–17. (In rus)

5. Extremism in the modern world: the monograph / under a general edition of A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov. SPb.: Publishing center of NWIM of RANEPA, 2018. 444 p. (In rus)
6. Jeffrey D. Sachs. The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time. New York : Penguin Press, 2005.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Problems of Regional Economy of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-17-24

Политическая борьба как борьба за лидерство и власть

Заикин А. А.

Санкт-Петербургская коллегия адвокатов; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; zaikin1133@gmail.com

РЕФЕРАТ

Политическая борьба крайне редко становится предметом политологического исследования. Она настолько тесно переплетена с феноменом политики, что не привлекает внимания как самостоятельный предмет исследования. О феномене политической борьбы говорят всегда, но что это такое, ее сущность и содержание — уходит на второй план. Целью данной статьи является исследование политической борьбы, как борьбы за лидерство и власть. Политическая борьба в современных условиях — это сложное общественно-политическое явление, направленное на переход власти к определенной политической группировке (завоевание власти определенным политическим классом) в интересах достижения определенных политических, экономических, военных и других интересов. Понятие политической борьбы в свете его анализа является более широким по отношению к понятию конфликта, а также к формам ее проявления. Политическая борьба представляет собой процесс, который не исчерпывается конфликтом, но включает в себя еще фазы формирования целей с помощью пропаганды и реализацию их через властный статус.

Ключевые слова: лидер, политическая деятельность, избирательный процесс, политическая система, политическая борьба

Political Struggle as a Struggle for Leadership and Power

Andrey A. Zaikin

St. Petersburg Bar Association; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; zaikin1133@gmail.com

ABSTRACT

Political struggle is rarely the subject of political research. It is so closely intertwined with the phenomenon of politics that it does not attract attention as an independent subject of research. The phenomenon of political struggle is always talked about, but what it is, its essence and content — goes by the wayside. The purpose of this article is to study the political struggle as a struggle for leadership and power. Political struggle in modern conditions is a complex socio-political phenomenon aimed at the transition of power to a certain political group (the conquest of power by a certain political class) in order to achieve certain political, economic, military and other interests. In his work, he highlights such forms of political struggle as parliamentary activity, revolutionary struggle, guerrilla movement. The concept of political struggle in the light of its analysis is broader in relation to the concept of conflict, as well as to the forms of its manifestation. Political struggle is a process that is not limited to the conflict, but includes the phases of formation of goals through propaganda and their implementation through the power status.

Keywords: leader, political activity, electoral process, political system, political struggle

Введение

В основе любого политологического исследования просматривается определенный набор противоречий общественных отношений, которые образуют основу политической борьбы между сторонниками различных сценариев развития общества.

Меняется общественно-политический строй, трансформируется экономический уклад, приходят новые и уходят прежние участники политической жизни, преобразуются идеи, цели и средства их достижения, но неизменным остается сам процесс политической борьбы, который на каждом этапе развития общественных отношений приобретает новые специфические особенности. По сути дела, любое политологическое исследование ориентируется на выявление характеристик содержания политической борьбы, и вслед за этим — на поиск эффективных способов достижения поставленных целей, компромиссов, формирования приемлемых и недопустимых сценариев развития политической ситуации.

Следует признать, что становление системы управления государством, опирающееся на демократические принципы, представляет собой путь проб и ошибок [13]. Подход к управлению общественными процессами, с заложенными в основу механизмами социального эксперимента, с одной стороны, открывает перспективы для поиска модели устойчивого развития, а с другой стороны — создает определенные угрозы, связанные с неизбежными неудачными опытами, с критикой в адрес авторов несостоявшихся экспериментов и неизбежным усилением накала политической борьбы.

На наш взгляд, утрата контроля за ходом политической борьбы, целями и методами ее осуществления, создание условий, недопустимых для постановки и решения существующих проблем в обществе в приемлемых правовых рамках осуществления политической борьбы, несут в себе угрозу революционных трансформаций, отказа от эволюционных сценариев развития общественных отношений. В настоящее время политическая борьба заслуживает внимания как элемент не только описания хода развития политических процессов, но и изучения в качестве особого предмета политологических исследований.

Материалы и методы

Нельзя не признать, что основные характеристики политической борьбы в той или иной степени содержат в себе формы общественных отношений, сложившиеся на предшествующих этапах развития общества. Созданные ранее политические институты, нормативно-правовые условия и доказавшие свою эффективность способы реализации политических целей формируют содержание и методы политической борьбы в настоящем и будущем. Поэтому рассматривать данный предмет, игнорируя историческую логику развития политической борьбы, было бы ошибочным. На наш взгляд, исторический подход к изучению предмета политической борьбы позволяет рассмотреть его происхождение и причины, по которым исследователи давали различные толкования явлений политической борьбы на различных этапах развития общества, понять специфику этого предмета в настоящем и сформировать представления о его содержании в будущем.

Последствия политической борьбы как явления для развития общества многогранны. Вместе с тем его толкования, с точки зрения практической политики, социальных отношений и экономического развития, существенно разнятся. Систематизация и типологический подходы позволяют упорядочить представления о политической борьбе, устранить возможные противоречия толкований и определений этого процесса.

Результаты

Начало становления научных представлений о содержании, формах и методах политической борьбы было положено вместе с появлением первых работ, посвященных изучению политических процессов. Так, Аристотель определял политическую борьбу как противоречия и раздоры между аристократией и народом, который в этой борьбе постепенно расширял свои права. Народ (демос), верхушкой кото-

рого были богатые купцы и мореплаватели, противопоставлял аристократии крови аристократию духа, тем самым расширяя базу для имеющих право на власть [1].

Первые исследования демократии как формы правления подразумевали наличие соответствующих институтов власти, в том числе народное собрание, совет пятисот, народный суд присяжных. Все эти институты предполагают состязательность различных точек зрения на содержание политики и принимаемых законов. Борьба за интересы демоса или аристократии в этом случае уже принимает формы, отличные от вооруженной борьбы. Победа в народном собрании обеспечивалась поддержкой демоса, и такие крупные реформаторы, как Клисфен, побеждали своих конкурентов, находя поддержку у народа, обещая ему предоставить политические права. Этот опыт постепенно становится общепринятым и, вместе с тем, социальная политика приобретает характеристики инструмента политической борьбы.

Формирующийся инструментарий политической борьбы не мог не коснуться законотворческой деятельности. Наиболее показательный пример тому — принятие Периклом в 450 г. до н.э. закона о гражданстве. Так, с принятием этого закона гражданами считались те, кто имел гражданином Афин не только отца, но и мать. Этот закон был направлен против широких слоев аристократии, у которых было принято брать жен в других государствах, тем самым расширяя свои связи и влияние. Знать других городов была, таким образом, материальным ресурсом для аристократических партий, что представляло опасность для афинской демократии [16].

Демократическая форма правления стала источником такой формы политической борьбы, как риторика. В борьбе за умы народа искусство убеждения преобразовалось в определенную отрасль знания. Умение выступать перед различной аудиторией, находить аргументы, ей понятные и приемлемые, становится важной характеристикой действующего политика, требует от политических деятелей расширения кругозора, образования и высоких личностных качеств. Так, поддержка Перикла в качестве государственного деятеля была, бесспорно, обусловлена не только содержанием проводимых им реформ, но и его харизматичностью, его красноречием и умением донести свою мысль до аудитории. Вместе с тем формируется отдельное направление политической деятельности, связанное с информационным сопровождением принимаемых решений. Так, таланты политических деятелей подкрепляются работой их сподвижников, участвующих в формировании положительного образа политика, прославлении его деяний [15].

Искусство ораторов состояло в создании как положительных, так и отрицательных образов, которые не всегда соответствовали действительности. Из риторики вырастают манипулятивные формы политической борьбы. Одной из таких форм являлось создание «образа врага» как некой тайной силы [11]. Часто формировались такие образы, как «предатель», «друг тирана», «враги демократии». Эти образы наполнялись эмоциональными негативными характеристиками, а затем привязывались к тем или иным политикам.

Политическая история Древнего Рима не сильно изменила общую картину форм политической борьбы. Древний Рим, как отмечал еще Полибий, имел особенности государственного устройства, обусловленные его историей. Одним из важнейших государственных органов, представлявших интересы патрициев, был сенат. Этот орган был сформирован из представителей аристократических семей. Вместе с тем, «римский сенат... был, без сомнения, избираемым органом, пока его члены — главы немногих знатных фамилий, утвердивших свое преобладание, не добились для себя и своих наследников права состоять в сенате независимо от народного выбора» [9]. Сенат был местом, в котором сталкивались интересы магистратов, исполнявших различные государственные должности, и народного собрания. Решения сената вырабатывались в результате прений ораторов. Нужно отметить, что высшие должности в Республике замещались чаще всего представителями нобилитета, ими

же пополнялся сенат. Поэтому по большей части решений принятие происходило победой подавляющего большинства знатных сенаторов, кроме случаев, когда приходилось говорить о конфликте интересов [12].

Выборность государственных должностей создавала обширные возможности для политической борьбы. «Главные магистраты, консулы, а затем и большинство других (цензоры, эдилы и квесторы) были выборными... Напротив, сенат формально оставался консультативным органом при магистратах, основной функцией которого оставался consilium, а его реальное полновластие явилось результатом экстралегальных факторов, огромного авторитета, а отчасти и правовой узурпации» [7].

История античного мира продемонстрировала достаточно широкое многообразие форм политической борьбы. На фоне политического насилия в виде войн, восстаний рабов, заговоров и переворотов были сформированы ненасильственные формы политической борьбы, такие как политические дискуссии в народном собрании, издание законов, риторика, политическая манипуляция, остракизм. Эти ненасильственные формы политической борьбы стали, по мнению современных исследователей, основой для политической культуры последующих эпох и поколений [5].

Вместе с тем политические философы Античности не делали понятие политической борьбы предметом рассмотрения. Сущность и природа политической борьбы не стали предметом анализа.

Эпоха Средневековья, несмотря на достаточное количество форм политической борьбы, восстаний крестьян, борьбы за власть между церковью и государством, также не дала примеров анализа понятия политической борьбы.

В Новое время английский философ Томас Гоббс в знаменитом произведении «Левиафан» поставил понятие «войны всех против всех» в основу характеристики естественного состояния человека. Источником такого состояния являлся инстинкт самосохранения. Общественный договор, создающий государство, прекращал это состояние [6].

Внимание ученых политическая борьба привлекла уже только в начале XIX в., когда французский историк Франсуа Гизо объяснил историю Франции как результат борьбы между аристократией и третьим сословием [5]. Феномен классовой борьбы объяснялся исходя из завоевательной теории происхождения государства. Политические причины сформировали экономический конфликт классов.

Эта точка зрения, широко распространенная в кругах французских историков, была подвергнута основательной критике Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. «Если на первый взгляд происхождение крупного, некогда феодального землевладения могло еще быть приписано, по крайней мере в первую очередь, политическим причинам, насильственному захвату, то по отношению к буржуазии и пролетариату это было уже немыслимо. Слишком очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось чисто экономическими причинами. И столь же очевидно было, что борьба между крупными землевладельцами и буржуазией, так же, как и борьба между буржуазией и пролетариатом, велась прежде всего ради экономических интересов, для осуществления которых политическая власть должна была служить всего лишь средством» [19]. В «Манифесте Коммунистической партии» указывается, что вся предшествующая история является историей борьбы классов. Борьба становится в центре внимания революционных движений и политических партий. Марксисты различают такие виды борьбы, как экономическая борьба, политическая борьба, идейная борьба [4]. И особое место в этом многообразии приобретает политическая борьба.

Согласно Карлу Шмитту, борьба приобретает качества политической тогда, когда значительные группы людей разделяются на друзей и врагов. Конфликт формируется исключительно в публичной сфере. «Всякая противоположность — религиозная, моральная, экономическая или этническая — превращается в противопо-

ложность политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов» [18].

Возникшая в конце XIX в. конфликтология рассматривает Маркса как своего предшественника [9]. Один из основоположников конфликтологии, Георг Зиммель, рассматривал общество не как органическое единство, а как совокупность индивидов, связанных интеракцией, содержанием которой является борьба. «...У человека действительно есть формальное влечение враждебности как парная противоположность потребности в симпатии... Исторически оно берет начало в одном из тех психических процессов дистилляции, когда внутренние движения в конце концов оставляют в душе после себя общую им форму как некое самостоятельное влечение. Интересы различного рода столь часто побуждают к борьбе за определенные блага, к оппозиции определенным личностям, что, вполне вероятно, в качестве остатка в наследственный инвентарь нашего рода могло перейти состояние возбуждения, само по себе побуждающее к антагонистическим выражениям» [11].

Конфликтологи предложили множество определений конфликта и теорий конфликта. Один из классиков конфликтологии, Льюис Козер, предложил следующее определение: «Конфликт есть борьба за ценности, власть или ресурсы, недостаток которых ощущается, в каковой борьбе мера успеха определяется мерой воздействия, причиненного вреда или уничтожения соперника» [14]. Российский социолог Андрей Здравомыслов предлагает следующее определение политического конфликта — это постоянно действующая форма борьбы за власть в данном конкретном обществе [8].

В конфликтологии очень часто конфликт объясняется через родовое понятие «борьба». Отсюда следует, что понятие политической борьбы шире понятия политического конфликта. В свою очередь, в словарях и энциклопедиях даются разные варианты определений. «Политическая борьба (political struggle) — состязание, соперничество, схватка в политической жизни и деятельности противостоящих друг другу лиц, сил, партий, движений, отстаивающих свои политические взгляды, позиции и устремления» [4].

К сожалению, в современной литературе почти нет работ, посвященных собственно политической борьбе. Среди существующих работ интерес представляет монография «Политическая борьба в современных условиях» [3]. А. А. Борщ предлагает следующее определение: «Автор под политической борьбой понимает сложное общественно-политическое явление, направленное на переход (завоевание) власти определенной политической группировки (классом) в интересах достижения определенных политических, экономических, военных и других интересов» [2]. В своей работе он выделяет такие формы политической борьбы, как парламентская деятельность, революционная борьба, партизанское движение.

Американский социолог Чарльз Тилли в работе «Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.» также выделяет несколько форм политической борьбы: революции, завоевания, конфронтации и колонизация [17].

Российский психолог Анатолий Зимичев в работе «Психология политической борьбы» рассматривает цели политической борьбы, которые предполагают несколько вариантов. Один из участников борьбы может победить, может сорвать противодействие противника, может не дать победить противнику, не достигнув цели самому [10]. Достижению цели способствуют различные методы политической борьбы.

Известный конфликтолог Дмитрий Зеркин рассматривает структуру политической борьбы, и наиболее существенными элементами для него являются [9]: субъекты, которые представляют собой противоборствующие друг другу организации, движения, иные политические институты; объекты, являющиеся потенциальными участниками политической борьбы, формирующимися на основе общих интересов социальными группами; предмет, под которым автор подразумевает методы деятельности органов власти, функционирования политических институтов; цели — декларируемые участ-

никами политической борьбы программы и проекты; средства, а именно, технологии достижения поставленных целей; результаты — тот багаж, на который опираются участники политической борьбы, который является зримым результатом успешности участников политического противостояния.

Обсуждение

Исторический и теоретический анализ понятия «политическая борьба» показывает, что оно не идентично понятию конфликта. Оно носит системный характер и требует системного подхода. В качестве деятельности политическая борьба может осуществляться «во имя чего-то», «против кого-то», «вместе с кем-то». Кроме конфликта оно включает в себя такие элементы, как интерес и власть.

Таким образом, понятие политической борьбы содержит в себе несколько моментов.

Первый момент понятия политической борьбы — определение ее целей. Цели могут нести отвлеченный, абстрактный и, зачастую — недостижимый характер: борьба за права человека, за мир, за свободу, за безопасность и пр. Здесь еще нет противоположного субъекта, однако есть уже несогласие с существующим положением вещей, со статусом. Интерес фиксирует различие между тем, что есть, и тем, что должно быть в представлении субъекта политической борьбы. Фиксирование недостатка жизненного пространства или безопасности еще не говорит, в каком направлении будет развиваться экспансия. Противник еще не определен, но потенциальная возможность его уже предполагается. Цель, которая определяется в политическом интересе, как правило, не разделяется на несколько частей. Например, борьба за мир в каком-либо регионе предполагает разные представления о мире. В понятии политической платформы соединяются разные интересы и цели, средства и методы их достижения в единое иерархизированное целое. На первом этапе борьба формируется в виде пропаганды определенных целей. В результате пропаганды происходит мобилизация сторонников, в результате которой происходит отделение последних от остального социума.

Второй момент понятия политической борьбы — политический конфликт. Конфликт предполагает столкновение интересов различных субъектов с противоположными целями. Конфликт является элементом борьбы, в котором выражается и фиксируется несогласие с противоположной позицией. Фиксация несогласных позиций создает пространство неопределенности, в котором исчезает идентичность субъектов конфликта. Из этой неопределенности вытекает многовариантность и непредсказуемость действий субъектов политической борьбы. В политическом конфликте борьба ведется против противников, которые определены как враги. Конфликт реализуется в осознанной форме.

Третий момент понятия политической борьбы — власть. Политическая борьба как процесс имеет свое начало в формировании интереса политической борьбы, собственно политический конфликт и достижение в той или иной форме цели политической борьбы, доминирование над противником. Понятие власти отражает достижение определенного единства воль субъектов борьбы. Это может быть победа одного субъекта борьбы и подчинение ему воли другого субъекта. Это может быть согласие в форме компромисса, когда воля одного субъекта поддерживается другими субъектами. Политическая власть исключительно редко строится на насилии. Более приемлемыми формами власти являются господство, основанное на распределении ресурсов, и управление, основанное на распределении компетенций.

Выводы

Политическую борьбу можно определить как деятельность по реализации интересов в конфликте политических субъектов посредством достижения властных позиций.

По форме политическая борьба разделяется на насильственную и ненасильственную.

К насильственным формам политической борьбы относят перевороты, военные действия, революции.

Ненасильственные формы политической борьбы многообразны: забастовки, акции протеста, митинги, выборы, парламентские дебаты, деятельность властей. Соответственно, политическая борьба может быть легитимной и нелегитимной.

Таким образом, понятие политической борьбы в свете его анализа является более широким по отношению к понятию конфликта, а также к формам ее проявления. Политическая борьба представляет собой процесс, который не исчерпывается конфликтом, но включает в себя еще фазы формирования целей с помощью пропаганды и реализацию их через властный статус.

Литература

1. *Аристотель.* Афинская полития. Государственное устройство афинян / Аристотель; пер. и примеч. С. И. Радцига; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. 3-е изд., испр. М. : Флинта : Московский психолого-социальный ин-т, 2007. 233 с.
2. *Борщ А. А.* Политическая борьба в современном мире // Сравнительная политика. 2013. № 3. С. 70–73.
3. *Борщ А. А.* Политическая борьба в современных условиях / А. А. Борщ ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. Москва: Можайский полиграфический комбинат, 2011. 191 с.
4. *Власть.* Политика. Государственная служба : Словарь / В. Ф. Халипов, Е. В. Халипова. М. : Луч, 1996. 271 с.
5. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М. : Территория будущего, 2007. 329 с.
6. *Гоббс Т.* Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
7. *Заикин А. А., Волков В. А.* Исторические и логические основания структуры понятия политической борьбы // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 198–204.
8. *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. М. : Аспект-пресс, 1995. 319 с.
9. *Зеркин Д. П.* Основы конфликтологии : курс лекций. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 480 с.
10. *Зимичев А. М.* Психология политической борьбы. 2-е перераб. и доп. изд. СПб. : Санта, 1993. 155 с.
11. *Зиммель Г.* Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
12. *Кальгина А. А., Белоновский В. Н.* Представительные органы в Древнем Риме и особенности их формирования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 181–185.
13. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Современная демократия и политические лидеры // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 17–31.
14. *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой ; под. общ. ред. Л. Г. Ионина. М. : Идея-пресс : Дом интеллектуал. кн., 2000. 205 с.
15. *Мень М. А.* Лидерство как социальный и личностный феномен (теоретико-методологические аспекты исследования) : монография. М. : Изд-во МГУ, 2011. 268 с.
16. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / изд. подг.: С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1994. Т. 1. 702 с.
17. *Тилли Ч.* Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. / пер. с англ. А. Калинина. М. : Издат. Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. 436 с.
18. *Шмитт К.* Понятие политического / пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. СПб : Наука, 2016. 567 с.
19. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / С прил. : К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. М. : Политиздат, 1982. 71 с.

Об авторе:

Заикин Андрей Анатольевич, адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); zaikin1133@gmail.com

References

1. Aristotle. Athenian polity. State system Athenians / Aristotle; translation of S. I. Rottsig; Russian Academy of education, Moscow psycology-social institute. 3rd ed. M. : Flinta : Moscow psycology-social institute, 2007. 233 p. (In rus)
2. Borsch A. A. Political struggle in the modern world // Comparative policy [Sravnitel'naya politika]. 2013. N 3. P. 70–73. (In rus)
3. Borsch A. A. Political struggle in modern conditions / A. A. Borshch; Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow : Mozhaisk printing plant, 2011. 191 p. (In rus)
4. Power. Policy. Public service: Dictionary / V. F. Halipov, E. V. Halipova. M. : Beam, 1996. 271 p. (In rus)
5. Gizo F. History of a civilization in Europe. M. : Territory of the future, 2007. 329 p. (In rus)
6. Hobbes T. Leviathan. M. : Thought, 2001. 478 p. (In rus)
7. Zaikin A. A., Volkov V. A. Historical and logical foundations of structure of a concept of political struggle // Power [Vlast']. 2018. V. 26. N 8. P. 198–204. (In rus)
8. Zdravomyslov A. G. Conflict sociology: Russia on the ways of overcoming crisis: tutorial for students of higher education institutions. 2nd ed. M. : Aspect press, 1995. 319 p. (In rus)
9. Zerkin D. P. Fundamentals of conflictology: Course of lectures. Rostov-on-Don : Phoenix, 1998. 480 p. (In rus)
10. Zimichev A. M. Psychology of political struggle. 2nd edition. SPb. : Santa, 1993. 155 p. (In rus)
11. Zimmel G. Person as enemy // Sociological journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 1994. N 2. P. 114–119. (In rus)
12. Kalgina A. A., Belonovsky V. N. Representative bodies in Ancient Rome and feature of their formation // Messenger of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]. 2015. N 1. P. 181–185. (In rus)
13. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Modern democracy and political leaders // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 7. P. 17–31. (In rus)
14. Kozer L. Functions of the social conflict / translation from English O. Nazarova; entrance of a general edition of L. G. Ionin. M. : Idea press: House of intellectual books, 2000. 205 p. (In rus)
15. Men' M.A. Leadership as social and personal phenomenon (theoretical and methodological aspects of a research): monograph. M. : MSU publishing house, 2011. 268 p. (In rus)
16. Plutarch. Comparative biographies: in 2 v. / edition collected by: S. S. Averintsev, M. L. Gasparov, S. P. Markish. 2nd ed. M. : Science, 1994. V. 1. 702 p. (In rus)
17. Tilly Ch. Contention & Democracy in Europe, 1650–2000 / translation from English A. Kalinin. M. : HSE publishing house, 2010. 436 p. (In rus)
18. Schmitt K. A concept political / translation from German under the editorship of A. F. Filippov. SPb: Science, 2016. 567 p. (In rus)
19. Engels F. Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy / with enc.: K. Marx. Theses about Feuerbach. M. : Politizdat, 1982. 71 p. (In rus)

About the author:

Andrey A. Zaikin, Lawyer of the St. Petersburg Bar Association, Graduate Student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation); zaikin1133@gmail.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-25-38

Концептуальный идеал как фактор гармонизации управленческого процесса

Прошина Е. М., Гущ В. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elena_proshina@mail.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье вводится понятие концептуального идеала. Рассматривается его влияние, как базового конструкта, преобразующего гражданское общество в активного участника политического процесса. Концептуальный идеал может явиться консолидирующей управленческой моделью, выстроенной на основе диалога власти и общества. По мнению авторов, концептуальный идеал позволит гармонизировать управленческий импульс и удовлетворить запросы общества с учетом его культурных, ментальных и религиозных представлений о справедливости. В статье представлены модели, позволяющие интегрировать концептуальный идеал в управленческий процесс, приведены положительные теоретические и практические результаты от его реализации.

Ключевые слова: концептуальный идеал, эффективное государственное и муниципальное управление, законность, бюрократический аппарат, теория управленческого взаимодействия, развитие гражданского общества, диалог между обществом и властью

The Conceptual Ideal on the Harmonization of the Management Process

Elena M. Proshina, Vladimir V. Gushch*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *elena_proshina@mail.ru

ABSTRACT

This article introduces the concept of a conceptual ideal. Its influence as the basic construct transforming civil society into the active participant of political process is considered. The conceptual ideal can be a consolidating management model built on the basis of a dialogue between the government and society. According to the authors, the conceptual ideal will allow to harmonize the management impulse and satisfy the demands of society taking into account its cultural, mental and religious ideas about justice. The article presents the models that allow to integrate the conceptual ideal in the management process, the positive theoretical and practical results of its implementation.

Keywords: conceptual ideal, effective state and municipal management, legality, bureaucracy, theory of management interaction, development of civil society, dialogue between society and government

В постперестроечный период российская система государственной власти столкнулась с необходимостью реформирования и актуализации нормативно-правовой системы, частично доставшейся в наследство от Советского Союза. Однако в процессе проведения реформ выявился целый ряд негативных эффектов от осуществленных управленческих воздействий. Иногда это связано с личностными бюрократическими девиациями или с системными просчетами; иногда применение реформ блокируется по причине неопределенности компетенций органов власти или в результате отсутствия алгоритмов правоприменительной практики. Как следствие, государственные должностные лица не готовы брать на себя персональную ответственность с целью созда-

ния прецедента, на основе которого бюрократическая система вырабатывала бы алгоритм действий.

Во многом представленные негативные явления обусловлены доминированием бюрократизма, в основе которого заложен извращенный концепт формальной обезличенности. Напомним, что М. Вебер к основным чертам «бюрократии идеального типа» относил, в первую очередь, «дух формальной обезличенности», с которым официальные лица выполняют свои должностные обязанности [1, с. 258].

Однако это не самый страшный недуг бюрократического аппарата РФ. В ряде случаев законы становятся карательным инструментом в руках недобросовестных чиновников и «силовиков», которые они нередко используют в своих сугубо корыстных или, хуже того, криминально-корпоративных интересах.

По нашему мнению, указанные негативные явления получили широкое распространение вследствие того, что система российского законодательства часто не опирается на культурно-нравственное наследие прошлого, не согласуясь с так называемым «духом народа»[1]. В связи с этим закон превращается, образно говоря, в мертвую раковину, лишенную своей мягкой сердцевины, без которой она из живой материи превращается в неодушевленную, лишенную первоначального замысла окаменелость. Как отмечал Ф. М. Достоевский, одна из основных сущностных идей бытия русского народа, его «высшая и самая резкая характеристическая черта... — это чувство справедливости и жажда ее...Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротив: сами они еще должны у него поучиться» [4, с. 230–231].

Однако «дух народа» сам по себе не может оказывать прямое воздействие на систему российского законодательства, поскольку в многонациональном и многоконфессиональном государстве представления о справедливости неоднородны и могут существенно отличаться в зависимости от этнорелигиозных традиций, которые, тем не менее, ни в коем случае нельзя рассматривать как рудименты. Трудно не согласиться с мнением Ф. Энгельса, что «представление о вечной справедливости изменяется... не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми... „каждый разумеет нечто другое“» [7, с. 94].

В связи с этим изначальный посыл народного духа должен пройти институциональную обработку, которая даст возможность унифицировать представления о справедливости. Это в свою очередь позволит легитимизировать влияние народного духа на формирование, проведение и применение бюрократической системой существующих и разрабатываемых законов и реформ.

Любой принимаемый закон или проводимая реформа, как правило, проходят стратегический и тактический уровни планирования, что позволяет законодательной

[1] Понятие «народный дух» является центральным в психологии народов как одной из составляющих социальной психологии. Народный дух — это комплекс психологических особенностей среднестатистического представителя отдельного народа, основанный на совокупности особенностей мышления, восприятия и протекания других психических процессов каждого индивида, который входит в этот народ. Цит. по: Социальная психология. http://1vc0.ru/nauka/psyhology/narodnyj-dux.html. Психолог В. Вундт (1832–1920) предлагал под «душой» понимать «сущность или субстанцию души», а под «духом» — деятельность души и ее законы. Дух, согласно такой трактовке, — законы волевой, интеллектуальной, эмоциональной, эстетической, нравственной деятельности человека. В этом смысле можно говорить, если не о душе народов, то, во всяком случае, о духе народов. Дух народа — преобладающие особенности душевной деятельности составляющих его людей. В процессе социализации индивида его дух и душа вбирают внешние впечатления, которые становятся фактом психической жизни человеческой личности (сознания, чувств, воли). Так и в коллективной личности народа отобраны, зафиксированы, генетически и культурно транслируются результаты совокупной духовной деятельности составляющих его людей. Цит. по: Понятие внутренней формы языка. https://megalektsii.ru/s14314t1.html.

инициативе обрести сущностный скелет. По нашему мнению, именно на уровне планирования, в первую очередь, необходимо создавать концептуальный идеал, который, вбирая в себя и дух народа, и дух закона, в конечном итоге позволит объединиться этим двум источникам, институализироваться и стать правоприменительной основой законодательной системы РФ.

Что следует понимать под концептуальным идеалом? Концепт (лат. *conceptus* — понятие, понимание, замысел) — инновационная идея, содержащая в себе созидательный смысл[1]. Введем определение: *концептуальный идеал — консолидирующая управленческая модель, позволяющая гармонизировать управленческий импульс, выстроенная на основе диалога общества и власти, с учетом культурных, ментальных, исторических, религиозных и других особенностей, в которых запечатлено представление общества о справедливости.*

Отсюда концептуальный идеал следует рассматривать как прогнозируемые идеальные изменения, возникшие в результате управленческого воздействия, или как системообразующий идеал, оказывающий рекомендательное влияние на все уровни власти в процессе применения, проведения или претворения в жизнь закона или реформы. В нем должен быть заложен постоянно актуализирующийся механизм воздействия, а также принцип однокоренного влияния на однотипную проблему.

Как отмечал Ф. М. Достоевский, «без идеалов, то есть без определенных хоть сколь-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» [3, с. 109]. Концептуальный идеал должен представлять собою сущностную основу применяемого закона, его идеальную модель, сформированную и усовершенствованную в процессе общественного диалога (диалога между обществом и бюрократической системой), что усилит общественное влияние на правоприменительную и судебную практику.

Данный подход не позволит срастаться органам региональной власти с судебной системой и силовыми ведомствами. Еще Ш. Монтескье предупреждал об опасности сращивания ветвей власти: «Если судебная власть соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем» [6, с. 371]. Срастание ОПС с органами местной власти представляет угрозу не только для местного населения, но и в целом для всей вертикали власти. Данная тенденция особенно актуальна для Южного федерального округа. Наглядным примером может служить банда Цапков[2].

Каким же образом концептуальный идеал сможет защитить общество и государственную власть от произвола бюрократической системы — ее сращивания с судебными органами, силовыми ведомствами и криминалом?

Во-первых, общество получит возможность активно пользоваться нормативно-правовой системой в отстаивании своих интересов перед мошенническими группировками, коррупционно-бюрократическими элитами и силовыми структурами.

---

[1] Социальный концепт (социальный конструкт) — порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто он существует, или согласны следовать определенным условным правилам. Источник: https://kartaslov.ru.

[2] Цапковская ОПГ (Кущевская ОПГ) — организованная преступная группировка с широкими связями в правоохранительных органах, спецслужбах, криминальном мире в РФ и за рубежом. Наиболее активно действовала с начала 1990-х годов в станице Кущевской и Кущевском и Ленинградском районах Краснодарского края. Группировка получила широкую известность после того, как 4 ноября 2010 года ее участники совершили массовое убийство двенадцати человек, в том числе детей. В мае 2018 года оставшиеся на свободе руководители группировки начали исчезать, по некоторым источникам — скрываются за рубежом. Источник: https://ru.wikipedia.org.

Во-вторых, концептуальный идеал окажет существенное положительное влияние на развитие МСУ в РФ, что позволит на местном (муниципальном) уровне решить большинство социально-бытовых и мелко-криминальных проблем. В-третьих, концептуальный идеал в форме практических рекомендаций и комментариев будет формироваться и постоянно актуализироваться под каждый закон, влияющий на социальную сферу.

В тексте российского гимна говорится: «мудрость народная, предками данная», однако на деле получается, что коллективная народная мудрость, о которой с таким уважением говорится в гимне, не может влиять ни на политический процесс, ни на законотворчество, ни на правоприменительную практику. Вместо этого законотворческим процессом руководит коллективное бессознательное бюрократической корпоративной культуры.

Подтверждением нашего мнения может служить заявление депутата ГД от «Единой России» Евгения Федорова, который утверждает, что законы в Государственной Думе РФ принимаются в автоматическом режиме, согласно правилам фракционной дисциплины[1]. В такой ситуации гражданское общество находится на периферии социальных и законодательных процессов в государстве, а законы разрабатываются в ответ на глобальные вызовы или с учетом запросов элит как внешних, так и внутренних. Практика их применения дана на откуп бюрократическому аппарату, который в силу множества причин не может и не желает отстаивать интересы общества.

По нашему мнению, концептуальный идеал позволит обществу влиять на политические, социальные, экономические, экологические, геополитические, идеологические и т. д. процессы в государстве. Будь то принятие пенсионной реформы, поддержка многодетных семей, процентные ставки по ипотеке, формирование отдельных статей бюджета (здравоохранение, образование и т. д.), утилизации ТБО, поддержка полулегитимных политических режимов за пределами РФ. Таким образом, будет осуществляться коллективное влияние «духа народа» на означенные выше и многие другие процессы, протекающие в РФ.

В настоящее время из-за отсутствия связующего звена между практикой и законом, которым может стать концептуальный идеал, мы наблюдаем очевидную отчужденность населения от формируемых алгоритмов судебной и правоприменительной практики. Из-за этого все чаще актуализируется извечная проблема русского бытия: «без вины виноватые». В реальной ситуации это выливается в то, что разработанные и вроде бы необходимые законы часто превращаются в инструмент давления на активных членов гражданского общества, что порой доходит до абсурда.

Таким примером может служить «дело Раиса Сулейманова», когда сотрудника Института национальной стратегии, эксперта-исламоведа, борца против нетрадиционных форм псевдоисламских экстремистских идеологий пытались привлечь к ответственности по статье 282 УК РФ — «Экстремизм». Предлогом и достаточным основанием к его аресту послужило то, что он в научно-ознакомительных целях опубликовал на своей странице в соцсетях экстремистскую символику. В постановлении Следственного комитета говорится, что «в период с 2011 по 2016 год в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и на других интернет-ресурсах он опубликовал материалы, свидетельствующие якобы о наличии в Татарстане радикальных исламистов и национал-сепаратистов, их поддержке со стороны духовенства и представителей власти республики»[2]. В итоге, данное преследование удалось

[1] Как Дума принимает законы // Официальный сайт депутата ГД Евгения Федорова. [Электронный ресурс]. URL: http://eafedorov.ru/node1987.html (дата обращения: 02.02.2019).

[2] На казанского сотрудника Института национальной стратегии // Электронное периодическое издание «Газета.Ru». 8.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/02/08/n_8225345.shtml (дата обращения: 24.01.2019).

остановить только благодаря активному вмешательству гражданского общества.

Можно указать случаи, когда по ст. 282 УК РФ «Об экстремизме» силовые ведомства пытались привлечь писателей, профессиональных историков и даже библиотекарей[1]. Существуют примеры, когда по этой аморфной, размытой статье силовики, крышующие ОПГ, привлекали активистов, выступавших против этноклановых бандитских группировок, которые получили широкое распространение на территории РФ в последнее десятилетие. К сожалению, вышеперечисленные примеры не является только перегибами на местах. В настоящее время этот процесс перешел в стадию системного кризиса судебной и исполнительной власти, когда за репост студент может получить больший срок, чем убийца-рецидивист[2]. Это напоминает общеизвестный библейский сюжет, когда безобидного Мессию, учившего отдавать «кесарево — кесарю, а Божие — Богу»[3] и боровшегося с торговцами в храме, распяли, а мятежника, грабителя и убийцу Варавву отпустили на свободу [5, с. 162–165].

Можно констатировать, что ст. 282 УК РФ нередко превращается в карательный инструмент давления чиновников и представителей силовых структур на гражданских активистов, которые отстаивают демократические идеалы и общественные интересы в борьбе против произвола бюрократической «элиты». Это становится возможным, когда общество отрешено от влияния на правоприменительную практику действующего законодательства.

Следует отметить, что по статистике ст. 282 УК РФ не сократила количество террористических актов и преступлений экстремистской направленности. Напротив, после длительного периода стагнации (2007–2013 гг.) по данным МВД и Генеральной прокуратуры РФ, отображенных на рис. 1–2, с 2013 г. наблюдается их постоянный рост[4]. Самый низкий уровень преступлений террористического характера наблюдался с 2004 по 2007 гг.[5]

Перегибы в правоприменительной практике часто встречаются и в социальной сфере. Приведем только один пример «обезличенных» преступных действий бюрократов, отчужденных от общества. В селе Якшанга Костромской области насмерть замерзла одинокая женщина-инвалид 2-й группы, после того как спецслужбы обесточили ее дом за долг в 83 руб.[6] Если бы действия данных чиновников были бы ограничены концептуальным идеалом, где регламентировалось бы, что столь незначительная сумма задолженности у одинокого пенсионера или инвалида не может являться достаточным основанием для отключения электроэнергии, данная трагедия не могла бы случиться.

Необходимо отметить, что действие должностных лиц, преисполненных духом «формальной обезличенности» и причастных к данной трагедии, следовало бы квалифицировать по ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Напомним, как зву-

---

[1] Библиотекарем в России быть опасно из-за борьбы с экстремистскими книгами // Электронное периодическое издание «MK.ru». 22 ноября 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mk.ru/social/2018/11/22/bibliotekarem-v-rossii-byt-opasno-izza-borby-s-ekstremistskimi-knigami.html (дата обращения: 24.01.2019).

[2] Белгородского студента, писавшего диплом об экстремизме, осудили на 2,5 года за экстремизм // Электронный журнал «Такие дела». 12 февраля 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://takiedela.ru/news/2018/02/12/ne-issledui-ekstremizm/ (дата обращения: 24.01.2019).

[3] Евангелие от Матфея. Гл. 22, ст. 21.

[4] Зарегистрировано преступлений террористического характера // Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.01.2019).

[5] *Шибутов М.* Терроризм в России — нарастающая динамика // ИА REGNUM. 4 апреля 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/2258514.html (дата обращения: 24.01.2019)

[6] *Онучина Г.* В Костромской области в своем доме замерзла женщина-инвалид // Газета «Комсомольская правда». 3 февраля 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/25828/2804729/ (дата обращения: 24.01.2019).

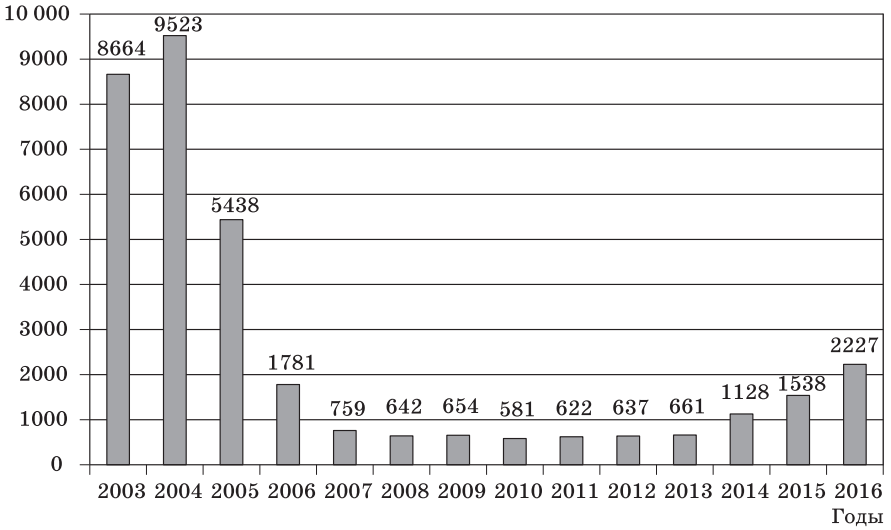

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений террористического характера в РФ по данным МВД РФ с 2003 по 2016 гг.
Fig. 1. The number of the registered crimes of terrorist character in the Russian Federation according to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from 2003 till 2016

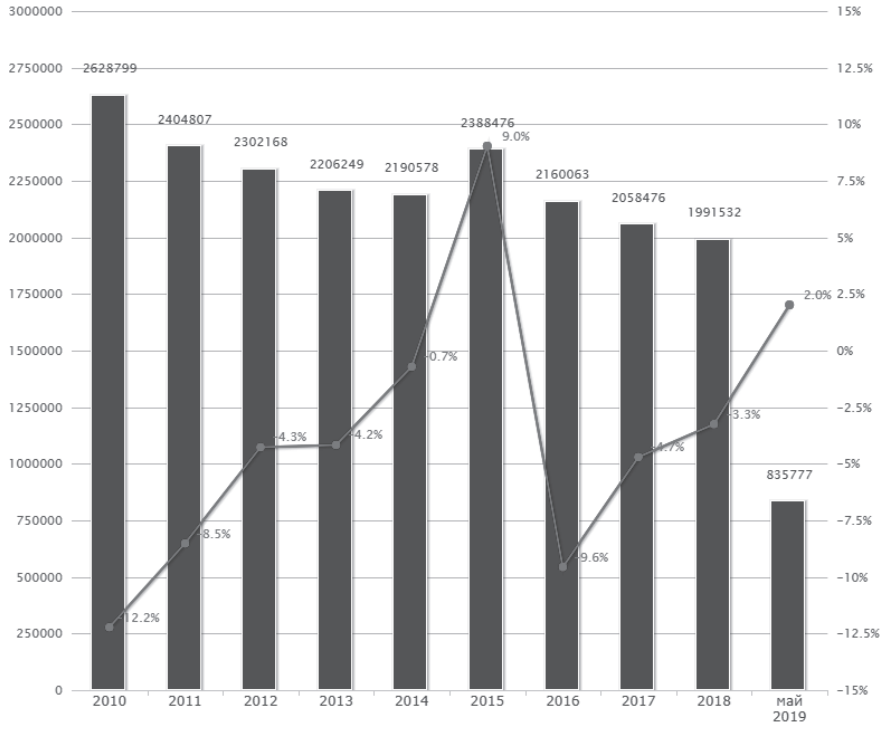

Рис. 2. Количество преступлений террористического характера в РФ с 2010 по май 2019 гг.
Fig. 2. The number of crimes of terrorist character in the Russian Federation from 2010 till May, 2019

чит эта статья: «*Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние*»[1]. Признанный виновным по ст. 125 УК РФ может быть подвергнут наказанию в виде лишения свободы сроком до одного года. Однако данная статья не была распространена на должностных лиц, совершивших преступные действия, повлекшие смерть одинокой женщины-инвалида.

На данном примере актуализируется высказанная Ф. М. Достоевским мысль о бездарных исполнителях закона, которые «решительно не понимают, да и не в состоянии понять, что одно буквальное исполнение его, без смысла, без понимания духа его, прямо ведет к беспорядкам, да и никогда к другому не приводило. «В законах сказано, чего же больше?» — говорят они и искренно удивляются, что от них еще требуют, в придачу к законам, здравого рассудка и трезвой головы. Последнее особенно кажется многим из них излишнею и возмутительною роскошью» [4, с. 121].

К сожалению, это не единичный случай. И жертвами становятся, как правило, одинокие пенсионеры, которые не могут в необходимом объеме закупать дрова для печного отопления. Как следствие, каждая зима превращается для них в борьбу за выживание наравне с 1942 г.[2]

Следует отметить, что не наблюдается аналогичного рвения со стороны надзорных служб по отключению электроэнергии в частных домовладениях на Рублево-Успенском шоссе, жители которых нередко являются злостными неплательщиками, а задолженности иногда составляют сотни тысяч рублей[3]. Как правило, бюрократический аппарат, в руках которого и находится правоприменительная практика, в подобных случаях редко применяет репрессивные нормы права. Так же невозможно собрать долги по оплате за электроэнергию с жителей Северного Кавказа, на что постоянно флегматично жалуются Россети[4], в то время как шестая часть населения Камчатки «вынуждена коротать вечера при свечах и вообще привыкает обходиться без электроэнергии. В 2018 г. энергетики полуострова произвели 50,8 тыс. отключений потребителей от энергоснабжения в связи с неплатежами... камчатцы стремительно беднеют, им нечем платить»[5].

Все это порождает конфликт взаимоотношений бюрократического аппарата и рядовых граждан, в котором первые, на фоне бесправия вторых, претендуют на особый статус, — все более напоминающий сакрально-патриархальное барство. В результате, региональный и муниципальный уровень власти все дальше дистанцируется от насущных и актуальных проблем российского общества, когда госчиновники среднего класса позволяют себе непростительные, а в некоторых случаях

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 03.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 228. Ст. 125.

[2] *Мутовина О.* Испытание холодом: 80-летние старики замерзают в своем доме в Большой Речке // ИГ Восточно-Сибирская правда. 15 ноября 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsp.ru/2016/11/15/ispytanie-holodom/ (дата обращения: 13.03.2019).

[3] В Подмосковье злостных неплательщиков отключают от электроэнергии // Сетевое издание «ТВ Центр — Москва». 14.12.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tvc.ru/news/show/id/129300 (дата обращения: 29.01.2019).

[4] Медведев предложил Северному Кавказу оплатить долги за электричество активами // Газета «Коммерсантъ». 23 июля 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3694513 (дата обращения: 25.01.2019).

[5] Десятки тысяч камчатцев живут без электричества — нечем платить // ИА REGNUM. 21 января 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/economy/2555922.html (дата обращения: 24.01.2019).

и преступные высказывания, идущие вразрез с концепциями, озвученными Президентом РФ и на «прямых линиях», и в «майских указах». Создаваемые, таким образом, очаги напряжения в условиях кризиса способны вызвать широкий общественный резонанс, подрывающий авторитет государственной власти как внутри страны, так и за ее пределами.

Постараемся ответить на вопрос, каким образом применение концептуального идеала могло бы спасти жизнь одинокой пенсионерки? Алгоритм может выглядеть следующим образом. Должностные лица обязаны разместить на аккредитованных интернет-ресурсах или региональных пабликах «HELP MESSAGE», который будет информировать о данной проблеме с указанием номера счета для оказания адресной помощи. Несомненно, что в течение нескольких минут нашлись бы люди, желающие оказать помощь, и казна бы их не обеднела, и таким образом был бы реализован принцип целевой благотворительности. Но, к сожалению, бюрократический аппарат нацелен на выполнение плановых показателей, на основании которых оценивается его эффективность, и в данном случае действовал согласно существующим инструкциям, следуя все тому же принципу формальной обезличенности.

Данный разрыв между правоприменительной практикой и бюрократической системой, на наш взгляд, можно преодолеть с помощью концептуального идеала. Так на базе закона о МСУ можно запустить пилотный проект, который бы позволил активизировать «спящие» статьи законов в правоприменительной практике.

По нашему мнению, концептуальный идеал должен формироваться под каждый закон или реформу на основе диалога с представителями общественности, которых можно условно разделить на несколько институциализированных групп влияния на бюрократическую систему со стороны гражданского общества.

Первую группу должны представлять те, на кого направленно основное воздействие данной реформы (закона). В качестве примера приведем пенсионную реформу. Бесспорно, что «любая принимаемая социальная программа, тем более пенсионная реформа, затрагивающая все слои населения РФ, должна учитывать специфику регионов РФ, а также социальную, экономическую, демографическую, экологическую ситуацию в них, и, в конечном счете, должна отвечать интересам большинства населения страны» [2, с. 164]. Однако при формировании основ данной реформы не было учтено не только асимметричное развитие регионов, но и не были привлечены к диалогу группы населения, на уровень жизни которых она непосредственно окажет влияние. Это: представители трудящихся из различных отраслей производства, сельского хозяйства, науки, культуры, образования; представители общественности от регионов; главы профсоюзов, а также пенсионеры и остальные объекты ее влияния. В связи с этим сегодня мы наблюдаем снижение уровня доверия населения к партии «Единая Россия» и Президенту, что крайне опасно, особенно в период обострения международной обстановки. Данные приведены на рис. 3 — как менялся рейтинг В. Путина и партии «Единая Россия»[1].

Еще одним примером может служить широко обсуждаемый закон о ювенальной юстиции, который в руках недобросовестных чиновников может стать репрессивным инструментом и рычагом давления на семьи, нуждающиеся в улучшении материальных или жилищных условий. Отторжение детей от родителей должно применяться только в случае крайней необходимости, так как по данным статистики только 10% детей-сирот, выросших в госучреждениях, становятся полноценными членами общества. По данным Генпрокуратуры РФ, 40% выпускников сиротских

[1]Пенсионный рейтинг: как власти отреагируют на снижение популярности // ИА «РБК». 5 октября 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/ 05/10/2018/5bb74f4 29a7947d234df963a (дата обращения: 30.01.2019).

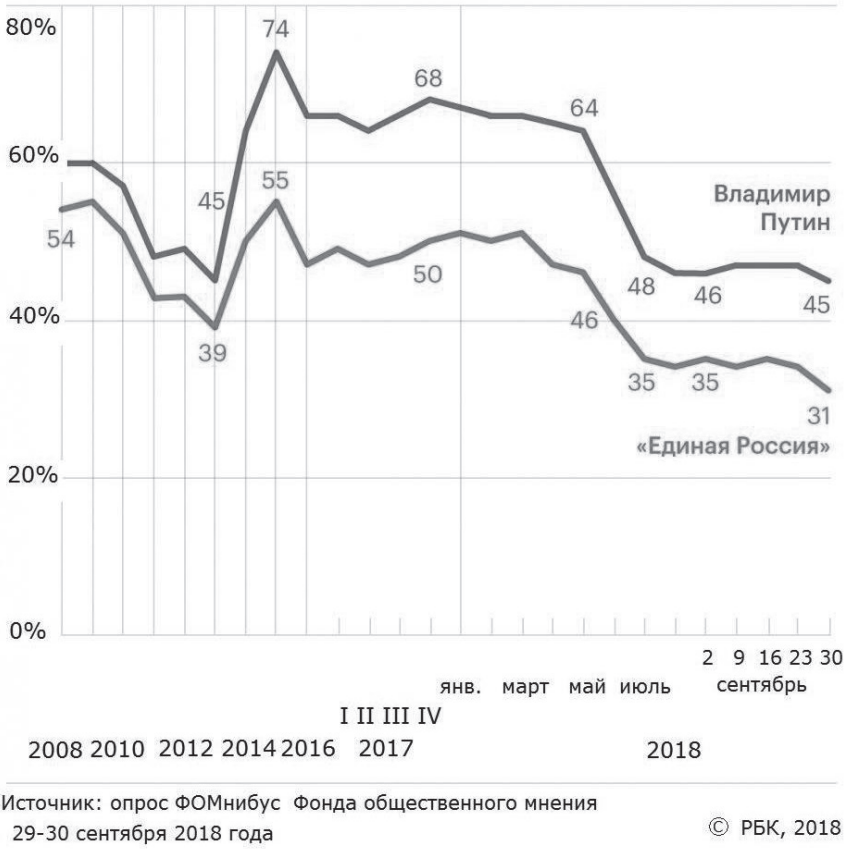

Рис. 3. Динамика рейтинга В. Путина и партии «Единая Россия»
Fig. 3. Dynamics of rating of V. Putin and United Russia party

учреждений становятся алкоголиками и наркоманами, еще 40% совершают преступления. Часть ребят сами становятся жертвами криминала, а 10% кончают жизнь самоубийством. И лишь 10% удается, выйдя за порог детского дома или интерната, встать на ноги и наладить нормальную жизнь[1].

Из этого следует, что закон в силу все той же формальной обезличенности не достигнет цели, ради которой он создавался, а именно защиты детства, материнства и охраны семейных ценностей. Поэтому к разработке данного закона необходимо привлечь не только юристов или работников органов опеки и попечительства, но и представителей общественности, которые непосредственно знакомы с проблемами в этой социальной сфере: родителей многодетных семей и семьи с усыновленными детьми, представителей духовенства, авторитетных выпускников детских домов и т. д. Следует также учитывать опыт регионов, в которых эти проблемы успешно решены. С точки зрения концептуального идеала, в решении этой сложной социальной проблемы должен присутствовать дифференцированный

[1] Только 10 процентам бывших детдомовцев удается наладить нормальную жизнь // Российская газета. Столичный выпуск. № 5660 (28). 16.12.11 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2011/12/16/detdom.html (дата обращения: 30.01.2019).

подход. Так, в случае, если семья не является маргинальной, лучше оказать финансовую поддержку самой семье, чем помещать ребенка в госучреждение. Отметим, что на содержание одного ребенка в казенном учреждении государство выделяет приблизительно 50 тыс. рублей в месяц. Так, в своем интервью радиостанции «Эхо Москвы» бывший уполномоченный по правам ребенка П. Астахов приводит такие цифры по регионам: «Мы огромные деньги тратим последние два-три года на содержание детей, огромные... Когда я приезжаю в Красноярский край, по северам езжу, смотрю: два миллиона на содержание ребенка на севере Красноярского края в год. Два миллиона! Представьте себе, это семьдесят тысяч долларов. У нас есть такие семьи, которые тратят семьдесят тысяч долларов на одного ребенка?»[1].

Рассмотрим роль **группы общественных активистов и блогеров**, в круг интересов которых входят основные аспекты проводимой реформы или применяемого закона. Следование концептуальному идеалу помогло бы оперативно отвечать на основные мейнстримовые, медийные вызовы. Возьмем, к примеру, «Закон о валежнике». В очередной раз вроде бы хорошая, облегчающая жизнь малоимущим сельским жителям инициатива федерального центра, подвергнувшись существенной корректировке «на местах», превратилась в абсурдную, лишенную первоначального замысла и здравого смысла, затею. На региональные изменения в законе «о сборе валежника» обратили внимание и в Государственной Думе. Так, по мнению депутата Олега Нилова, «карета превратилась в тыкву», а всему виной «дровяное лобби», рынок которого оценивается в 200 млрд рублей![2]

Авторитетное мнение **группы представителей научно-культурного сообщества** позволит легимитизировать проведение реформы или применения того или иного закона. В концептуале будет закреплена их оценка и прогнозы относительно ожидаемого положительного эффекта.

Огромную роль в этом процессе может сыграть **группа «духовных скреп».** В данное сообщество должны быть включены богословские авторитеты, представители духовенства и этнических элит, региональные активисты. Задачи, входящие в их компетенцию, — привести в соответствие основные положения и нормы существующих и принимаемых законов, с базовыми религиозными догматами, отраженными в Священных Писаниях, и традиционными ценностями народов или этнических групп, на которые эти законы распространяются. Например, в современном Израиле нет конституции и «достаточно неверующих людей, однако Тора является для всех основным источником Законов. Это не означает, что нет законов, все споры между евреями решатся ссылками на этот древний Устав»[3]. Естественно, что на всей территории РФ, в силу ее многонациональности и многоконфессиональности, подобный подход к формированию законов не применим. Однако можно утверждать, что содержательная часть всех религиозных догматов традиционных конфессий базируется на общих принципах морали и нравственности, которые могут служить основой при выработке концептуального идеала, как на муниципальном, так и на государственном уровне.

В группу **«практиков в отставке»** смогут войти авторитетные представители государственной и муниципальной власти, а также судьи и силовики, отличающие-

---

[1] Новое российско-американское соглашение по усыновлению детей. Интервью Павла Астахова на радиостанции «Эхо Москвы». 15 июля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/programs/beseda/793300-echo/ (дата обращения: 30.01.2019).

[2] Выступление депутата Нилова на первой сессии 2019 в Госдуме // YouTube. 9 января 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wGkx1lmG7fo (дата обращения: 30.01.2019).

[3] *Ефремов В.* Почему русские не исполняют законы? // World Crisis. 16 января 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://worldcrisis.ru/crisis/3238216 (дата обращения: 31.01.2019).

ся безупречной репутацией. Представители данной группы обладают реальными знаниями и бесценным практическим опытом, который к общему благу не находится под системным давлением корпоративной культуры государственного бюрократического аппарата, что позволяет им свободно и критически оценивать ситуацию с позиции прошлого и настоящего. Данная позиция в комплексе с другими информационными источниками позволит формировать в идеальном концепте наиболее реалистичную схему моделирования осуществляемого управленческого воздействия, что обеспечит аргументированную критику еще на начальном этапе.

Присутствие в процессе разработки законов и реформ **группы международных экспертов** позволит с учетом зарубежного опыта актуализировать и корректировать основные управленческие схемы, используемые в международной практике, и поможет привести российскую нормативно-правовую базу в соответствие с международными нормами.

Разумеется, основным арбитром в принятии окончательных государственных решений должна выступать **группа должностных лиц**, занимающих высокие посты в реальном времени и имеющих непосредственное отношение к проводимой реформе или принимаемому закону, но действовать при этом исключительно в рамках концептуального идеала, выработанного с участием всех вышеперечисленных групп, отражающих интересы общества в целом.

На основании всего изложенного выше можно предположить, что принятие концептуального идеала способно оказать положительное влияние на правоприменительную практику в следующих направлениях:

- ограничит произвол чиновно-бюрократического аппарата в правоприменительной практике, лишит его возможности, прикрываясь «буквой закона», преступать законы морали и нравственности;
- позволит многим нормативно-правовым актам без изменения «буквы закона» приспосабливаться к этнокультурным и религиозным особенностям российских регионов, что даст возможность укрепить влияние управленческого импульса, исходящего из федерального центра;
- ускорит процессы принятия неотложных законов и проведение необходимых реформ, поскольку будут прописаны алгоритмы их реализации, а также основные источники, факторы и рычаги, на которые в правоприменительной практике надлежит опираться.

Для большей наглядности и определенности алгоритм применения правовой нормы необходимо подкреплять конкретными примерами и очерчивать круг возможных девиаций и негативных последствий, перечень которых будет дополняться в режиме онлайн, что будет способствовать его актуализации. Приведем пример, как на базе федеральных законов 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» можно бороться с незаконной розничной торговлей контрафактным алкоголем в круглосуточных магазинах. На основании установленного общественного вреда от данного негативного явления, рассмотрим, как может выглядеть алгоритм борьбы с ним. Согласно ст. 14 и 16 131-ФЗ, на территории муниципального образования осуществляется *«оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, и создания условий для деятельности народных дружин»*[1]. Отметим, что в круг компетенций народных дружин в первую очередь входит *«участие в предупреждении и пресечении правонарушений на территории по месту создания народной*

[1] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изменениями на 27 декабря 2018 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». 2019. Ст. 16 // СПС Гарант.

дружины»[1]. В соответствии с представленным нормативно-правовым актом и указанными статьями федеральных законов силами общественных дружин можно создать эффективную систему пресечения неправомерных действий. Естественно, члены общественных дружин (в отличие от правоохранительных органов) не станут закрывать глаза на наркопритоны, шалманы, вертепы, блат-хаты и «резиновые» квартирные джамааты. Данные «спящие» статьи и разрозненные законы при их консолидации по средствам прописанных алгоритмов действия в рамках концептуального идеала позволят эффективно бороться с означенными выше негативными явлениями и «злачными местами», которые буквально захлестнули не только областные центры, но и города федерального значения. Благодаря прописанным в концептуальном идеале основным механизмам действия и практическим примерам, данный круг криминальных девиаций удалось бы полностью искоренить.

По нашему мнению, применение концептуального идеала в правоприменительной и судебной практике будет способствовать, во-первых, формированию гражданского общества на конструктивной и легитимной основе, тем самым лишит экстремистские организации возможности паразитировать на просчетах органов государственной власти. Таким образом, экстремисты лишатся основного источника, формирующего их положительный статус «борцов за справедливость», позволяющий им получать общественное признание. Во-вторых, поможет судам использовать «спящие» нормы права, которые помогли бы обеспечить справедливое наказание виновным и эффективную защиту потерпевшим, и тем самым повысить авторитет судебной власти в РФ. В-третьих, защитит общество от произвола со стороны криминальных структур, сросшихся с правоохранительными и местными органами власти. Это станет возможным только тогда, когда местный «феодализм» будет взят под институализированный общественный контроль, что позволит разгерметизировать сугубо келейную правоприменительную практику. В-четвертых, позволит сконцентрировать управленческие воздействия вокруг решаемых задач, благодаря смоделированным ситуациям, постоянно обновляемым, содержащимся в основе методик применения нормативно-правовых актов конкретными компетентными должностными лицами или органами власти. В свою очередь такой подход позволит консолидировать управленческую систему, направляя ее воздействие на управляемый объект. Таким образом, разработанные модели ситуаций ограничат диапазон воздействия бюрократической системы в рамках дозволенного, что позволит защитить общество от должностных лиц, злоупотребляющих властью. В-пятых, повысит легитимность принимаемых законов и нормативно-правовых документов.

Создание статистической базы, позволяющей анализировать влияние того или иного нормативно-правого документа, закона, реформы и т. д. на протекающие процессы, позволит вовремя подвергать корректировке управленческие воздействия. Это поможет преодолеть информационную отчужденность общества от нормативно-правовой среды. Защитит от необоснованных репрессий людей, никоим образом не являющихся «клиентами» той или иной статьи уголовного кодекса РФ.

К сожалению, существующая система органов внутренней безопасности нередко толкает правоохранителей на фальсификацию уголовных дел, а в отдельных случаях силовики даже подгоняют юридически безграмотных и беззащитных граждан под ту или иную статью УК. В настоящий момент, в связи с обвинительным уклоном судебной практики, данное явление получает все более широкое распространение.

[1] Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об участии граждан в охране общественного порядка». 2014. Ст. 12 // СПС Гарант.

С введением в судебную практику концептуального идеала, механизм защиты сможет опираться на информационную базу, в которой будут содержаться, в том числе и «абсурдные уголовные дела». Примером такого абсурдного уголовного преследования может послужить случай, произошедший с жительницей Саратовской области Ольгой Журавлевой: безработная (состоящая на учете в центре занятости) мать-одиночка с двумя детьми пошла под суд и была приговорена к 120 часам обязательных работ из-за случайной подработки уборщицей в пиццерии[1].

В заключение отметим, что в существующих условиях общество не имеет возможности активно влиять на правоприменительную практику. Далеко не всегда граждане России в состоянии отстаивать не только свои интересы, но и свои законные права. Во многих случаях они не защищены от произвола со стороны недобросовестных региональных чиновников, судей, силовиков, представителей управляющих компаний, сросшегося с криминалом бизнеса. Означенные криминальные элементы, чувствуя свою полную безнаказанность, уже открыто ставят свои узко корпоративные интересы или интересы групп, которые они обслуживают, выше интересов многонационального народа РФ — основного источника власти. Во многом это обусловлено тем, что один из основных источников права монополизирован бюрократической формально-обезличенной и отчужденной социальной стратой. Без разгерметизации этого монопольного права на региональном уровне нельзя рассчитывать на конструктивные положительные изменения в области государственного и муниципального управления, а также на консолидацию общества вокруг Президентских нарративов. Такой контроль со стороны гражданского общества не позволит инициативам, исходящим из федерального центра, подвергаться существенным искажениям на местах, вследствие чего они теряют свой первоначальный положительный замысел. По нашему мнению, именно концептуальный идеал позволит преодолеть отчужденность общества от протекающих социально-политических процессов. С созданием концептуального идеала нам удастся определить и закрепить сущностную основу закона или реформы. Концептуальный идеал впитает в себя институализированный дух народа, который в дальнейшем превратится в дух закона, позволяющий обществу отстаивать свои интересы.

Литература

1. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология / пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М. : Изд. «ГУ–ВШЭ», 2016.
2. *Гущ В. В., Прошина Е. М.* Пенсионная реформа: взгляд из регионов // Управленческое консультирование. 2018. № 11. С. 156–165.
3. *Достоевский Ф. М.* Верна ли мысль, что «пусть лучше идеалы будут дурны, да действительность хороша?» // Дневник писателя. 1876. М. : Директ-Медиа, 2010.
4. *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома. М. : АСТ, 2016.
5. *Евангелие.* М. : РООССА, 2014.
6. *Монтескье Ш.* О духе законов. М. : Рипол Классик, 2018.
7. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу / пер. с нем. М. : Либроком, 2012.

Об авторах:

Прошина Елена Михайловна, эксперт факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, профессор; elena_proshina@mail.ru.

Гущ Владимир Владимирович, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; guschvl07@rambler.ru

[1] Подрабатывающей в пиццерии матери-одиночке отменят приговор за мошенничество // Газета «Комсомольская правда» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kp.ru/daily/26889/3933637/ (дата обращения: 02.02.2019).

References

1. Weber M. Economy and society: sketches of the understanding sociology. In 4 v. V. I. The sociology / translation from German. under the editorship of L. G. Ionin. M.: Publishing house of HSE, 2016. 448 p. (In rus)
2. Gushch V. V., Proshina E. M. Pension reform: view from regions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 11. P. 156–165. (In rus)
3. Dostoyevsky F. M. Whether the thought is right that "let ideals will be bad, but the reality is good? // Diary of the writer. 1876. M. : Direct-media, 2010. 853 p. (In rus)
4. Dostoyevsky F. M. Notes from the dead house. M. : AST, 2016. 448 p. (In rus)
5. Gospel. M. : POOSSA, 2014. 605 p. (In rus)
6. Montesquieu Che. About spirit of laws. M. : Ripol Classic, 2018. 690 p. (In rus)
7. Engels F. To a housing question / translation from German. M. : Librocom, 2012. 112 p. (In rus)

About the authors:

Elena M. Proshina, Expert of the Faculty of State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Professor; elena_proshina@mail.ru

Vladimir V. Gushch, Senior lecturer of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; guschvl07@rambler.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-39-49

К вопросу об особых правовых режимах в условиях цифровой экономики («регуляторных песочницах»)

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Регуляторные инструменты, созданные до наступления эпохи развития цифровых технологий, не позволяют эффективно управлять изменениями. В статье приведены результаты исследований, посвященных вопросам создания и функционирования особых правовых режимов для условий цифровой экономики, — «регуляторных песочниц». Характеризуются основные элементы системы регулирования цифровой экономики, описывается концепция «умного регулирования», цели создания особых (экспериментальных) специальных режимов, формулируются принципы их применения. Делается вывод о том, что процедуры принятия регуляторных решений должны охватывать весь цикл процесса создания правил, и «краеугольным» камнем здесь является выбор критерия эффективности. Для успешной реализации данной инициативы необходимо разработать методику оценки эффективности регуляторных решений с закреплением соответствующего критерия и показателей эффективности; обеспечить сопряжение механизма регуляторной песочницы со стратегическим планированием и технологическим прогнозированием, расширить спектр механизмов вовлечения бизнеса, гражданского общества и экспертного сообщества в систему регулирования цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, особый правовой режим, «регуляторная песочница», инновационный процесс, эффективность, критерий

On the Issue of Special Legal Regimes in the Digital Economy ("Regulatory Sandboxes")

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

Regulatory tools created before digital technology do not make it possible to manage change efficiently. The article presents the results of research on the creation and functioning of special legal regimes for the digital economy conditions — "regulatory sandboxes". The basic elements of the digital economy regulation system and the concept of "smart regulation" are described, the goals of creating special (experimental) regimes and principles of their application are formulated in the article.It is concluded that regulatory decision-making procedures should cover the entire cycle of the rule-making process and the choice of efficiency criteria is the "cornerstone" here. For the successful implementation of this initiative, it is necessary to develop a methodology for evaluation the effectiveness of regulatory decisions with anchoring the relevant criteria and efficiency indicators; to ensure the integration of the regulatory sandbox mechanism with strategic planning and technological forecasting, expand the range of mechanisms for engaging businesses, civil society and the expert community in the regulatory system of the digital economy.

Keywords: digital economy, special legal regime, "regulatory sandbox", innovation process, efficiency, criterion

Введение

Инициатива создания и функционирования особых правовых режимов («регуляторных песочниц») в условиях цифровой экономики предлагает подход к реализации задач, закрепленных в следующих документах стратегического планирования: Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642); Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203); Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и, в частности, федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды» (паспорт национальной программы утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24 декабря 2018 г.).

В настоящее время уже стало ясно, что правовые нормы, нормотворческие процедуры и регуляторные инструменты, созданные до наступления эпохи стремительного развития цифровых технологий, неадекватны сложившейся реальности и не позволяют эффективно управлять изменениями. Регуляторная система, не учитывающая особенности цифровых технологий, может замедлять их развитие, отдельные практики экономической деятельности, основанные на новых технологиях, могут оказаться в «правовом вакууме». Такая ситуация, с одной стороны, вследствие низкого административного бремени будет способствовать формированию достаточно продуктивной среды для развития (при условии, что регулирующие и контрольно-надзорные органы не будут пресекать не запрещенную законом, но не предусмотренную им активность), но потребители таких цифровых услуг и продуктов будут находиться в зоне повышенного риска.

Исследование вопросов создания и функционирования «регуляторных песочниц»

Характеристика основных элементов системы регулирования цифровой экономики включает собственно инструменты регулирования, процедуры принятия регуляторных решений и субъектов, которые принимают участие в принятии этих решений (рис. 1).

Регуляторные инструменты, как ключевые элементы процесса регулирования цифровой экономики, являются практическим воплощением процедур разработки и принятия регуляторных решений: новых правил и требований в отношении участников регулируемой экономической деятельности, а также контрольно-надзорных органов; отмены и/или модификации действующих правил и требований. Основное назначение любой «песочницы» — обеспечение взаимодействия стейкхолдеров, создание демонстрационных сред, обмен знаниями. Ключевые последствия применения «песочниц» связаны с повышением транспарентности процессов, происходящих в отрасли, и требований регулирования для входа на рынок. Важным последствием применения этого механизма является обеспечение более предсказуемого и безопасного функционирования инновационных компаний на рынке, создание менее рискованной среды принятия решений.

«Регуляторная песочница» — особый (экспериментальный) правовой режим, позволяющий юридическим лицам, занимающимся разработкой новых продуктов и услуг, проводить в ограниченной среде эксперименты по их внедрению без риска нарушения действующего законодательства; это пример «умного» регулирования, в основе которого (рис. 2):

(1) фокус на главном: технологическая нейтральность регуляторов должна проявляться не в том, что они стремятся регулировать технологические инновации,

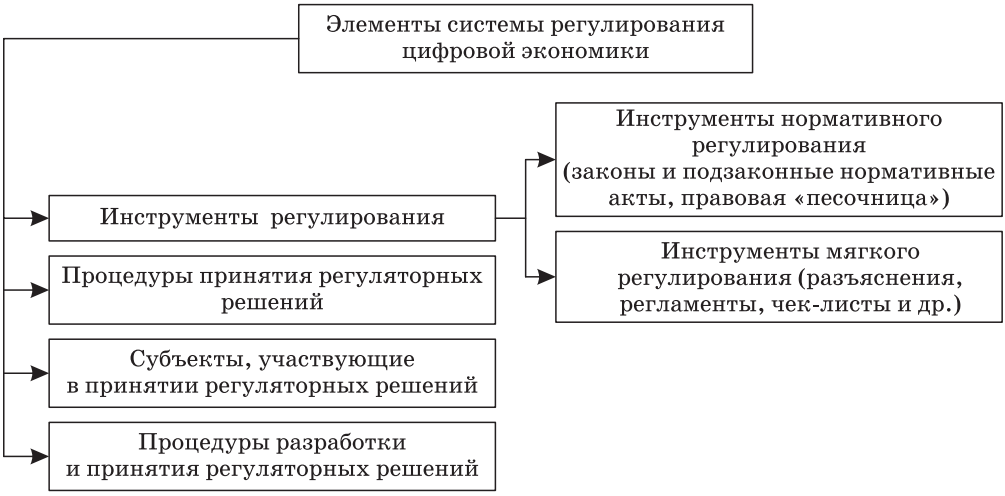

Рис. 1. Основные элементы системы регулирования цифровой экономики
Fig. 1. Basic elements of a system of digital economy regulation

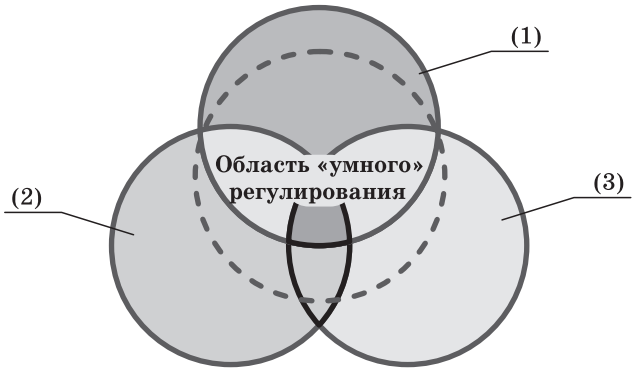

Рис. 2. Ключевые элементы по формированию «умного» регулирования
Fig. 2. Key elements on formation of “clever” regulation

а в том, чтобы обеспечивать регулирование процессов, в которые технологии встраиваются и их изменяют;

(2) снижение барьеров на вход: не регулирование инновационного процесса, а регулирование конкуренции на рынке, так как здоровая конкуренция на рынке инноваций создает более благоприятную почву для экспериментов, разработки и реализации оптимального решения;

(3) реализация шагов по созданию «умного» регулирования: последовательное выполнение пилотирования самого решения; создание регулятивной «песочницы»; выдача лицензий с ограничениями; полное лицензирование для выхода на рынок [3].

Работа «регуляторной песочницы» не предполагает проведение экспериментов по внедрению продуктов и услуг, которые не соответствуют требованиям законодательства, однако по инновационным решениям может допускаться полное или частичное отсутствие подзаконных нормативно-правовых актов. Целями создания специальных режимов в форме «регуляторных песочниц» являются:

- сокращение интервала времени от постановки задачи до достижения практических результатов проработки инициатив и реализации проектов цифровой повестки за счет отказа от нежизнеспособных проектов и быстрого перехода к практической фазе реализации жизнеспособных проектов;
- повышение качества проработки инициатив цифровой повестки за счет максимального отражения потребностей рынка и интересов стейкхолдеров;
- снижение рисков реализации проектов цифровой повестки за счет информированности лиц, принимающих решения (ЛПР) о рисках реализации проектов, возможности ликвидации пробелов в знаниях, опыте, технологиях и др. до того момента, когда должны будут задействоваться значительные ресурсы и, в случае отрицательного результата, ущерб будет ощутимым.

Механизм «регуляторных песочниц» является адекватным ответом на современные вызовы информационной эры и необходимость реализации цифровой повестки. Логика использования механизма «регуляторных песочниц» обусловлена рядом вызовов, которые представляют реальную угрозу успешности результатов цифровой повестки и проявляются в отставании правового регулирования от процессов цифровой трансформации общества, отсутствии гибких инструментов проектного финансирования, неразвитости инновационной культуры, недостаточном уровне доверия бизнеса к регуляторным инициативам уполномоченных органов др.

Отсутствие адекватного ответа вызовам и угрозам информационного общества объективно может привести к негативным последствиям, а именно: снижению актуальности инициатив (вплоть до ее полной потери) для потребителей, перспектив развития отраслевых рынков, отставанию от трендов развития, использованию устаревших технологий и т.д.; неэффективному распределению и использованию ресурсов, в том числе нанесению ущерба проектам в приоритетной деятельности; углублению правовых разрывов, особенно в новых сферах цифровых преобразований и, как следствие, росту препятствий на внутреннем рынке.

Инициатива создания и функционирования «регуляторных песочниц» объективно должна рассматриваться в контексте реализации цифровой повестки ЕАЭС (Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»), одно из направлений которой — создание интеграционных «регуляторных песочниц» на всем пространстве ЕАЭС. Особенностью реализации цифровой повестки ЕАЭС является наличие комплекса ограничений: правовых, финансовых, организационных, временных, неопределенности среды принятия решения (табл. 1).

В настоящее время Российская Федерация является активным участником процесса реализации цифровой повестки ЕАЭС [3]. Так, например, из 37 инициатив, поданных в 2018 г., 27 инициатив — российские; половина всех поддержанных инициатив (4 из 8 инициатив) были предложены нашей страной (табл. 2); 4 из 6 находящихся в работе инициатив (67%) являются также российскими (табл. 3).

С полным основанием можно утверждать, что сейчас практика «регуляторной песочницы» вышла за границы финтеха, который, тем не менее, занимает первую позицию в рейтинге отраслевой специализации регуляторных экспериментов (табл. 4).

Можно сформулировать основные тенденции развития регуляторных экспериментов в экономиках стран, успешно использующих этот инструмент: наиболее отработанной моделью регуляторного эксперимента является модель «регуляторной песочницы», которая построена (или планируется к созданию) на базе схожих принципов; применение концепции «регуляторных песочниц» активно расширяется в отраслевом разрезе; наблюдается движение от первичной обкатки самого механизма «песочниц» в финтехе к внедрению мультиотраслевой сетки песочниц; слияние тех

Таблица 1

Характеристика ограничений реализации цифровой повестки ЕАЭС
Table 1. Characteristic of restrictions of implementation of the digital agenda of EEU

Вид ограничения	Содержание ограничения
Правовые	• Отсутствие согласованной политики; • отсутствие единых, согласованных, скоординированных политик в области цифровой трансформации отраслей и рынков
Организационные	• Недостаточная зрелость проектного подхода при реализации международных проектов в условиях значительного числа стейкхолдеров; • недостаточность опыта при определении жизнеспособности проекта; • необходимость соблюдения формальных процедур
Финансовые	• Отсутствие действенного механизма проектного финансирования
Временные	• Стремительность процессов цифровой трансформации; • сокращение срока жизненного цикла проекта
Неопределенность среды	• Множественность инициатив для проработки; • высокая степень неопределенности и практическое отсутствие опыта сотрудничества в связи с инновационным характером предлагаемых инициатив; • сложность определения пробелов (правовых, технологических и др.), которые необходимо устранить для успешной реализации проекта

Таблица 2

Поддержанные инициативы реализации цифровой повестки ЕАЭС
Table 2. The supported initiatives of implementation of the digital agenda of EEU

Инициатива	Инициатор
Функционирование и развитие системы цифровой прослеживаемости (в том числе идентификации)	ЕЭК, исполнитель First Line Software
Внедрение электронных сопроводительных документов и их взаимное признание в государствах — членах ЕАЭС	Комитет государственных доходов при правительстве Республики Армения
Создание Евразийской электронной биржи труда	Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан
Создание цифрового международного железнодорожного транспортного коридора ЕАЭС	ООО «Новаком Групп», Республика Беларусь
Создание цифрового Евразийского транспортного коридора	ООО «Интеллектуальные транспортные технологии», РФ
Мониторинг транзитных перевозок	ООО «РТ-Инвест Транспортные Системы», РФ
Создание Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий	Фонд развития промышленности, РФ
Создание сети промышленной кооперации и субконтрактации	АО «Газпромбанк», РФ

Таблица 3

Инициативы реализации цифровой повестки ЕАЭС, находящиеся в работе
Table 3. Initiatives of implementation of the digital agenda of EEU which are in work

Инициатива	Инициатор
Создание цифровой платформы для бизнеса по принципу «единого окна»	ООО «Международные информационные системы», Российская Федерация
Специализированный венчурный фонд отраслевых цифровых платформ	Фонд развития цифровой экономики «Цифровые платформы», Российская Федерация
Создание цифровой экосистемы грузовых железнодорожных перевозок 1520	ООО «Рэйл коммерс», Российская Федерация
Платформенное решение Seldon для прогнозирования и моделирования рынка на основе искусственного интеллекта, с открытыми данными России и частично стран ЕАЭС	ООО «Селдон 2», Российская Федерация
Открытая цифровая платформа для бизнеса	АО «Казахтелеком», Республика Казахстан
Интеграция B2B торговых площадок стран ЕАЭС	ООО «Элайв», Кыргызская Республика

Таблица 4

Рейтинг отраслевой специализации регуляторных экспериментов
Table 4. Rating of branch specialization of regulatory experiments

Рейтинг	Отраслевая специализация	Примечание
1	Финтех, прежде всего криптовалютные сервисы на базе распределенных реестров (блокчейн)	Сингапур, Израиль, США
2	Цифровая медицина, в том числе сервисы дистанционной медицины (телемедицина) и цифровой мобильной медицины	Сингапур, Израиль
3	Автономный и частично автономный автотранспорт	Сингапур, Германия
4	Энергетика, прежде всего энергораспределение на базе технологий «умных сетей» (Smart Grid)	Сингапур
5	Многоцелевая эксплуатация управляемых и частично автономных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА)	США
6	Отрасль экологических услуг, вывоза, переработки и управления отходов	Сингапур
7	Обеспечение кибербезопасности, включая применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (AI/ML) для идентификации угроз и управления инцидентами информационной безопасности	Сингапур, Израиль, промышленные применения AI/ML в Германии

регуляторов, чьи подведомственные отрасли и ниши экономики подверглись конвергенции и взаимопроникновению вследствие развития цифровых технологий. В данном контексте необходимо отметить, что существуют и альтернативы «регуляторных песочниц» (различные регуляторные режимы и подходы к регулированию), достаточно успешно используемые в процессе цифровой трансформации общества, в том числе и в России (табл. 5).

Таблица 5

Альтернативные регуляторные режимы
Table 5. Alternative regulatory modes

Регуляторный режим	Примеры применения
Режим экспериментального тестирования продуктов и сервисов, ограниченный по времени, зоне проведения и кругу участников, но без существенных изъятий из действующего регулирования	Испытательные площадки автономного автотранспорта в Германии; проекты по испытанию технологий гражданских БПЛА в США
Режим целевой инвестиционной, грантовой и иной финансовой поддержки кластерной инфраструктуры тестовых площадок перспективных сервисов и продуктов в области цифровой экономики	Сеть цифровых хабов и кластеров в рамках программы Индустрия 4.0 (Германия); сетка режимов «предпочтительных предприятий» (Израиль); ТОР, наукограды, ОЭЗ технико-внедренческого типа (РФ)
Пре-регулирование (разработка базовых принципов и концепций будущего регулирования в рамках взаимодействия всех заинтересованных сторон, включая частный бизнес и техническое сообщество)	Работа Консультативного совета по этическим вопросам ИИ при Правительстве Сингапура
Техническая стандартизация	Рамочная программа для уменьшения рисков кибербезопасности (NIST Cybersecurity Framework) в США; стандарты цифровой службы (DSS) Сингапура
Рекомендации по лучшим практикам отраслевого уровня	Практика сертификации медицинских приложений по итогам истории деятельности компании, предложенная Администрацией по делам пищевых продуктов и лекарственных средств (FDA) США

Главные причины имеющихся проблем использования «регуляторных песочниц» в экономике современной России обусловлены [1; 2; 3 и др.]: разделением нормотворчества и правоприменения; тем, что большинство требований основано на законах; введением исключений только на уровне федерального закона[1]. Можно следующим образом определить три ключевых ограничения данной инициативы: фрагментарность правового регулирования особых правовых режимов и экспериментов; отсутствие взаимосвязи со стратегическим планированием; не реализуется полный управленческий цикл, включающий стадии проектирования, подготовки, проведения эксперимента, а также оценки его эффективности.

[1] Пример — принятие отдельного федерального закона для каждого месторождения, в отношении которого используется механизм Соглашения о разделе продукции (СРП).

Правовая (регуляторная) песочница как тестовая среда, организованная для пилотирования новых технологий, предполагает оценку их преимуществ для бизнес-моделей и рисков, которые они могут привнести. Содержание особого (экспериментального) правового режима включает: регуляторные рамки пилотного проекта; порядок взаимодействия участников проекта; целевую модель; ожидаемые результаты применения специального режима; условия продления, завершения применения и изменения специального режима. Применение особого (экспериментального) правового режима должно базироваться на ряде принципов, представленных в табл. 6.

Процедуры принятия регуляторных решений охватывают весь цикл процесса создания правил (в форме закона, подзаконного нормативного акта или инструмента мягкого регулирования) от момента идентификации проблемы, требующей

Таблица 6

Принципы применения особого (экспериментального) правового режима
Table 6. Principles of application of a particular (experimental) legal regime

Наименование принципа	Содержание принципа
Гибкость и оперативность	Содержание специального режима позволяет, в случае необходимости, оперативно (не реже 1 раза в месяц) вносить изменения
Нацеленность на практический результат	Содержание специального режима формируется исходя из потребностей конкретного пилотного проекта; не допускается применение специального режима, разработанного без опоры на предварительный анализ контекста проработки инициативы (анализа трендов и потребностей развития отрасли и рынков, влияния специального режима для смежных отраслей и др.)
Проектный подход	Проработка инициатив с использованием специальных режимов осуществляется в условиях мониторинга и контроля уполномоченного органа, который формирует целевую модель с ожидаемыми результатами применения специального режима и оценивает эффективность его применения
Стимулируемая добровольность	Государство в рамках применения специальных режимов в случае необходимости предоставляет налоговые, таможенные и иные льготы и меры господдержки субъектам предпринимательской деятельности, добровольно принимающим участие в проработке инициатив в качестве поставщиков и потребителей предлагаемых к пилотированию решений
Междисциплинарная включенность	Разработка и согласование специального режима реализуются при условии обязательного привлечения представителей всех заинтересованных сторон (инициаторов, бизнес-сообщества, организаций защиты прав потребителей, специалистов в сфере цифровых продуктов и сервисов и др.)
Единообразие критериев и прозрачность	Экспериментальный правовой режим устанавливается на основании единообразных критериев и в рамках общей для всех прозрачной процедуры

регулирования или модификации нормы, до разработки и принятия соответствующей нормы или правила, его реализации и выявления последствий его применения к субъектам соответствующих правоотношений. В данном контексте «краеугольным» камнем является критерий эффективности, в соответствии с которым рассчитываются показатели экономической (коммерческой, бюджетной, социальной и пр.) эффективности.

При выборе критерия оценки эффективности регуляторных решений можно использовать следующие подходы (наиболее значимыми, по нашему мнению, являются два первых подхода): как к инструменту реализации макроэкономической политики; как бизнес-процессу; как управленческому решению. При первом подходе в качестве критериев эффективности применяемых инструментов макроэкономической политики должны использоваться (по О. С. Сухареву): экономичность (наименьшие затраты применения данного инструмента, включающие альтернативные издержки), адаптивность, гибкость, оперативность и надежность [4]. При втором подходе критерием должно быть повышение эффективности цикла процесса.

В настоящее время для анализа производственных и офисных процессов успешно применяется метод картирования бизнес-процессов с использованием одного из базовых инструментов «бережливого производства» — картирования (визуализации и анализа материального и информационного потоков в процессе создания ценности от поставщика/производителя до заказчика/потребителя). Метод картирования, как правило, используется для отлаженных процессов с целью оценки их эффективности. В условиях оценки пилотируемых проектов использование этого метода продиктовано возможностью моделирования желаемого состояния процесса, которое предполагается достигнуть в условиях применения механизма «регулятивных песочниц».

Возможные эффекты оптимизации процесса в результате применения «регулятивных песочниц» заключаются в повышении эффективности цикла и сокращении срока реализации пилотного проекта (табл. 7).

Для реализации данной инициативы необходимо: разработать методику оценки эффективности регуляторных решений с закреплением соответствующего критерия показателей эффективности; обеспечить сопряжение механизма регуляторной песочницы со стратегическим планированием и технологическим прогнозированием (особенно важным представляется обеспечение взаимосвязи с прогнозами научно-

Таблица 7

Эффекты «регулятивных песочниц» (по результатам кейсов реализации и пилотирования проектов ЕАЭС)*

Table 7. Effects of “regulatory sandboxes” (by results of cases of realization and piloting of projects of EEU)

Эффекты применения «регулятивных песочниц»	Маркировка товаров (пилотный проект «МаркировкЕ меховых изделий»)	Единая система транзита (пилотный проект «Мониторинг автомобильных транзитных перевозок»)
Повышение эффективности цикла процесса, %	+20,0	+85,0
Сокращение срока реализации пилотного проекта, мес.	−24	−15

*Справка о ходе реализации цифровой повестки Евразийского Экономического Союза, 2018 г.

технологической инициативы); расширить спектр механизмов вовлечения бизнеса, гражданского общества и экспертного сообщества в систему регулирования цифровой экономики.

В отличие от предусмотренных законами РФ особых режимов (ТОР, ОЭЗ технико-внедренческого типа, наукограды), экспериментальный правовой режим «регуляторной песочницы» не имеет привязки к конкретной территории или институту развития. Но институты развития, в частности «Внешэкономбанк» и «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере», могут повлиять на более успешную реализацию данной инициативы посредством участия в организации и отборе приоритетных пилотных «песочниц» на основе оценки и анализа поступившей из регионов информации.

Выводы и рекомендации

1. Логика использования механизма «регуляторных песочниц» обусловлена рядом вызовов, которые проявляются в отставании правового регулирования от процессов цифровой трансформации общества, отсутствии гибких инструментов проектного финансирования, неразвитости инновационной культуры, недостаточном уровне доверия бизнеса к регуляторным инициативам уполномоченных органов др.
2. Инициатива создания и функционирования «регуляторных песочниц» объективно должна рассматриваться в контексте реализации цифровой повестки ЕАЭС.
3. Основными тенденциями развития регуляторных экспериментов являются: схожесть принципов создания модели «регуляторной песочницы»; расширение спектра отраслей и внедрение мультиотраслевой сетки песочниц; слияние тех регуляторов, чьи подведомственные отрасли и ниши экономики подверглись конвергенции и взаимопроникновению вследствие развития цифровых технологий.
4. Проблемы использования «регуляторных песочниц» в экономике современной России обусловлены тем, что наблюдается разделение нормотворчества и правоприменения, большинство требований основано на законах, исключения могут быть определены только на уровне федерального закона.
5. Применение особого правового режима должно основываться на следующих принципах: гибкости и оперативности; нацеленности на практический результат; проектном подходе; стимулируемой добровольности; междисциплинарной включенности; единообразии критериев и прозрачности.
6. Процедуры принятия регуляторных решений охватывают весь цикл процесса создания правил, и в данном контексте «краеугольным» камнем является критерий эффективности. При выборе критерия оценки эффективности регуляторных решений можно использовать подходы как к инструменту реализации макроэкономической политики, как бизнес-процессу, как управленческому решению; при этом наиболее значимыми являются два первых подхода.
7. Для реализации данной инициативы необходимо разработать методику оценки эффективности регуляторных решений с закреплением соответствующего критерия и показателей эффективности; обеспечить сопряжение механизма регуляторной песочницы со стратегическим планированием и технологическим прогнозированием, расширить спектр механизмов вовлечения бизнеса, гражданского общества и экспертного сообщества в систему регулирования цифровой экономики.
8. На более успешную реализацию данной инициативы могут повлиять такие институты развития, как «Внешэкономбанк» и «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» посредством участия в организации и отборе приоритетных пилотных «песочниц» на основе оценки и анализа поступившей из регионов информации.

Литература

1. *Ефремов А.* А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: механизмы и методика // Закон. 2018. № 3. С. 45–56.
2. *Ефремов А.* А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: зарубежный опыт и российские подходы к методике // Информационное право. 2018. № 4. С. 29–32.
3. *Куклина Е.* А. «Регулятивные песочницы» как эффективный механизм реализации цифровой повестки // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2019. С. 265–268.
4. *Теория* эффективности экономики : монография / О. С. Сухарев. 2-е изд., испр. М. : КУРС : НИЦ ИНФРА-М, 2014.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; jeakuklina@mail.ru

References

1. Efremov A. A. Assessment of impact of legal regulation on information technology development: mechanisms and technique // Law [Zakon]. 2018. N 3. P. 45–56. (In rus)
2. Efremov A. A. Assessment of impact of legal regulation on information technology development: foreign experience and Russian approaches to a technique // Information law [Informatsionnoe pravo]. 2018. N 4. P. 29–32. (In rus)
3. Kuklina E. A. “Regulatory sandboxes” as effective mechanism of implementation of the digital agenda // Big Eurasia: Development, safety, cooperation. Year-book [Bol’shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost’, sotrudnichestvo. Ezhegodnik]. Issue 2. Part 1 / RAS. INION. Department of scientific cooperation; ex. edition V. I. Gerasimov. M., 2019. P. 265–268. (In rus)
4. Theory of efficiency of economy : monograph / O. S. Sukharev. 2 ed. M. : COURSE : Research Center INFRA-M, 2014. 368 p. (In rus)

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Full Professor; jeakuklina@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-50-55

Оценка зрелости проектного управления организации

Руденко М. Н., Субботина Ю. Д.*

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация; *rudenko@econ.psu.ru

РЕФЕРАТ

В современных условиях широкое распространение получил проектный подход к управлению организациями. В статье рассматриваются модели оценки организационной зрелости управления проектами, анализируются их недостатки. Подробно проанализирована модель зрелости Г. Керцнера: рассматривается сущность каждого этапа анализа организации в рамках этой модели. Кроме того, представлена классификация типов сопротивления персонала нововведениям, связанным с проектным управлением. Предложены решения проблем на разных уровнях зрелости. Акцентируется внимание на факторах, обеспечивающих успешность проектного управления.

Ключевые слова: проектное управление, модели оценки уровня зрелости организации, модель зрелости Гарольда Керцнера, Project Management Maturity Model, сопротивление сотрудников организации, успешность проектной деятельности

Assess the Maturity of Organization's Project Management

Marina N. Rudenko, Yulia D. Subbotina*

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation; * rudenko@econ.psu.ru

ABSTRACT

The article considers the models of evaluation of organizational maturity of project management, analyzes their advantages and disadvantages. The model of G. Kerzner's maturity is analyzed in detail, the essence of each stage of the analysis of the organization is considered. In addition, the classification of types of personnel resistance to innovations related to project management is presented. Solutions to problems at different levels of maturity are proposed. Attention is focused on the factors that ensure the success of project management.

Keywords: project management, models for assessing the level of maturity of the organization, the maturity model of Harold Kerzner, Project Management Maturity Model, the resistance of employees of the organization, the success of project activities

Любая организация проходит ряд этапов по мере своего развития. Каждый из них может отличаться целями и миссией, тактикой и стратегией, организационной структурой, уровнем компетенции персонала, технологией работы и другими характеристиками. Переход на новый уровень развития позволяет организации более динамично реагировать на изменения окружающей внешней среды, а также более эффективно использовать собственные внутренние ресурсы и, следовательно, стать более конкурентоспособной. В зависимости от ориентации на проектную деятельность организации делятся на два вида:

- во-первых, это процессно-ориентированные организации. Как видно из названия, управление основной деятельностью идет в рамках процессного подхода (сюда можно отнести предприятия и организации массового обслуживания, конвейерное производства и т. п.). Процессно-ориентированные организации осуществляют проектную деятельность в процессах внутренней деятельности (внедрение информационных систем, реорганизация, создание новых продуктов и т. п.);

- во-вторых, проектно-ориентированные организации применяют проектное управление в качестве одного из основных подходов к осуществлению своей основной деятельности [1].

В любом случае каждый вид организации использует технологию проектного управления. Особое внимание необходимо уделить следующим компонентам: персонал, организационная структура, методология, технологии (в том числе информационные). Организации, которые преследуют цель создания эффективного проектного управления, имеют возможность оценить текущее состояние системы управления проектами на основе представленных ниже моделей организационной зрелости управления проектами. Данные модели позволяют провести оценку и на основе этого определить дальнейшую тактику и стратегию развития системы управления проектами организации.

Существует ряд моделей оценки уровня зрелости, большинство из которых привязаны к соответствующему стандарту:

- пятиуровневая модель зрелости Гарольда Керцнера или Project Management Maturity Model (PMMM), позволяющая разработать план развития проектного управления в организации по процессным областям: управление содержанием, временем, рисками проекта и т. д.;
- OPM3 — разработка Института управления проектами PMI для оценки зрелости управления проектами на основе PMBoK. Модель имеет высокую сложность применения по причине стремления создателей к универсальности, итоги анализа по данной модели сводятся к отчету о реализованных и нереализованных лучших практиках;
- P3M3 (The Portfolio, Programme, and Project Management Maturity Model) — модель зрелости управления проектами, программами и портфелем проектов, которая разработана министерством государственной торговли OGC и позволяет оценить способности организации, а затем определить соответствующую стратегию развития проектного подхода;
- PRINCE2 Maturity Model (P2MM) — модель зрелости PRINCE2. Является производной от модели P3M3 от того же разработчика, но применительно к оценке уровня внедрения организацией стандарта PRINCE2.

При использовании данных моделей организация может оценить, на каком конкретно этапе развития управления проектами она находится на настоящий момент. Кроме того, можно выявить требования, необходимые для достижения более высокого уровня управления процессами. Однако стоит отметить, что вышеназванные модели не позволяют провести количественную оценку степени соответствия требованиям методики [2]. Данные модели являются скорее качественными. Они позволяют проверить, имеются или нет конкретные характеристики процессов управления.

Кроме того, проведение оценки по данным моделям не позволяет провести градацию происходящих в организации процессов по степени зрелости. Оценка зрелости организации управления проектами по данным моделям является трудоемкой, сложной процедурой, а также обладает высокой степенью субъективности. Таким образом, результаты анализа для использования в качестве управленческого инструмента ограничены. Более качественно оценка функциональности представлена в модели Гарольда Керцнера (PMMM) (см. рисунок).

Гарольд Керцнер выделил следующие ключевые моменты проектного управления: проходимые уровни должны следовать друг за другом, начинать уровень следует после окончания предыдущего; каждый уровень содержит в себе риски; на каждом уровне существуют угрозы, препятствующие переходу на следующий уровень зрелости. Как видно из рисунка, модель PMMMM состоит из пяти уровней [4, с. 90]. Рассмотрим их:

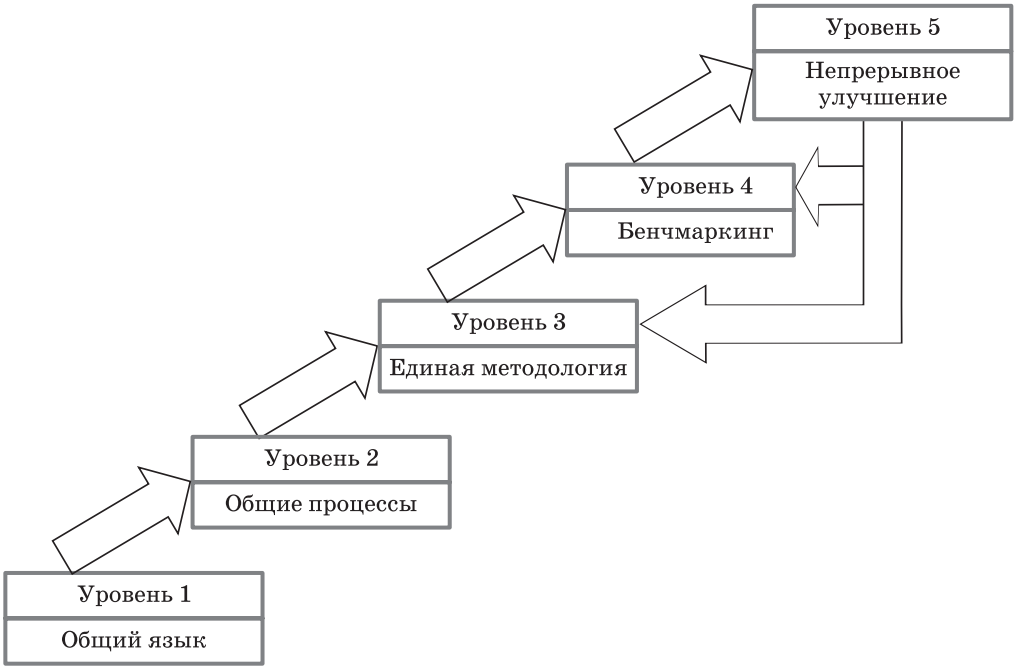

Рис. Структура PMMM, предложенной Г. Керцнером [3, с. 142]
Fig. G. Kerzner PMMM Structure

- во-первых, уровень «технология», или «общий язык». На данном уровне важным является само осознание необходимости управления проектам, максимальное освоение основных знаний в области управления проектами и изучение соответствующей терминологии. В рамках данного уровня необходимо организовать обучение персонала основам управления проектами, поощрять получение сертификатов по направлению обучения «Управление проектами», предоставить работникам организации доступ к средствам управления проектами, по возможности поощрять за внедрение в «общий язык» терминологии управления проектами;
- второй уровень подразумевает, что для повторения успеха уже выполненных проектов можно определить и разработать какие-либо общие процессы. Таким образом, данный уровень включает в себя выявление и описание технологии повтора общих процессов, т. е. разработку общей схемы, методологии управления проектами. Данные мероприятия позволят организации добиваться желаемых результатов на постоянной основе. Кроме того, для регулярной поддержки управления проектами необходимо предусмотреть создание учебного плана для работников организации на регулярной основе, с учетом принципа системности;
- на третьем уровне развития возникает синергетический эффект. Это становится возможным за счет интегрирования процесса управления проектами с такими методологиями, как управление производством, управление процессами, управление качеством и т. п. Здесь может быть предусмотрена возможность несения ответственности перед несколькими руководителями, чтобы обеспечить максимальную интеграцию всех процессов. Соответственно, необходима четкая схема разделения ответственности. Также на данном этапе необходимо создание корпоративной культуры, предполагающей неформальный, творческий подход к управлению проектами для достижения наилучшего результата;

- четвертый уровень предусматривает развитие организации за счет анализа аналогичных систем управления проектами или аналогичных проектов. Бенчмаркинг позволяет использовать уже имеющийся опыт других субъектов хозяйствования, их передовые достижения для повышения конкурентоспособности, обеспечения улучшения эффективности деятельности, совершенствования бизнес-процессов [6]. В рамках развития на данном уровне можно предусмотреть создание в организации подразделения, задачей которого будет проведение бенчмаркинга. Необходим взвешенный подход к определению объектов бенчмаркинга, а также адаптация процесса бенчмаркинга применительно к технологии управления проектами;
- пятый уровень развития организации предполагает процесс непрерывных улучшений, которые происходят на основе системного подхода к управлению проектами. Информация, полученная на предыдущем этапе развития, оценивается и используется для расширения единой методологии. Положительный и негативный опыт прошлых проектов необходимо изучать с целью дальнейшего распространения желаемых результатов и избегания допущенных ошибок. Для распространения полученного опыта, а также лучших практик управления проектами можно на регулярной основе проводить семинары, тренинги, форумы, обучающие курсы. Возможна разработка специальных программ, которые позволят передавать опыт, накопленные знания от уже реализованных проектов.

Для перехода на новый уровень зрелости необходимы различного рода нововведения. При этом данные мероприятия могут встретить сопротивление со стороны работников организации. Г. Керцнер предложил свою классификацию возможных сопротивлений сотрудников организации:

- первый тип сопротивления — это так называемые «сложившиеся стереотипы работы». Персонал организации при выполнении своих стандартных обязанностей действует по рутинным шаблонам и известным навыкам. В результате нововведений появляется необходимость выхода из зоны комфорта, требуется достижение новых целей в соответствии с новыми указаниями, выполнение новых процессов, необходимость налаживания новых контактов и т. п.;
- второй тип сопротивления — «социальные группы» — появляется, когда возникает потребность отчитываться перед несколькими руководителями в рамках проектов, а также когда сотрудники сталкиваются с временной ротацией, установлением новых взаимоотношений, разрывом ранее установленных связей;
- третий тип сопротивления связан с «личными страхами и опасениями». Данное сопротивление начинается из-за различного рода страхов сотрудников, связанных с боязнью трудностей, обусловленных новыми указаниями, угрозами увольнения или временного отстранения от должности, вероятностью провалов, возможными неудачами, нежеланием увеличить рабочую нагрузку и т. п.;
- четвертый тип сопротивления обусловлен «распределением окладов». В ходе выполнения проектов и переходе организации на новые уровни зрелости происходят изменения, в том числе и в организационной структуре, меняются должности, полномочия, возможен упадок авторитета определенного работника, персональная значимость сотрудника может быть подвергнута переоценке и др.;
- пятый тип сопротивления связан с индивидуальными особенностями и причинами каждой функциональной единицы.

Таким образом, на каждом уровне зрелости организации могут возникнуть проблемы, и руководители офисов управления проектами должны иметь достаточно знаний, умений и навыков для их решения (см. табл.).

Организациям, активно использующим управление проектами, даже в случае неудач следует возвращаться к нововведениям, возможно с новой командой с учетом допущенных ошибок и анализом ключевых факторов успеха. Как уже было сказано ранее, одна из самых серьезных угроз внедрения и управления проектами,

Таблица

Решение проблем на разных уровнях зрелости организации в проектном управлении [5, с. 21]

Table. The solution of problems at the different levels of a maturity of the organization in project management

Уровни зрелости организаций	Решение проблем
Первый	Внедрение различного рода процедур и стандартов управления проектами, программами, портфелями
Второй	Создание корпоративной информационной системы управления проектами. Создание офиса управления проектами
Третий	Проведение анализа эффективности и оценка бюджетирования проектов. Разработка бизнес-стратегии
Четвертый	Обеспечение наилучшего взаимодействия офиса управления проектами. Разработка методологии достижения желаемых результатов проектов

которая может привести к провалу, — это неготовность персонала организации работать по-новому, сопротивление новшествам. По сути дела, часто складывается ситуация, когда внедряемые правила, стандарты, процедуры проектного управления оказываются слишком сложными и трудными для работников. Таким образом, оценка организационного уровня зрелости позволяет оценить в том числе и готовность персонала к внедрению проектов, и, соответственно, задать сложность внедряемой системы управления проектами.

Регулярная независимая оценка уровня зрелости проектного управления является не менее важной, чем оценка при старте проекта. Оценку уровня зрелости организации можно проводить и до внедрения проектного управления с целью определения возможностей и ограничений организации, ее готовности к изменениям, а также готовности персонала. Таким образом, оценка организационной зрелости управления проектами позволяет проанализировать состояние организации и задать направления ее стратегического развития. Это действенный инструмент, позволяющий на конкретный промежуток времени определить возможности внедрения и развития проектного управления. Помимо этого, результаты такой оценки могут выступать в качестве исходной информации для установлений дерева целей по развитию проектного управления. Также непосредственно офис управления проектами для подведения итогов своей работы может использовать результаты такой оценки.

Для того чтобы повысить результативность проектной деятельности, необходима подготовка управленческого персонала и исполнителей по направлению «Проектное управление», чтобы данные специалисты рассматривали управление проектами как инструмент достижения стратегических целей развития организации. Стоит отметить, что со стороны высшего руководства необходимо понимание важности обучения по данному направлению, вложения инвестиций в информационные системы управления проектами, обеспечение достойной заработной платой персонала офиса управления проектами. Тогда станет возможным достижение передового международного опыта эффективного проектного управления.

Таким образом, для обеспечения успешности проектной деятельности представляется целесообразным следующее. Во-первых, необходим учет уровня зрелости организации и принятие адекватных управленческих решений использования методов проектного управления на разных уровнях. Во-вторых, следует осуществлять

подготовку специалистов в области проектного управления. В-третьих, рекомендуется предпринимать различные меры, обеспечивающие снижение или минимизацию сопротивления сотрудников организации нововведениям. В-четвертых, целесообразно использовать механизм привлечения аутсорсинговых компаний для диверсификации и снижения инвестиционных рисков.

Литература

1. *Бакланова Ю. О.* Эволюция подхода к проектному управлению инновациями: инициатива, проект, программа, портфель // Современные технологии управления. 2012. № 3. С. 1–8.
2. *Золочевская Е. Ю., Кривошеева Т. Д.* Функциональная характеристика российской системы управления государственными проектами // Вопросы управления. 2014. № 6. С. 42–49.
3. *Исаев В. В.* Организация работы команды проекта. СПб. : Бизнес-пресса, 2016.
4. *Керцнер Г.* Стратегическое планирование для управления проектами с использованием модели зрелости. М., 2016.
5. *Мартин П., Тейт К.* Управление проектами. СПб. : Питер, 2016.
6. *Руденко М. Н., Субботина Ю. Д.* Бенмаркинг как инструмент повышения конкурентоспособности региона // V Всероссийская научно-практическая конференция «Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов» / Байкальский государственный университет. Иркутск, 2019. С. 23–33.

Об авторах:

Руденко Марина Николаевна, заведующий кафедрой предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; rudenko@econ.psu.ru

Субботина Юлия Дмитриевна, доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент

References

1. Baklanova Yu. O. Evolution of approach to innovations project management: initiative, project, program, portfolio // Modern technologies of management [Sovremennye tekhnologii upravleniya]. 2012. N 3. P. 1–8. (In rus)
2. Zolochevskaya E.Yu., Krivosheeva T. D. Functional characteristic of the Russian control system of the state projects // Questions of management [Voprosy upravleniya]. 2014. N 6. P. 42–49. (In rus)
3. Isaev V. V. Organization of work of the project team. SPb. : Business press, 2016. 360 p. (In rus)
4. Kerzner G. Strategic planning for project management with use of model of a maturity. M., 2016. (In rus)
5. Martin P., Tate K. Project management. SPb. : Piter, 2016. 224 p. (In rus)
6. Rudenko M. N., Subbotina Yu. D. Benmarking as instrument of improving competitiveness of the region // Vth Russian scientific and practical conference “Activization of Intellectual and Resource Potential of Regions” / Baikal State University. Irkutsk, 2019. P. 23–33. (In rus)

About the authors:

Marina N. Rudenko, Head of the Chair of Entrepreneurship and Economic Security of Perm State National Research University (Perm, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; rudenko@econ.psu.ru

Yulia D. Subbotina, Associate Professor of the Chair of Entrepreneurship and Economic Security of Perm State National Research University (Perm, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-56-68

К вопросу вклада развитых капиталистических стран в обеспечение международной экономической безопасности в эпоху цивилизационного противостояния

Ковалев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kovalev-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования — изучение и систематизация основных подходов к проблеме обеспечения экономической безопасности на примере ведущих стран мира — обусловливает следующие задачи: 1) выявления и оценки тех форм и средств, с помощью которых развитые капиталистические страны решают важнейшие вопросы собственной экономической безопасности; 2) выявления вклада этих стран в создание комплексной системы международной экономической безопасности.

Методы исследования включают методы политологического, социологического и культурологического анализа, а также компаративистский подход.

Результаты. В статье рассмотрены особенности практического осуществления мер по обеспечению экономической безопасности в развитых странах мира (США, Канада, Германия, Франция, Великобритания, Испания, Италия, Япония), основной стратегической целью которых в области защиты национальных экономических интересов являются обеспечение устойчивого экономического роста и реформирование экономики в соответствии с условиями конкурентной борьбы на мировом рынке. Установлено, что главное внимание страны Европейского союза уделяют обеспечению национальной безопасности через целостный процесс достижения европейской безопасности, но руководство Европейского союза не всегда в состоянии обеспечить целостную безопасность входящих в него стран вследствие как внутренних противоречий, так и возникающих проблем с США, которые подчиняют экономические интересы европейских государств удовлетворению собственных политических амбиций.

Выводы. В странах Западной цивилизации после интеграционных процессов последних трех десятилетий экономическая безопасность развитой капиталистической страны рассматривается не как состояние полной независимости от остального мира, а как состояние стабильного и устойчивого социально-экономического развития, которое можно достигнуть на основе тесного политического и экономического сотрудничества. Но стремление к возможно более полной независимости от Соединенных Штатов Америки — как национальных экономик, так и собственной внутренней и внешней политики, в развитых странах Европы активизируется в периоды обострения кризисов. Разразившийся в 2008 г. глобальный экономический кризис привел и в развитых государствах Западной цивилизации к системно-структурным проблемам, решить которые на сегодняшний день не представляется возможным. Старейшие европейские демократии встроены в мировую систему безопасности как базисные элементы американской геополитической стратегии. На сегодняшний день целостной системы международной экономической безопасности, которая учитывала бы интересы хотя бы развитых стран Западной цивилизации, не существует.

Ключевые слова: национальная безопасность, международная экономическая безопасность, глобализация, цивилизационное противостояние

On the Contribution of Developed Capitalist Countries to International Economic Security in the Era of Civilizational Confrontation

Andrey A. Kovalev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kovalev-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of the study — the study and systematization of the main approaches to the problem of economic security on the example of the leading countries of the world economy — causes the following tasks: 1) identify and assess the forms and means by which developed capitalist countries solve the most important issues of their own economic security; 2) identify the contribution of these countries to the creation of an integrated system of international economic security.

Research methods include methods of political, sociological and cultural analysis, as well as a comparative approach.

Results. The article deals with the peculiarities of the practical implementation of the state of economic security in the developed countries of Western civilization (USA, Canada, Germany, France, great Britain, Spain, Italy, Japan), the main strategic goal of which in the field of protection of national economic interests is to ensure sustainable economic growth and economic reform in accordance with the conditions of competition in the world market.

The main attention of the European Union countries is paid to ensuring national security through a holistic process of achieving European security, but the leadership of the European Union is not always able to ensure the integral security of its member States due to both internal contradictions and emerging problems with the United States, which subordinate the economic interests of European States to the satisfaction of their own political ambitions.

Findings. In the countries of Western civilization, after the integration processes of the last three decades, the economic security of a developed capitalist country is not seen as a state of complete independence from the rest of the world, but as a state of stable and sustainable socio-economic development, which can be achieved through close political and economic cooperation. But the desire for the fullest possible independence from the United States of America — both national economies and their own domestic and foreign policies — in the developed countries of Europe is intensifying in times of crisis.

The global economic crisis that broke out in 2008 also led to systemic and structural problems in the developed countries of Western civilization, which today are not possible to solve. The oldest European democracies are built into the world security system as the basic elements of the American geopolitical strategy. To date, there is no integral system of international economic security that would take into account the interests of at least developed countries of Western civilization.

Keywords: national security, international economic security, globalization, civilizational confrontation, political science, economy, history

Введение

За последние три десятка лет мир пришел к состоянию, которое большинством политиков, ученых-обществоведов и деятелей культуры оценивается как катастрофическое. Безопасность человечества как никогда ранее в человеческой истории становится аморфным понятием, а создание однополярного мира после распада СССР, насильственно инициируемые глобализационные процессы и попытки возрождения России как самостоятельной геополитической сущности привели к противостоянию цивилизаций. Это противостояние в любой момент может вылиться в крупномасштабный военный конфликт.

Цель этой статьи — исследовать и систематизировать основные практические подходы к проблеме обеспечения экономической безопасности на примере ведущих стран мира. Из цели исследования вытекают задачи: 1) выявления и оценки тех форм и средств, с помощью которых развитые капиталистические страны решают важнейшие вопросы собственной экономической безопасности; 2) выявления вклада этих стран в создание комплексной системы международной экономической безопасности.

В предыдущих работах мы обращались к проблеме концептуализации экономической безопасности и теоретическим аспектам проблемы международной экономической безопасности в эпоху противостояния цивилизаций [2]. Поэтому лишь отметим здесь, что, с одной стороны, международная экономическая безопасность — системно-структурное качество, не сводимое к простой количественной совокупности составляющих эту систему элементов. С другой стороны, целесо-

образно рассмотреть реальную практику обеспечения экономической безопасности в развитых капиталистических странах, являющихся на сегодняшний день двигателями мировой экономики. Если исследовать экономическую безопасность в контексте мировой политики и международных отношений, то именно уровень экономической безопасности отражает реальную способность национального государства следовать выбранной политике развития национальной экономики. Такого рода исследование будет актуальным и своевременным хотя бы в плане изучения накопленного опыта.

Цель и задачи исследования обусловливают его методологию, в которой преобладают методы политологического, социологического и культурологического анализа, а также используется компаративистский подход.

Эпоха глобализации до предела обострила имевшиеся и породила новые цивилизационные противоречия, из которых экономические являются самыми острыми и трудно разрешаемыми. Глобализация, во многом направляемая искусственным образом, привела к однополярному миру, в котором на сегодняшний день именно Соединенные Штаты Америки как оплот западной либеральной парадигмы и Европейский союз, вынужденный следовать в фарватере международной политики США, объективно оказались главнейшими международно-политическими акторами Старого и Нового Света.

Результаты и их обсуждение

Особенности современных взаимоотношений США и ведущих стран Европейского союза не только оказывают существенное воздействие на качественные и количественные показатели международно-политического, социокультурного и экономического развития евроатлантического пространства, но и во многом формируют международный политический климат. Именно США как единственная сверхдержава в глобализирующемся мире и развитые страны Европейского союза влияют судьбоносным образом на процессы во всей системе международных отношений. Европа, некогда породившая современную североамериканскую цивилизацию, оказалась под мощным военно-политическим и экономическим диктатом США. Ныне старейшие европейские демократии оказались встроенными в мировую систему безопасности как базисные элементы американской геополитической стратегии.

Соединенные Штаты Америки как самая мощная в экономическом и политическом отношении страна капиталистического мира, главный вдохновитель и проводник глобализационных процессов, уделяет повышенное внимание проблемам своей комплексной безопасности в целом и экономической безопасности — в частности.

Незадолго после окончания Второй мировой войны в США в 1947 г. был принят ключевой Закон о национальной безопасности[1]. Этот Закон юридически установил объединение Министерства армии и Военно-морского министерства в единое Министерство обороны. Историки оценивают этот Закон как один из ведущих документов, способствовавших Холодной войне, благодаря этому документу в США была осуществлена еще более, нежели ранее, четкая корреляция политики, экономики, экономической и военной безопасности. По сути, этот документ анонсировал продолжение военного противостояния не только двух государств — СССР и США, но и двух общественно-экономических формаций, двух цивилизационных систем. Теоретическое обоснование такого противостояния было дано еще в речи У. Черчилля 5 марта 1946 г. в Фултоне, в которой он заявил о необходимости объединения англоговорящих стран против коммунистической опасности в лице Советского Союза и зарождающегося коммунистического блока.

[1] Закон о национальной безопасности США 1947 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml (дата обращения: 20.02.2019).

Видимо, сам термин «национальная экономическая безопасность» впервые был использован в США во времена очередного экономического кризиса в 1970 г., когда страна заявила о своем желании победить в гонке вооружений и стремлении стать мировым экономическим лидером. Представляется, что приоритетными направлениями политики США в сфере обеспечения экономической безопасности являются следующие факторы: 1) рост конкурентоспособности товаров местного производства; 2) развитие сотрудничества в торгово-экономических сферах; 3) уменьшение количества иностранных займов.

Следует отметить, что демократическая смена власти в США, которые по Конституции 1776 г. являются президентской республикой со значительными по объему полномочиями главы государства, не приводит к радикальной смене политического курса. Разумеется, с высоты исторического обзора можно говорить об «удачных» и «неудачных» президентах, но все они, по мере своих сил и способностей, уделяли внимание экономической безопасности страны.

Вспомним недавнюю историю. Билл Клинтон, занимавший пост Президента два срока с 1992 по 2000 гг., полностью избавил экономику страны от внешнего долга, а его преемник Джордж Буш-младший (два срока с 2000 по 2008 гг.) не только до предела обострил международные отношения, но и подверг экономику страны тяжелым испытаниям. На данный момент общий государственный долг Соединенных Штатов превысил 21 трл долл., что психологически весьма сложно принять американским гражданам, тем более что эта сумма постоянно и стремительно растет. Но задолженность зарубежным кредиторам составляет лишь около 34% этой гигантской суммы.

Самой первой программой в США, целенаправленно обращенной на обеспечение экономической безопасности, можно назвать Меморандум 1990 г. Данный документ базируется на мерах по отстаиванию лидирующих позиций США в технологических сферах и сохранению экономической развитости страны на мировой арене. Он был принят в то время, когда СССР как лидер мировой системы социализма все более и более сдавал свои лидирующие позиции, и аналитикам было ясно, что сами лидеры гигантской социалистической сверхдержавы ведут ее к всеобъемлющему, в том числе экономическому, краху.

Впоследствии для разработки скоординированной политики экономической безопасности страны в США была создана Межведомственная рабочая группа, разработавшая основной механизм управления системой экономической безопасности. По результатам были приняты новые нормативно-правовые акты и осуществлена переподготовка кадров. Эта рабочая группа определила основные угрозы экономической безопасности страны и создала документ под названием «Каталог угроз экономической безопасности и их оценка». Роль этого документа в методологическом плане остается высокой и по сей день. Разумеется, за исторический период, прошедший со времени составления этого документа, появились новые угрозы экономической безопасности, которые составители просто не могли предусмотреть, в частности, несказанно возросшая опасность международного терроризма и обострения межрелигиозных и геополитических противоречий. Но общие подходы к проблематике, содержащиеся в этом документе, применимы и поныне.

Экономическая безопасность США обеспечивается как на уровне страны, так и в рамках отдельных штатов. Например, в 1972 г. Законодательное собрание штата Аризона сформировало Департамент экономической безопасности с миссией содействовать «безопасности, благополучию и самодостаточности детей, взрослых и семей». Работа Департамента экономической безопасности тесно связана с такими структурами, как Департамент безопасности занятости населения, Департамент общественного благосостояния, Отдел профессиональной реабилитации, Государственное управление по экономическим возможностям, Совет по

ученичеству, Государственное управление по планированию трудовых ресурсов и даже Государственный департамент по умственной отсталости, который в наши абсурдные политкорректные времена переименован в Отдел по проблемам развития (законопроект № 2213).

Департамент экономической безопасности Миннесоты был сформирован в 1977 г. из Департамента служб занятости и профессиональной реабилитации, Управления кадров губернатора и Управления экономических возможностей, которые руководили программами по борьбе с бедностью. В 1985 г. в этот отдел была включена даже Государственная служба для слепых. В 2003 г. Министерство экономики штата Миннесота и Министерство торговли и экономического развития штата Миннесота были объединены в Министерство занятости и экономического развития Миннесоты.

В соседней с США Канаде среди ведущих угроз общей экономической безопасности страны называется экономический шпионаж, который является «незаконной, тайной или принудительной деятельностью иностранного правительства с целью получения несанкционированного доступа к экономической разведке, такой как конфиденциальная информация или технологии, для получения экономического преимущества» [5, p. 478].

Как свидетельствуют данные Центра безопасности коммуникаций Канады, созданного в 1946 г., важнейшей задачей руководства страны в сфере обеспечения экономической безопасности является создание и поддержание благоприятной среды, в которой мог бы происходить долгосрочный рост производительности труда и увеличение реального капитала, а следовательно, и увеличиваться жизненный уровень населения [5]. Само понятие «жизненный уровень» связано с такой социологической категорией, как «качество жизни». Уровень жизни, помимо прочих важных факторов, включает также деловую среду — надежную и способную к позитивным изменениям. Именно такая деловая среда в эпоху информационного общества способствует внедрению интеллектуальных разработок и использованию наукоемких технологий, разнообразных инноваций, привлечению внутренних и внешних инвестиций. Все это вместе взятое должно привести и на деле приводит Канаду к перманентному экономическому росту.

Следует отметить, что иммиграционная политика Канады является намного более жесткой, чем в США. Канада обладает всеобщей репутацией высокоразвитой и мирной страны, в основном свободной от этнических проблем и связанных с ними конфликтов. Иммиграция в страну растет, но это не всегда способствует росту ее экономической безопасности. Иммигранты из Азии и Африки, приток которых стремятся ограничить, заполоняют весь мир, в том числе и ранее спокойную Канаду. Вместе с ними приходят экзотические болезни, социальные конфликты и политическая нестабильность. Ныне Канада начинает испытывать те же проблемы, что и США. Согласно прогнозу статистического управления Канады, к 2031 г. почти половина населения в возрасте старше 15 лет будет иностранного происхождения. Количество видимых меньшинств увеличится в два раза и составит большинство населения крупных городов в Канаде.

Европейский союз экономически и политически зависит от США, прежде всего, вследствие партнерства в Североатлантическом блоке. В современную эпоху зависимость экономики от политических решений принимает порой абсурдную форму. На мировую экономическую безопасность значительное воздействие оказывают трансатлантические отношения, поэтому изучение этих отношений и их эволюции на рубеже XX–XXI вв. стало особенно актуальным в связи с усилением противоречий в лагере союзников.

Обострение этих противоречий объективно выгодно России как естественному цивилизационному противнику Западного мира. Такого рода противоречия обо-

стрились еще со времен Джорджа Буша-младшего, который принял новую внешнеполитическую доктрину противостояния международному терроризму. Эта доктрина была связана с навязыванием американских экономических, культурных и политических ценностей странам с совершенно иными историческими и социокультурными традициями — прежде всего странам исламской культуры. Вслед за этим, как известно, последовала всемерная радикализация внешней политики США, которая привела к усилению противоречий между Америкой и Европейским союзом в различных областях двухсторонних отношений.

Высшей точкой трансатлантических противоречий стала развязанная США, ничем не оправданная грабительская война в Ираке (2003–2011 гг.). Сама операция осуществлялась на основании резолюций Совета Безопасности ООН № 687 и 1441, но без получения дополнительной санкции ООН. Нефтяной клан Бушей решил собственные экономические проблемы уничтожением суверенного государства и лицемерным убийством его лидера Саддама Хусейна. Но затянувшееся завершение этой войны принудило администрацию Джорджа Буша-младшего взять курс на сближение с Европейским союзом для предотвращения международной изоляции. Был начат совместный проект по восстановлению экономики Ирака.

Первый трансатлантический кризис середины первого десятилетия XXI в. был разрешен. Это событие можно считать переломным моментом в истории объединения межатлантического пространства, базисной концепцией которого стала идея создания трансатлантического рынка. Эта идея оказалась жизнеспособной, хотя и была подвергнута ряду испытаний — начиная с вспыхнувшего осенью 2008 г. мирового экономического кризиса.

В результате, из длительного периода многообразных трансформаций последних десяти лет трансатлантический союз вышел мощной и по-прежнему жизнеспособной системой, которая способна влиять организующим образом на глобальную политику. Это показали события «арабской весны» начала 2011 г., когда судьбоносные или значительные изменения произошли в Египте, Тунисе, Йемене, Ливии. На мировую экономическую и целостную безопасность «арабская весна» повлияла катастрофическим образом, ибо изменилась конъюнктура цен на нефть, и в Европу хлынул поток совершенно неуправляемых азиатских и африканских беженцев, грозящих стереть с лица земли достижения европейской цивилизации. В связи с этим, современную ситуацию в Европейском союзе можно описать как кризисную.

Власти европейских государств, зараженные вирусом политкорректности и одержимые демоном толерантности, приносят в жертву экономические, политические и экзистенциальные интересы своих граждан. В реальности ситуация с комплексной безопасностью граждан в большинстве европейских государств выглядит удручающе, хотя в большинстве из них существует соответствующая правовая база, позволяющая обеспечить безопасность страны, в том числе ее экономическую составляющую. Обратимся к рассмотрению документов, призванных быть основой для обеспечения экономической безопасности в странах Европейского союза.

Ситуация с обеспечением экономической безопасности сложилась в Европейском союзе несколько по-иному, чем в Новом Свете. Прежде всего, понятие экономической безопасности позиционирует ЕС в мировой экономической системе таким образом, что основной задачей Евросоюза является интеграция стран Европы с целью достижения высокой конкурентоспособности на мировой арене. Страны Европы, пережившие две мировые войны, во второй половине XX в. приобрели репутацию стран с высоким уровнем индивидуальной и общественной безопасности.

Созданный на основе Маастрихтского договора 1992 г. Европейский союз включает ныне 28 европейских государств, девятнадцать из которых ввели единую валюту, создав еврозону. Был создан общий европейский рынок, хотя это решение

имело как положительные, так и отрицательные последствия для экономик европейских государств. Решение по объединению европейских стран было принято в связи с тем, что по отдельности у стран ЕС намного меньше природных ресурсов и трудоспособного населения в сравнении с США.

В самом Европейском союзе существует ряд проблем, препятствующих достижению должного уровня экономической безопасности. Эти проблемы, как правило, возникают вследствие противоречий между развитыми государствами, вынужденными тащить за собой экономику слаборазвитых государств. Например, Германия и Франция вынуждены вносить немалый вклад в экономическое развитие Болгарии, Румынии и прибалтийских государств — бывших республик СССР. Население Европейского союза насчитывает на конец 2018 г. 500 млн жителей. В целом доля ЕС в мировом валовом внутреннем продукте составляла в 2018 г. приблизительно 23% (21,6 трл долл.) по паритету покупательной способности и по номинальному значению около 19% (16,1 трл долл.)[1].

В развитых странах Европы со сложившейся рыночной экономикой понятие экономической безопасности страны часто является синонимом понятия экономической политики, важной функцией от принятого государством политического и экономического курса. Так, в Германии под экономической безопасностью, как правило, понимают устойчивость экономического роста.

Германия как единое целое вошла в европейскую историю лишь в 1871 г., после объединения немецких земель «железом и кровью» под эгидой Пруссии и великого канцлера Отто фон Бисмарка. Пережив две мировые войны, опыт тоталитарного государства при фюрере (1933–1945 гг.), расчленение на два государства после поражения во Второй мировой войне и последующее воссоединение (1990 г.), Германия вступила в XX в. как мощная в экономическом отношении страна, являющаяся одним из локомотивов Европейского союза.

В современной Германии отсутствует специальный закон о национальной безопасности, подобный французскому закону 1964 г. Но важнейшие стратегические интересы страны в сфере национальной безопасности, в том числе и ее экономической составляющей, концептуально представлены в особой официальной директиве Министерства обороны Федеративной Республики. Пережившая Веймарскую республику, эпоху национального социализма и тотальную разруху, современная Германия видит обеспечение собственной экономической безопасности в действенной и всесторонней поддержке экономического и социального прогресса как на международно-политическом уровне, так и внутри страны. Федеративная Республика как один из локомотивов Европейского союза стремится действенно обеспечивать процесс демократизации в Европе. В стране — как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных земель — принимаются значительные меры по защите от возможного экономического шантажа, который в эпоху глобализации особенно часто осуществляется именно с политической подоплекой. В рамках справедливой мировой экономической системы Германия стремится к обеспечению свободы торговли и доступу к сырьевым ресурсам и рынкам.

Хотя современная Германия является одним из крупнейших потребителей импортного сырья, это обстоятельство не рассматривается политиками и законодателями в качестве угрозы для экономической безопасности страны. Высокие уникальные технологии, среди создателей которых неизменно оказываются немецкие ученые, обеспечивают стране одно из первых мест на мировом экономическом Олимпе и гарантируют ее экономическую безопасность. При сохранении достигнутого уровня потребления энергоресурсов в Германии успешно решается задача

[1] Статистические данные Международного валютного фонда [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/data (дата обращения: 20.02.2019).

неуклонного роста промышленного производства и повышения цен на товары немецкого экспорта.

В стране принят Закон «О поддержке устойчивости и роста экономики», часто называемый стабилизационным законом. Этот закон был принят после масштабного послевоенного циклического кризиса 1966–1967 гг. Согласно этому документу, «государство должно проводить такую экономическую политику, чтобы в рамках выбранной модели рыночной экономики она содействовала одновременно стабильности цен, высокому уровню занятости и внешнеэкономическому равновесию при соразмерных постоянных темпах экономического роста» [3, s. 75]. Видимо, именно этот документ можно считать своеобразным законом об обеспечении экономической безопасности Германии.

Правительство, согласно этому Закону, должно проводить действенную конъюнктурную и структурную экономическую политику, основной целью которой является предупреждение разнообразных негативных явлений, которые в условиях глобальной экономики становятся все более угрожающими. Главная задача федерального правительства Германии — обеспечение экономического развития. Закон в качестве важнейших мер предусматривал планирование государственного бюджета в общих важнейших чертах и вложение государственных средств в экономику страны. В Законе была прописана необходимость создания особого «Фонда выравнивания конъюнктуры». Налицо было влияние социалистической плановой экономики, применение основных черт которой не раз помогало капиталистическому миру выбираться из кризисов перепроизводства.

Правительство обязано проводить антицикличную бюджетную политику. Такого рода политика в качестве важнейших мер для оживления спроса при общем ухудшении экономической конъюнктуры предусматривает увеличение государственных расходов для оживления и лечения экономики страны. В свою очередь, следует уменьшать такие расходы в условиях экономического роста. На наш взгляд, принятие этого закона свидетельствует о начатом в стране концептуальном переходе от идеи неконтролируемого свободного рыночного хозяйства, с использованием элементов теории социального рыночного хозяйства, к концепции рыночного хозяйства с глобальным регулированием. Эта концепция, по сути, представляла собой своеобразный синтез идей Вальтера Ойкена (1891–1950.), высказанных им в книгах «Основы национальной экономии» и «Основные принципы экономической политики», и работ создателя макроэкономики Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946).

Отметим, что в этом Законе были прописаны меры, которые необходимо предпринимать в области экономической политики при наступлении внутренних и внешних угроз для устойчивого социально-экономического развития. К таковым отнесены: отрицательное воздействие внешнеэкономических факторов, различные просчеты экономической политики, которые выразились в чрезмерном ускорении или замедлении развития экономики, а также в расширении спроса, превышающего наличную продуктивность национального хозяйства.

Отметим, что вопросами экономической безопасности страны занимаются не только Министерство обороны и Bundesnachrichtendienst (разведывательная служба страны), но и активно используются независимые и частные детективные и охранные агентства. В целом, при решении проблем экономической безопасности Германия преимущественно сосредоточена на повышении эффективности экономики и одновременно поддерживает существующий уровень личной экономической безопасности своих граждан. Такого рода политика включает следующие меры: действия по поддержанию цивилизованного характера рыночных отношений; создание равных условий для конкуренции; недопущение монополизации в отдельных отраслях; поддержание стабильности национальной валюты [4, s. 46– 54].

Большое внимание в стране уделяется незаконному использованию мигрантов на предприятиях. Сейчас становится все более очевидным, что мусульманские мигранты из Азии и Африки — не столько дешевая рабочая сила, сколько чуждое всей европейской культуре зло — главная угроза для безопасности всей европейской общности. Поэтому перед Германией, как и перед всей Европой, стоят сложные и трудно решаемые на сегодняшний день проблемы.

Во Франции основным государственным документом, в котором затрагиваются отдельные положения обеспечения экономической безопасности, является Закон о национальной безопасности 1964 г. Как известно, эта страна отличается богатыми демократическими традициями и бурной историей, которая включает несколько кровавых, но весьма действенных революций — начиная с Великой революции 1789–1799 гг. Любая революция, помимо того, что приносит народу кровь и слезы, выполняет оздоровительные функции, разрушая старые и отжившие социальные и экономические структуры.

Роль законодательных актов Наполеона Бонапарта для экономики Франции и обеспечения ее безопасности на мировой арене, в том числе и при экономических и торговых операциях, трудно переоценить. Даже отделенная двумя столетиями от той славной эпохи, существующая с 1958 г. Пятая республика — единственная из всех предыдущих французских республик, которая не явилась результатом национальной революции или интервенции, а напротив, легитимированной на конституционной основе — базируется на базисных идеях великого Бонапарта, в том числе и идеях экономических.

К сожалению, по мнению автора, современная Франция не имеет политиков хотя бы масштаба племянника великого Наполеона — президента Второй республики (1848–1852 гг.), а затем императора Второй империи (1852–1870 гг.) Луи Наполеона Третьего. В ее распоряжении имеются лишь фигуры наподобие Николя Саркози, Франсуа Олланда или Жака Ширака, которые не в состоянии вернуть Франции былое величие. Тем не менее, эта страна и по сей день, наряду с Германией, выступает движущей экономической силой Европейского союза, — так велика сила исторической инерции и мощь экономических и социокультурных потенций.

В современную эпоху при рассмотрении вопросов экономической безопасности во Франции используются следующие критерии: уменьшение до возможного минимума внешних рисков; устранение всевозможных барьеров для субъектов предпринимательства; независимость от внешних факторов, способных повлиять на развитие ведущих и приоритетных отраслей экономики.

В Великобритании, по сути, отсутствуют основополагающие законодательные документы по обеспечению экономической безопасности. Эта страна является для многих по праву символом европейской демократии, хотя сами подданные Британской империи не считают себя европейцами. Начиная со времен короля Иоанна Безземельного, издавшего в 1215 г. Великую хартию вольностей, в стране начали складываться парламентская демократия и оформляться демократические свободы, в том числе и свободы экономические.

Экономическое могущество Британской империи было создано кровью и потом миллионов ее подданных, которые воистину рабским трудом создавали могущественную капиталистическую державу, имперский расцвет которой пришелся на долгое правление королевы Виктории (1837–1901 гг.). Именно в викторианскую эпоху были заложены основы современной политики экономической безопасности страны, суть которой, как и квинтэссенция международной политики Великобритании, заключается в известной формуле (1858 г.) премьер-министра Генри Палмерстона: «У Англии нет вечных союзников, как и постоянных врагов, но зато вечны и постоянны ее интересы».

Экономическая безопасность Великобритании включена в национальную систему безопасности и рассматривается как защита общих интересов народа в целом. Главными элементами политики экономической безопасности можно считать всемерную поддержку предпринимательской деятельности, создание единой сети «институты — правительство — бизнес», прогнозирование и защита от экономических угроз. Британское правительство принимает ряд антикризисных мер, призванных укрепить экономическую безопасность страны, хотя некоторые специалисты оценивают эти меры как неэффективные [1].

В Великобритании традиционно велика роль научных исследований, связанных с обеспечением экономической безопасности. Именно британские ученые предсказали, что экономический рост в этой стране, наблюдавшийся целое десятилетие с 1997 по 2007 гг., заканчивается. Возможный глобальный экономический кризис был предсказан учеными, но эти предсказания были проигнорированы политиками.

Испания среди европейских стран отличается богатейшей историей, особенно славной в эпоху Великих географических открытий. Заморская империя Испании рухнула вследствие утраты пассионарности, но память о былом величии и могуществе осталась в народной ментальности. В XX в. Испания, как Германия и Италия, пережила опыт тоталитаризма, но диктатура Франко (1939–1975) коренным образом отличалась от нацистского и фашистского режимов соответственно в Германии и Италии, что и позволило генералиссимусу Франко сохранить власть до самой смерти в 1975 г. При довольно жестком политическом режиме были сохранены и развивались основные экономические свободы, свойственные капитализму в целом. Это позволило Испании весьма плавно перейти от тоталитаризма к конституционной монархии под эгидой короля Хуана Карлоса I.

Современная Испания приняла специальную Концепцию экономической безопасности, которая отличается сильной и хорошо проработанной нормативно-правовой базой. К основным достоинствам этой Концепции относятся динамичная структура ответственных государственных органов и создание специальных органов контроля со стороны государства. Компетенции государственных органов в Испании довольно четко разделены, дабы не допустить бюрократической и организационной путаницы. Основными направлениями в обеспечении экономической безопасности Испании можно считать инвестиционный и валютный мониторинг, всестороннее развитие промышленного производства и разработку работоспособной нормативно-правовой базы для бизнеса.

В Италии, также пережившей опыт тоталитаризма в форме фашистского корпоративного государства под руководством дуче Бенито Муссолини (1922–1943), современная государственная власть довольно действенно защищает местных производителей на международной арене. Но при этом наблюдается полное отсутствие каких-либо специальных регулирующих документов. Большое внимание со стороны государства уделяется международному сотрудничеству и внешнеторговым операциям с зарубежными партнерами. Определяющими факторами в обеспечении экономической безопасности Италии считаются внедрение кооперативов в промышленности и защита итальянских производителей и предпринимателей.

Япония отличается сложной и интересной историей приспособления к европейским ценностям и действенного их использования на благо развития страны и ее экономической безопасности. Лишь во второй половине XIX в., после революции Мэйдзи 1868–1889 гг., началась постепенная интеграция этой страны в европейский мир, которая не всегда проходила гладко и безболезненно. Эпоха Мэйдзи, в чем-то схожая с реформами Петра I, отличалась ломкой японского традиционного образа жизни и ускоренным внедрением в стране достижений западной цивилизации и ее базисных ценностей, в том числе и понимания экономических процессов.

В XX в. страна оказалась союзницей Германии и Италии, потерпела поражение во Второй мировой войне и была подвергнута варварской атомной бомбардировке. Но американская оккупация в большей степени позитивно отразилась на экономическом развитии страны и процессе ее приобщения к западным ценностям. Анализ японской модели национальной безопасности показывает тесную взаимосвязь и взаимозависимость с американской моделью именно вследствие послевоенной оккупации, которая позже довольно гармонично трансформировалась в союзнические отношения Японии и США. Современная трансформация традиционной трактовки безопасности в военно-политическом смысле в широкое комплексное толкование понятия безопасности произошла в Японии в начале 70-х годов XX в. Тогда довольно отчетливо обозначились признаки окончания эпохи бесконтрольного экономического превосходства США на глобальном уровне и в отдельных регионах, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основными документами Японии по обеспечению национальной безопасности можно считать доктрину Сигэру Есида (1878–1967), который пять сроков был премьер-министром Японии, и доктрину Комплексного обеспечения национальной безопасности. Эти важнейшие документы были приняты в середине XX в. Они базируются на послевоенной политике национальной безопасности и направлены на динамичное развитие японской экономики, инкорпорирующейся в мировую хозяйственную систему. Именно вследствие ограниченных природных ресурсов в Японии стали уделять первостепенное внимание развитию образования и науки, а также было принято решение перейти на научно-техническое и торговое сотрудничество с другими странами.

Результаты не заставили долго себя ждать. В своем классическом виде — концентрации на задачах экономического роста — «доктрина Есида» действовала до начала 1970-х годов. Благодаря данной доктрине Япония уже в 1968 г. вошла в двадцатку лучших стран по объему промышленного производства. Экономические успехи позволили стать основой для политики национальной безопасности Японии, которая основана на приоритете человеческого интеллекта и всемерного уважения к нему.

Современные активные меры в политике экономической безопасности Японии ассоциируются со стремлением этой страны к повышению собственной роли в конструировании современной системы международных отношений. Для этого в полной мере используется ее мощь как ведущей экономической державы. Но основной проблемой является отсутствие полезных ископаемых и иных природных богатств в стране, что приводит к внешней зависимости Японии от ресурсов, которая достигает приблизительно 80%.

Учитывая все эти обстоятельства, политические теоретики и практики выявили приоритетное направление в обеспечении национальной безопасности Японии. Такой парадигмой стало опережающее экономическое развитие страны, важнейшим составным элементом которого выступает международное сотрудничество — прежде всего, в сфере науки, высоких технологий и взаимовыгодной торговли. Именно тогда под национальной экономической безопасностью в Японии стали понимать способность экономики страны действенно и эффективно бороться с любой внешней угрозой.

В заключение рассмотрим одну страну арабского мира, не относящуюся к Западной цивилизации, но сверхбыстрое развитие которой часто сравнивают с экономическим чудом. Объединенные Арабские Эмираты — страна арабского мира и мусульманской культуры, которая ныне демонстрирует потрясающие результаты в экономическом развитии, опережая по основным показателям, в том числе и по уровню жизни, как США, так и самые развитые страны Европейского союза. Эта страна сумела синтезировать лучшее из культур Востока и Запада, причем решение экономических проблем осуществляется там с привлечением лучших экономических умов Европы и США.

Ставшая независимой от Великобритании лишь в 1971 г. и состоящая из семи абсолютных монархий страна проводит уникальную экономическую и социальную

политику, направленную, прежде всего, на поддержку благосостояния своих подданных и его неуклонное повышение. Благодаря гигантской прибыли от нефти и эффективному вложению средств в развитие промышленности и сельского хозяйства, а также образованию многочисленных свободных экономических зон Арабские Эмираты в самые короткие исторические сроки смогли достичь высокой степени экономического процветания. Уже в 80-е годы XX в. получили значительный стимул для развития сфера туризма и финансов.

Стать гражданином этой страны практически невозможно. Это один из краеугольных камней политики экономической безопасности страны. Из населения в 9 млн чел. лишь приблизительно 1 млн имеют гражданство страны с вытекающими отсюда правами поистине фантастического для всего остального мира социального обеспечения. Но именно работающие во всех сферах экономики иностранцы составляют основу экономического благополучия семи эмиратов, из которых лишь Абу-Даби может похвастаться богатыми нефтяными месторождениями.

В последнее время в Эмиратах доля доходов от добычи и переработки нефти в общем объеме валового внутреннего продукта снижается. Это связано с инициативами правительства по диверсификации экономики. Но одновременно увеличивается роль других секторов экономики в структуре ВВП, в том числе туризма, строительства, торговли и сельского хозяйства.

Заключение

Подведем основные итоги. Итак, основной стратегической целью стран Западной цивилизации, к которой, по мнению автора, целесообразно относить не только Европу, США, Канаду, но и Японию, в области защиты национальных экономических интересов является обеспечение устойчивого экономического роста этих стран и реформирование экономики в соответствии с условиями конкурентной борьбы на мировом рынке.

Видимо, главное внимание страны Европейского союза уделяют обеспечению национальной безопасности через целостный процесс достижения европейской безопасности. В целом, руководство Европейского союза не всегда в состоянии обеспечить целостную безопасность входящих в него стран. События в Греции в 2011–2012 гг., которая стала первой жертвой хлынувшего в Европу потока мигрантов, служат этому печальным примером. Не внушают оптимизма и события в Германии, гражданки которой постоянно подвергаются жесткому сексуальному насилию со стороны мигрантов, а федеральный канцлер хранит смущенное и политкорректное молчание. Разумеется, насилие над личностью лишь косвенно связано с проблемами экономической безопасности, но такая связь есть, и она будет очевидной, если из той же Германии начнется отток квалифицированной рабочей силы и специалистов с высшим образованием. Такое развитие событий вполне возможно, если власти и далее не будут уделять внимания проблеме целостной безопасности своих граждан.

В целом ведущие европейские державы не уделяют важного внимания собственным возможностям по обеспечению экономической безопасности — в отличие от бывших постсоветских государств или стран, некогда входивших в социалистическое содружество. Например, в рассмотренной выше директиве Министерства обороны Германии совершенно верно подчеркивается, что «проблемы нашего сложного мира можно эффективнейшим образом решить с помощью международной дискуссии и стремления к компромиссам, отсюда — германская политика безопасности акцентирует приоритетное внимание на международных отношениях и наднациональных институтах» [3, s. 76].

Итак, в странах Западной цивилизации после интеграционных процессов последних трех десятилетий экономическая безопасность развитой капиталистической страны, в идеале, рассматривается не как состояние полной независимости от остального мира, а как состояние стабильного и устойчивого социально-экономи-

ческого развития, которое можно достигнуть на основе тесного политического и экономического сотрудничества. Но о возможно более полной независимости как национальной экономики, так и внутренней и внешней политики, в развитых странах Западной цивилизации вспоминают в периоды обострения кризисов.

Разразившийся в 2008 г. глобальный экономический кризис привел во многих странах мира, в том числе и в развитых государствах Западной цивилизации, к системно-структурным проблемам, решить которые на сегодняшний день не представляется возможным. Их внимательный анализ показал, что целостной системы международной экономической безопасности, которая учитывала бы интересы хотя бы развитых стран Западной цивилизации, не существует. Каждая страна с большей или меньшей степенью успеха решает проблемы обеспечения экономической безопасности, но говорить о полной гармонии между Европейским союзом, США или Японией не приходится. Более того, о такой гармонии пока можно только мечтать и в рамках самого Европейского союза, который в экономическом отношении весьма противоречив и неоднороден. Разнообразные противоречия внутри самого Западного мира усугубляются противоречиями, возникающими вследствие всеобъемлющего противостояния цивилизаций и цивилизационных типов, что отнюдь не способствует достижению экономической безопасности в мировом масштабе.

Литература

1. *Гордиенко Д. В.* Влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень экономической безопасности Великобритании // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. Т. 8. № 25. С. 50–64.
2. *Ковалев А. А.* Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общ. ред. В. А. Шамахова. СПб. : Изд-во Коновалова А. М., 2019.
3. *Conze E.* Die Suche nach Sicherheit. Eine Geschichte der Bundesrepublik von 1949 bis in die Gegenwart. Siedler, München 2009.
4. *Graf M.* Schnellkurs Deutschland. Köln : DuMont, 2007.
5. *Rudner M.* Canada's Communications Security Establishment, Signals Intelligence and Counter-Terrorism // Intelligence and National Security. 2007. 22 (4). P. 478.

Об авторе:

Ковалев Андрей Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, kovalev-aa@ranepa.ru

References

1. Gordiyenko D. V. Influence of world financial and economic crisis on the level of economic security of Great Britain // National interests: priorities and safety [Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost']. 2012. V. 8. N 25. P. 50–64. (In rus)
2. Kovalyov A. A. Current problems of national security of Russia: theoretical and practical aspects / under a general edition of V. A. Shamakhov. SPb. : Konovalov A. M. publishing house, 2019. 302 p. (In rus)
3. Conze E. Die Suche nach Sicherheit. Eine Geschichte der Bundesrepublik von 1949 bis in die Gegenwart. Siedler, München 2009.
4. Graf M. Schnellkurs Deutschland. Köln : DuMont, 2007.
5. Rudner M. Canada's Communications Security Establishment, Signals Intelligence and Counter-Terrorism // Intelligence and National Security. 2007. 22 (4). P. 478.

About the author:

Andrey A. Kovalev, Associate Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; kovalev-aa@ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-69-78

Развитие продовольственного рынка как фактор повышения региональной конкурентоспособности

Воронков С. С., Козырев А. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vrnkvsrg@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены основные положения современной региональной конкурентоспособности, ее факторы. Исследован ряд показателей, используемых для оценки региональной конкурентоспособности. В показателе качества жизни населения выделен критерий оценки уровня развития регионального продовольственного рынка, дополняющий систему показателей оценки уровня региональной конкурентоспособности. Сформулированы критерии формирования стратегии развития продовольственного рынка.

Цель. Показать необходимость включения критерия развития регионального продовольственного рынка в систему критериев оценки региональной конкурентоспособности.

Задачи. Рассмотреть факторы региональной конкурентоспособности, определить место фактора развития регионального продовольственного рынка в общей системе факторов. Сформулировать критерии развития фактора регионального продовольственного рынка.

Методология. Методологическую базу работы составили общенаучные методы, отечественные и международные исследования в области региональной конкурентоспособности и развития продовольственного рынка.

Результаты. В работе обозначена группа показателей оценки региональной конкурентоспособности. Сформулировано обоснование включения критерия развития регионального продовольственного рынка в систему показателей оценки региональной конкурентоспособности. Определена структура оценки развития регионального продовольственного рынка в системе оценивания уровня региональной конкурентоспособности.

Ключевые слова: региональная конкурентоспособность, продовольственный рынок, критерии, стратегии

The Development of the Food Market as a Factor in Increasing Regional Competitiveness

Sergey S. Voronkov, Aleksandr A. Kozyrev*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *vrnkvsrg@gmail.com

ABSTRACT

The article discusses the main provisions of the modern regional competitiveness, investigated a number of indicators used to assess regional competitiveness. In terms of the quality of life of the population, the criterion for assessing the level of development of a regional food market is highlighted, complementing the system of indicators for assessing the level of regional competitiveness in a region. The external and internal factors influencing the development of the regional food market at the current stage of its development are determined. The criteria for the formation of a food market strategy as a tool for increasing regional competitiveness are formulated.

Aim. Identify the need to include criteria for the development of a regional food market in the system of criteria for assessing regional competitiveness.

Tasks. Consider the factors of regional competitiveness, determine the place of the factor of development of the regional food market in the general system of factors. Formulate criteria for the development of a regional food market factor.

Methods. The methodological basis of the work was general scientific methods, domestic and international research in the field of regional competitiveness and the development of the food market.

Results. The paper identifies a group of indicators for assessing regional competitiveness. The rationale for including the criterion for the development of a regional food market in the system of indicators for assessing regional competitiveness has been formulated. The structure of the evaluation of the criterion for the development of a regional food market to increase the level of regional competitiveness has been determined.

Keywords: regional competitiveness, food market, strategy criteria

Изучению вопроса современной региональной конкуренции и ее особенностей уделено значительное внимание научного сообщества. Одними из современных направлений исследований в области региональной конкурентоспособности являются изучение факторов повышения конкурентоспособности и их влияния на конкурентную позицию региона, а также изучение методик и инструментария расчета конкурентоспособности регионов.

Региональные конкурентные преимущества российским ученым Г. А. Унтура определяются как совокупность природных, социально-экономических, научных, образовательных, технических, информационных, культурных и институциональных условий, сложившихся в регионе, отличающих его от других регионов и определяющих долгосрочные перспективы производства товаров и услуг [14, с. 4]. Каждая территория обладает совокупностью своих уникальных условий и факторов, развитие которых приводит к повышению уровня и качества жизни проживающих на ней людей, изменению экономических и социальных показателей развития, что в целом повышает уровень развития региона, его конкурентоспособность, привлекательность для инвесторов.

В современной практике используются такие инструменты повышения конкурентоспособности, как планирование, прогнозирование, определение региональных конкурентных преимуществ, использование имеющихся ресурсов, оценка эффективности проведения региональной социальной и экономической политики. Современный этап развития общества и экономики определяет новые факторы, которые имеют большой вес в вопросе повышения конкурентоспособности. Ими выступают не традиционные факторы местоположения, климатических условий и наличия ресурсной базы территории, а факторы, определяющие уровень пространственного развития, качества человеческого потенциала и институтов [4, с. 4[1]].

Необходимость повышения конкурентоспособности региона и проведение анализа эффективности деятельности (расчет показателей) обосновывается двумя подходами. Согласно первому, на национальном уровне, региональная конкуренция является фактором комплексного развития всей страны: посредством развития каждой отдельной территории растут показатели развития всей страны в целом. Согласно второму, реализуемому на региональном уровне, конкурентоспособность — это источник социально-экономического развития самого региона. А оценка конкурентоспособности региона может являться дополнительным инструментом процесса мониторинга реализации стратегии развития региона. В то же время повышение конкурентоспособности региона не должно являться самостоятельным направлением региональной политики: оно должно проходить комплексно, в рамках стратегий регионального развития, которые направлены на повышение уровня и качества жизни, развитие экономики региона. Повышение региональной конкурентоспособности должно быть следствием проводимой комплексной работы руководителей региона, что обретает свою актуальность в процессе анализа их деятельности [8, с. 48].

Индекс глобальной конкурентоспособности, который является на сегодняшний день одним из главных критериев международного анализа конкурентоспособности,

[1] См. также: Ipsos. Russia 2019: the time of adjustments, 2018.

показывает, что страны с высоким показателем конкурентоспособности обеспечивают более высокий уровень благосостояния своих граждан. Согласно последним проведенным исследованиям, индекс глобальной конкурентоспособности России равняется «4,6», что позволяет занять ей 38-е место из 137 стран мира, по которым проводятся расчеты.

Факторами конкурентоспособности региона являются движущие силы регионального развития, обеспечивающие эффективное использование имеющихся в регионе ресурсов путем преобразования потенциальных возможностей в источники конкурентных преимуществ региона [7, с. 316]. Традиционно, к факторам в исследованиях относят: наличие кластеров и развитой инфраструктуры, наличие и приток инвестиций, активную торговлю, в том числе внешнюю, и др. Одним из факторов является показатель качества жизни населения региона. Данный показатель является изменяемым фактором внутренней среды стратегического управления региона.

Исследователями на основе имеющейся базы национальной и региональной статистики, на основе принципов минимизации и надежности показателей, были сформулированы 26 показателей оценки региональной конкурентоспособности, объединенные в 5 групп [16, с. 116]: уровень экономического потенциала региона; эффективность использования экономического потенциала региона; привлекательность региона для населения; инновационность экономики региона; привлекательность региона для бизнеса.

По мнению авторов, такой состав показателей является достаточным и позволяет полностью оценить все аспекты и изменяемые факторы, влияющие на уровень развития региона, его конкурентоспособность. Данные факторы можно классифицировать на две группы: социальные и экономические. При этом социальный компонент включает в себя также ряд экономических показателей, таких как величина среднедушевых доходов населения, дифференциация доходов населения, величина расходов бюджета в расчете на одного человека, что, по мнению исследователей, формирует систему жизнеобеспечения населения.

Стоит отметить, что в данной классификации преобладают критерии, раскрывающие развитие территории через экономические показатели. Бизнес, в том числе малый, является мощным стимулом развития территории, но, по мнению исследователей, с точки зрения комплексной оценки конкурентоспособности развития территории, необходимо рассмотрение дополнительных оценок социального развития, качества жизни граждан. Именно повышение качества жизни населения региона, создание условий для роста человеческого потенциала рассматривается в исследованиях как путь повышения конкурентоспособности региона. Через повышение качества жизни населения в регионе появляется возможность притока нового населения в регион, снижение или сведение до минимального значения показателя миграции населения из региона. При наличии необходимых условий и факторов, эффективности проводимой региональной политики, это позволит поднять показатель предпринимательской активности, повысить уровень инвестиций, привлечет новый бизнес, повысит экономическую эффективность проводимой политики и уровень конкурентоспособности.

Под качеством жизни населения в исследованиях понимается степень удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека, определяемую объективно существующими в рамках действующей социально-экономической системы условиями [11]. Качество жизни и уровень удовлетворенности этим качеством определяется ценностями, субъективно устанавливаемыми человеком исходя из того, насколько его потребности были удовлетворены. Таким образом, качество жизни во многом определяется теми требованиями, которые человек формирует и предъявляет самостоятельно.

Проведенные исследования определили существование зависимости между показателями уровня качества жизни населения и уровнем экономического развития территории. В системе оценок к показателям качества жизни нами отнесены: демографические показатели, уровень жизни, рынок труда, потребительские условия и ЖКХ, охрана здоровья и экология, образование, культура, социальная политика, правонарушения. Существует также фактор поддержания здоровья, учитываемый не во всех исследованиях, но имеющий взаимосвязь с некоторыми другими критериями, например, уровень здоровья и количество заболеваний, продолжительность жизни. Так, современные исследования нобелевского лауреата А. Дитона посвящены, в том числе, размышлениям о путях избавления человечества от бедности и болезней [8, с. 53]. Стоит отметить, что снижение смертности и увеличение продолжительности здоровой и активной жизни — важные цели стратегии развития страны на 2018–2024 гг.[1] Этот фактор связан с продовольственным рынком региона, степенью его развитости.

Под региональным продовольственным рынком авторами в широкой трактовке понимается совокупность всех имеющих к нему прямое и косвенное отношение участников (компании, занимающиеся производством, транспортировкой, реализацией и утилизацией продукции, органы государственной и региональной власти), участвующих во всех стадиях жизненного цикла продукта, целью которых является производство и реализация (в рамках установленных границ региона) качественных продуктов питания на территории, а также совокупность конечных потребителей продукции, обладающих экономической и географической доступностью для приобретения товара. Под качеством продукта питания нами понимается его соответствие национальным стандартам. Важная роль в обеспечении качества отводится функционирующим системам менеджмента качества [6].

Региональному продовольственному рынку исследователи отводят значимую роль [13, с. 107; 16], определяя ему одно из центральных мест в экономике региона, с помощью него реализуется одна из анимальгенных потребностей человека — потребность в пище. Но современное развитие экономики, общества, глобальные тенденции требуют от продовольственного рынка не только обеспечения продуктами питания, решения вопроса голода и недопущения дефицита товара на рынке. Сформирована задача следующего этапа развития — формирование на рынке предложения продуктов питания, содержащих необходимое количество веществ, которые будут способствовать сбалансированному питанию, что позволит сократить риск и количество заболеваний, увеличить продолжительность жизни, повысить качество жизни населения. При этом, на решение данной задачи оказывают воздействие ряд дополнительных факторов, которые представлены на рис. 1.

Под экологическим фактором подразумеваются требования, предъявляемые мировым сообществом в вопросах сохранения окружающей среды, изменения температуры, уменьшения объемов пресной воды на планете. На региональный рынок продовольствия он оказывает влияние в виде необходимости сокращения объемов выбросов и отходов на всех этапах жизненного цикла продукции, минимизации нерационального использования энергии, а также использования альтернативных источников энергии.

Экономический фактор предъявляет необходимость учета финансовых возможностей населения и необходимость обеспечения (в первую очередь со стороны органов государственной власти) экономической доступности продуктов питания населению, в том числе, слабо защищенным слоям населения (пенсионеры, малообеспеченные семьи, безработные, многодетные семьи). Ухудшение экономической

[1] Стратегия развития России 2018–2024. [Электронный ресурс]. URL: https://strategy.csr.ru/vazhen-kazhdyi/zhizn-i-blagopoluchie (дата обращения: 12.03.2019).

Рис. 1. Дополнительные факторы воздействия на развитие регионального продовольственного рынка на современном этапе развития
Fig. 1. Additional influencing factors for development of the regional food market at the present stage of development

Составлено авторами.

доступности и изменение структуры потребления отечественного потребителя — одно из следствий развития рынка в последние годы. Международные исследования отмечают один из самых высоких показателей инфляции на продукты питания, а также увеличение доли продажи промо-продуктов, что объективно отражает сложившиеся тенденции [17].

Национальная политика воздействует на развитие регионального продовольственного рынка через проводимую внутреннюю политику, которая становится следствием решений правительства страны, направленных на внешнее взаимодействие и решение внутренних задач. Главный фактор, который оказывает влияние на развитие регионального продовольственного рынка в последние годы — ряд решений, связанных с запретом поставок продовольствия на территорию страны из ряда недружественных России государств, принятием национальной программы импортозамещения на продовольственном рынке. Она направлена на обеспечение населения продовольствием, произведенным внутри страны, взамен импортируемой ранее из зарубежных стран.

Дополнительный фактор воздействия, который сформирован от потребителя продукции и имеет мировую тенденцию: органическое производство продуктов питания. Данное направление имеет стремительный темп роста: увеличение объема мирового рынка органических продуктов с 2000 по 2016 гг. произошло в пятикратном объеме, по оценке экспертов, к 2025 г. объем рынка органической продукции будет иметь долю от мирового рынка сельскохозяйственной продукции 15–20% [15, с. 7]. Доля России в мировом производстве и потреблении органической продукции в общем объеме и в расчете на душу населения на текущий момент времени низка, что является дополнительной причиной для формирования политики производства и потребления такой продукции для населения России. Дополнительный фактор потенциального преимущества России — количество земель,

пригодное для органического производства, а также сравнительно низкий уровень химизации сельского хозяйства.

Сложность и длительность производства продукции данного типа имеет свое отражение в виде конечной розничной цены, которую видит потребитель на полке магазина. Исследования по сравнению отпускных цен на органическое молоко и обычное молоко показывают среднюю разницу в цене в размере 30% [10], что является достаточно большим ограничением для массового потребителя. Такое ограничение формирует картину потребителя продукции органического производства — представителя среднего класса. Стоит отметить, что в отечественной практике, в Москве и Санкт-Петербурге, в частности, формируется новая культура потребления у молодых семей в возрасте 25–35 лет, которые, в том числе, имеют маленьких детей. Она обозначается как готовность платить большую цену за качественную продукцию, что благоприятно отражается на их показателях здоровья и количестве заболеваний, в том числе, по отношению к детям, что было отмечено в рамках проекта по исследованию трендов и российского потребителя на рынке продуктов питания [5][1]. Это обусловлено как внутренними стимулами и финансовыми возможностями, так и мировыми тенденциями, пропагандирующими здоровый образ жизни, занятие спортом и отказ от вредных привычек, которые оказывают отрицательное воздействие на здоровье.

Региональный продовольственный рынок сегодня представляет собой не только важный элемент региональной экономики, но и инструмент повышения качества жизни в регионе. Это подтверждается в рамках исследования факторов, влияющих на показатель качества жизни населения, в котором критерий «качество и доступность продуктов» является одним из самых важных, наряду с показателем здоровья и экологией[2]. Высокая значимость регионального продовольственного рынка и его влияние на уровень жизни населения определяет необходимость его развития, а также включения критерия уровня развития продовольственного рынка в систему критериев оценки конкурентоспособности региона.

Развитие регионального продовольственного рынка возможно через формирование двухуровневой системы развития, рассмотренной в работах [1; 2; 3], где на первом уровне находится национальная программа развития продовольственного рынка в форме национальной Доктрины продовольственной безопасности как системообразующего документа, определяющего главную цель, задачи и принципы развития рынка. На втором уровне, региональном, находится стратегия развития регионального продовольственного рынка, которая учитывает все особенности (климатические, географические, социальные, экономические, демографические, политические, стратегические) конкретной территории. Она формирует программу развития регионального продовольственного рынка в рамках определенной национальной стратегии.

Данный документ развития регионального продовольственного рынка, по нашему мнению, должен быть сформирован в форме стратегии (одним из основоположников методологии которой является В. Л. Квинт). Согласно его определению, конечной целью стратегии является развитие социально-экономической системы, направленное в конечном итоге на повышение качества жизни людей[3]. Стратегия развития регионального продовольственного рынка должна быть выстроена и учитывать критерии, в рамках которых происходит современное развитие националь-

[1] См. также: The Global Competitiveness Index [Электронный ресурс]. URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info (дата обращения: 03.03.2019).

[2] *Демидов А.* Глобальные тренды и российский потребитель 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf (дата обращения: 12.03.2019).

[3] Разбор: мировой рынок органических продуктов питания [Электронный ресурс]. URL: https://milknews.ru/longridy/rynok-organiki.html (дата обращения: 12.03.2019).

ного и регионального продовольственного рынка. Основной критерий — формирование самообеспеченности продуктами питания, национальной базы производителей, мощностей производства которых достаточно для обеспечения, в первую очередь, внутреннего спроса, во вторую очередь — экспорта. В данном случае самообеспеченность касается не только конечных продуктов питания, а также материалов, используемых в процессе производства, техники, оборудования и технологий. Построение такой системы может носить длительный характер, но отечественная практика позволяет говорить об успешности проводимой политики на национальном и региональных уровнях.

Второй важный критерий — обеспечение экономической доступности продуктов питания для всех слоев населения, сокращение доли затрат на них в бюджете домохозяйств. Проведенные исследования показывают, что в последние годы происходит сокращение реальных доходов населения, что приводит к изменению структуры семейного бюджета (увеличение доли затрат на питание) и изменению структуры потребления продуктов питания[1].

Третий критерий — повышение качества предлагаемой продукции на рынке. Потребление качественной и сбалансированной по нутриентам продукции позволяет снизить количество заболеваний среди населения, увеличить продолжительность жизни, поднять уровень жизни населения, является гарантом продовольственной безопасности. К данному критерию также стоит отнести развитие производства и увеличение объемов потребления органической продукции.

Четвертым критерием является соблюдение норм и требований экологичности производства, реализации и утилизации продукции. Сокращение выбросов, сохранение окружающей природы, использование альтернативных источников энергии, использование перерабатываемых компонентов — эти и другие методы позволяют сократить уровень отрицательного воздействия на экологию.

Совокупность критериев, в рамках которых должна формироваться стратегия развития регионального продовольственного рынка, можно представить в виде схемы (рис. 2).

Для включения показателя уровня развития регионального продовольственного рынка в систему критериев конкурентоспособности регионов необходимо формирование количественных критериев, с помощью которых возможно проведение сравнения регионов между собой, а также построение моделей будущего развития, отслеживание и проведение мониторинга текущей деятельности, оценивание степени выполнения поставленных целей и задач. В исследовании представлена методика СРПБ (оценки развития регионального продовольственного рынка), которая рассчитывается по формуле:

$$\text{СРПБ} = \Ф + \Э + \Д + \К + \У,$$

где $\Ф$ — физическая доступность; $\Э$ — экономическая доступность; $\Д$ — достаточность потребления продуктов питания; $\К$ — качество продовольствия; $\У$ — устойчивость продовольственной системы.

Расчет всех слагаемых осуществляется в баллах, каждый из указанных критериев имеет уровни: 1 (высокий), 2 (допустимый), 3 (низкий), 4 (недопустимо низкий). Источниками данных для расчета показателя методики выступают коэффициенты: самообеспеченности, покрытия импорта продовольствия, бедности, достаточности и др. [12, с. 61–62].

[1] *Старостина Ю.* Реальные доходы россиян падают пятый год подряд [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/25/01/2019/5c4af2c39a7947badf2d4e74 (дата обращения: 12.03.2019).

Рис. 2. Критерии формирования стратегии развития регионального продовольственного рынка
Fig. 2. Criteria of formation of the strategy of development of the regional food market

Составлено авторами.

Данный расчет охватывает основные важные аспекты, касающиеся развития регионального продовольственного рынка. В качестве дополнения к данной формуле расчета, по нашему мнению, необходим учет дополнительных факторов, которые оказывают влияние на развитие регионального продовольственного рынка: экологический фактор и тенденция потребления органической продукции, выраженная через показатель доли потребления подобной продукции в общей структуре потребления.

Таким образом, продовольственный рынок региона — важный элемент в структуре региональной экономики. С его помощью реализуется одна из главных потребностей населения, а также он может являться стимулом развития региональной экономики. Развитие продовольственного рынка региона, стабильность его функционирования, доступность продукции для населения, предложение фермерской и органической продукции — важные цели социальной и экономической политики региона. Их достижение ведет к повышению качества жизни населения региона, следствием этого является привлечение на территорию региона социально активного и трудоспособного населения, развитие предпринимательства и создание новых рабочих мест, привлечение инвесторов. Следствием такой региональной политики является повышение социальных и экономических показателей региона, что повышает уровень его конкурентоспособности. А это подчеркивает важность развития регионального продовольственного рынка и необходимость учета показателей его развития регионального продовольственного рынка в системе факторов оценки региональной конкурентоспособности.

Литература

1. *Воронков С. С.* Предпосылки формирования стратегии развития рынка продуктов питания в рамках программ импортозамещения и ресурсосбережения // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 127–138.
2. *Воронков С. С.* Стратегия развития продовольственного рынка и ее место в структуре целостной национальной стратегии // Управленческое консультирование. 2018. № 9. С. 140–151.
3. *Воронков С. С., Козырев А. А.* Роль и перспективы стратегического развития продовольственного рынка // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Т. 9. Вып. 4 (36). С. 106–113.
4. *Зубаревич Н. В.* Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 3–14.

5. *Квинт В. Л.* Стратегирование в России и мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 15–17.
6. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Теория и практика взаимосвязи категорий «хорошая жизнь» и «качество жизни» // Экономика качества. 2013. № 3. С. 1–16.
7. *Козырев А. А.* Реализация конкурентных преимуществ региона в стратегии инновационного развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 315–323.
8. *Козырев А. А.* Рекомендации нобелиата экономике России, или как нам реализовать конкурентные преимущества // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 47–63.
9. *Козырев А. А.* Стандарт развития конкуренции как инструмент решения экономических и социальных проблем региона // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 44–49.
10. *Мироненко О. В.* Органический рынок России. Итоги 2017 года. Перспективы на 2018 год. [Электронный ресурс]. URL http://rosorganic.ru/files/Mironenko%20Analitika%202017-18.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
11. *Мухачева А. В.* Качество жизни населения как научная категория: теоретические подходы к определению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4. С. 303–307.
12. *Оловянников Д. Г.* Методика оценки состояния продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия // Известия ИГЭА. 2009. № 3. С. 61–63.
13. *Ревенков А. Н.* Состояние и перспективы развития пищевой промышленности / А. Н. Ревенков // ЭКО. 2004. № 12. С. 107–120.
14. *Унтура Г. А.* Регион как эпицентр зарождения конкурентоспособности // Регион: экономика и социология. 2002. № 1. С. 3–16.
15. *Ушачев И. Г.* Какой должна быть аграрная политика в России // Агрорынок. 2005. № 4. С. 7.
16. *Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Писаров Ю. А.* Алгорит оценки конкурентоспособности региона // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 111–124.
17. *Fujita M., Krugman P., Venables A. J.* The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. The MIT Press, 1999.

Об авторах:

Воронков Сергей Сергеевич, аспирант факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vrnkvsrg@gmail.com

Козырев Александр Александрович, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; kosyrew@mail.ru

References

1. Voronkov S. S. Prerequisites for the formation of a strategy for the development of the food market in the framework of import substitution and resource saving programs // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 7. P. 127–138. (In rus)
2. Voronkov S. S. The development strategy of the food market and its place in the structure of a holistic national strategy // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 9. P. 140–151. (In rus)
3. Voronkov S. S., Kozyrev A. A. The role and prospects of the strategic development of the food market // Scientific works of SZIU RANEPA [Nauchnye trudy SZIU RANKhiGS]. Vol. 9. Is. 4. P. 106–113. (In rus)
4. Zubarevich N. V. Regional Development and Institutions: Russian Specificity // Regional Studies [Regional'nye issledovaniya]. 2010. N 2. P. 3–14. (In rus)
5. Kvint V. L. Strategizing in Russia and the world: a stake on a person // Economy and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11 (109). P. 15–17. (In rus)
6. Kvint V. L., Okrepilov V. V. Theory and practice of the relationship of the categories "good life" and "quality of life" // Economy of quality [Ekonomika kachestva]. 2013. N 3. P. 1–16. (In rus)
7. Kozyrev A. A. Realization of competitive advantages of the region in the strategy of innovative development // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 6. P. 315–323. (In rus)
8. Kozyrev A. A. Recommendations of nobeliate to the Russian economy, or how we can realize competitive advantages // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1 (85). P. 47–63. (In rus)
9. Kozyrev A. A. Standard of development of competition as a tool for solving economic and social problems of the region // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 11 (121). P. 44–49. (In rus)
10. Mironenko O. V. Organic market of Russia. Results of 2017. Prospects for 2018. [Electronic resource]. — Access mode http://rosorganic.ru/files/Mironenko%20Analitika%202017-18.pdf (In rus)
11. Mukhacheva A. V. Quality of life of the population as a scientific category: theoretical approaches to the definition // Bulletin of the Kemerovo State University [Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 4. P. 303–307. (In rus)
12. Olovyannikov D. G. Methods of assessing the state of food security in the region on the example of the Republic of Buryatia // News of IHEA [Izvestiya IGEA]. 2009. N 3 (65). P. 61–63. (In rus)
13. Revenkov A. N. The state and prospects of development of the food industry / A. N. Revenkov // EKO. 2004. N 12. P. 107–120. (In rus)
14. Untura G. A. Region as the epicenter of the birth of competitiveness // Region: economy and sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]. 2002. N 1. P. 3–16. (In rus)
15. Ushachev I. G. What should be the agrarian policy in Russia // Agricultural Market [Agrorynok]. 2005. N 4. P. 7. (In rus)
16. Friedman Yu.A., Rechko G. N., Pisarov Yu. A. Algorithm for assessing the competitiveness of the region // Bulletin of the NSU. Series: Socio-economic sciences [Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki]. 2014. Vol. 14, Is. 4. P. 111–124. (In rus)
17. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. The MIT Press, 1999.

About the authors:

Sergey S. Voronkov, Graduate student of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), vrnkvsrg@gmail.com

Aleksandr A. Kozyrev, Associate Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economy, Associate Professor; kosyrew@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-79-89

Оценка параметров региональных систем образования как инструмент выработки управленческих решений*

Беляков С. А., *Григорьев В. Ю.**, *Бедарева Л. Ю.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Авторами на примере анализа исчисляемых статистических показателей дошкольного образования предложен подход для создания инструмента выработки взаимосвязанного комплекса управленческих решений, направленных на повышение эффективности функционирования региональных систем образования.

Ключевые слова: комплекс управленческих решений, повышение эффективности образовательных систем, анализ статистических показателей, оценка параметров региональных систем, приоритетные направления финансирования

Assessment of Parameters of Regional Education Systems as Instrument of Managerial Decisions Development

Sergei A. Belyakov, *Valery Yu. Grigorev**, *Larisa Yu. Bedareva*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; *grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The authors propose an approach for developing an interrelated management consulting aimed at improving regional education systems. The proposed approach is based on the analysis of the calculated statistical indicators of preschool education.

Keywords: an interrelated management consulting, analysis of the calculated statistical indicators, improving regional education systems

Для принятия взвешенных и адекватных управленческих решений по повышению эффективности функционирования систем любых сегментов и уровней образования принципиальным является определение приоритетных направлений финансирования для системы образования в регионе. Существенно важным является формирование модели, которая позволяла бы региону достичь увеличения показателя своей развитости в общем региональном рейтинге Российской Федерации в зависимости от исчисляемых статистических показателей по образованию, через изменение целевых направлений финансирования образования. Рассмотрим подходы к механизму построения такой модели приоритезации на примере анализа дошкольного образования.

В качестве основной характеристики региональной системы дошкольного образования в программных документах федерального и регионального уровней определена его доступность. Под ней обычно понимается, в первую очередь, охват населения определенной возрастной группы данным уровнем образования. В зависимости от решаемых задач возрастная группа принимается от 1 до 6 лет или от

* Статья подготовлена по материалам НИР РАНХиГС № АААА-А18-118013090268-5.

3 до 6 (7) лет. Статистика представляет данные по первой возрастной группе[1], а региональные программы развития образования оценивают доступность применительно ко второй группе[2]. Поскольку данные статистики являются официальными, то при проведении анализа авторы всегда ориентированы в первую очередь на них.

Основой расчета доступности дошкольного образования является показатель численности детей, посещающих дошкольные образовательные организации, сопоставляемый либо с общей численностью детей в возрасте 1–6 лет, либо с численностью детей, желающих посещать дошкольные организации. Более детально вопросы доступности образования отражены в [1]. Поэтому изменение доступности будет всегда связано с возможностями и ограничениями на рост именно этого показателя. Рассмотрим этот вопрос более детально, основываясь на данных статистики дошкольного образования и демографии[3].

Численность детей, посещающих организации дошкольного образования в Российской Федерации, в период 2000–2016 гг. характеризуется умеренным и устойчивым ростом после достижения локального минимума в 2001 г. (рис. 1). Можно ожидать сохранения этой тенденции и в дальнейшие годы, что позволяет, в принципе, прогнозировать изменение данного показателя. Следует, однако, отметить, что в 2015–2016 гг. наметилось снижение темпов роста до уровня 1,050–1,027. Это может указывать на начало этапа либо низких темпов роста, либо стабилизации численности анализируемого показателя.

---

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. — URL: https://www.fedstat.ru/organizations/ (дата обращения: 21.04.2019).

[2] См., например: Государственная программа Мурманской области «Развитие образования». Утверждена постановлением Правительства Мурманской области от 30.09.2013 № 568-ПП (в ред. от 06.03.2014 № 110-ПП) // Министерство образования и науки Мурманской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: http://minobr.gov-murman.ru/upload/iblock/0b7/gpro_mart.pdf; Постановление Правительства Республики Карелия от 20 июня 2014 года № 196-П «Об утверждении государственной программы Республики Карелия „Развитие образования в Республике Карелия“». // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. Программы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=11876 (дата обращения: 24.05.2016).

[3] Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/33459; Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/31548; Численность детей в дошкольных образовательных организациях [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/33456; Численность воспитанников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/51552; Численность педагогических работников дошкольных образовательных организаций [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/33463; Численность педагогических работников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/51561; Число мест в дошкольных образовательных организациях [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/40548; Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/51563; . Численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные организации [Электронный ресурс] // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/indicator/34049 (дата обращения: 09.04.2018).

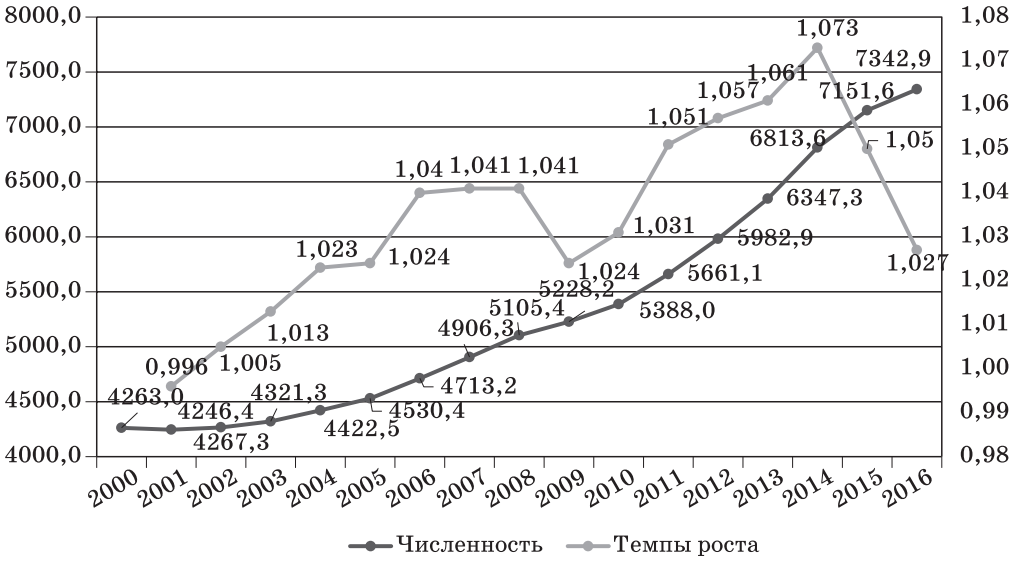

Рис. 1. Динамика показателя численности детей в возрасте 1–6 лет, посещающих дошкольные образовательные учреждения (тыс. чел.)
Fig. 1. Dynamics of an indicator of number of children at the age of 1–6 years visiting preschool educational institutions (thousand people)

Динамика темпов роста данного показателя демонстрирует резкие изменения в 2009 г. и в 2015–2016 гг. Если снижение темпа роста в 2009 г. сменилось в 2010 г. последовательным его ростом, то снижение 2015–2016 гг. пока сохраняется, что может быть представлено как переход к стабилизации. Динамика показателя численности обучающихся в сокращенном периоде 2009–2016 гг. со степенью достоверности 0,9877 описывается линейной функцией вида

$$y = 326{,}7x + 4769{,}3. \quad (1)$$

При сохранении этой тенденции к 2024 г., например, численность воспитанников может достичь 9996,5 тыс. чел., что составит 94,4% от численности населения в возрасте 1–6 лет. Теоретически этот вариант возможен, поскольку за рамки демографических ограничений не выходит. Однако уверенно утверждать, что именно так может или будет развиваться ситуация в дошкольном образовании, оснований нет. В то же время, определить возможные пути ее развития можно, если учесть, что на показатель численности воспитанников могут оказывать и оказывают влияние совершенно определенные факторы или ограничения, к числу которых относятся:

- численность населения в возрасте 1–6 лет, из которого формируется контингент воспитанников, и численность детей этого возраста, желающих посещать организации дошкольного образования;
- число мест в организациях дошкольного образования и степень их использования, определяемая как численность посещающих эти организации детей в расчете на 1 тыс. мест;
- численность педагогического персонала в организациях дошкольного образования и уровень нагрузки на них — численность посещающих эти организации детей в расчете на 1 педагогического работника;

- объем средств, выделяемых на дошкольное образование из консолидированного бюджета, и величина бюджетных средств в расчете на одного посещающего организации дошкольного образования ребенка.

Смысл необходимости учета именно этих факторов-ограничений состоит в том, что система дошкольного образования может принять столько воспитанников, сколько позволит ей максимально ограничивающий из указанных факторов. Например, если при прочих равных условиях будет ограничен объем бюджетного финансирования, то потенциальная численность воспитанников будет определяться соотношением этого объема и минимально допустимых или установленных расходов в расчете на одного воспитанника. Если же имеющаяся численность педагогических работников, соответствующих определенным требованиям для работы в организациях дошкольного образования, позволит принять меньшую численность воспитанников, то это ограничение будет более значимым по сравнению с бюджетными ограничениями.

Формально, в заданных или имеющихся ограничениях потенциальная численность воспитанников будет определяться минимальным расчетным значением, полученным из четырех представленных ниже функциональных зависимостей, а определяющими факторами будут являться параметры соотношения, дающего минимальный результат.

$$N_{\text{дем}} = N_{1-6} n_0, \tag{2}$$

$$N_{\text{МТБ}} = M_{\text{до}} m_{\text{н}}, \tag{3}$$

$$N_{\text{ПП}} = P_{\text{до}} p_{\text{н}}, \tag{4}$$

$$N_{\text{ФИН}} = \frac{F_{\text{до}}}{f_{\text{до}}}, \tag{5}$$

где $N_{\text{дем}}$ — численность воспитанников в условиях действия демографических факторов; N_{1-6} — численность населения в возрасте 1–6 лет; n_0 — процент населения в возрасте 1–6 лет, желающих посещать организации дошкольного образования; $N_{\text{МТБ}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по числу мест в организациях дошкольного образования; $M_{\text{до}}$ — число мест в организациях дошкольного образования; $m_{\text{н}}$ — коэффициент нагрузки на места в организациях дошкольного образования; $N_{\text{ПП}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по численности педагогических работников в организациях дошкольного образования; $P_{\text{до}}$ — численность педагогических работников в организациях дошкольного образования; $p_{\text{н}}$ — коэффициент нагрузки на педагогического работника в организациях дошкольного образования; $N_{\text{ФИН}}$ — численность воспитанников в условиях действия ограничения по объему бюджетного финансирования дошкольного образования; $F_{\text{до}}$ — объем бюджетного финансирования дошкольного образования; $f_{\text{до}}$ — объем бюджетного финансирования в расчете на одного воспитанника дошкольного образования.

Следует при этом выделить ключевой (базовый) фактор, который должен определять все остальные, в данном случае — это «численность воспитанников в условиях действия демографических факторов». Выделенный фактор имеет две особенности. Во-первых, он является ограничителем лишь по формальному признаку — любые принимаемые им значения сами по себе не препятствуют достижению целевого показателя по доступности дошкольного образования. А, во-вторых, и это нам кажется существенным, данный фактор задает границу разумного максимума. По нему можно и нужно измерять целесообразность остальных факторов.

Рассмотрим действие этих факторов более детально с использованием статистических данных по Российской Федерации.

Основным фактором, определяющим максимально необходимые масштабы функционирования системы дошкольного образования, является численность детей в возрасте 1–6 лет, из которых формируется контингент образовательных организаций данного уровня образования. Иными словами, численность детей определяет потенциал спроса на дошкольное образование. В общем случае, потребность в дошкольном образовании не может превышать численность детей в возрасте 0–6 лет по очевидным причинам. В статистике применяется несколько иная возрастная группа — 1–6 лет, что представляется обоснованным.

Динамика численности населения Российской Федерации указанной возрастной группы представлена на графике (рис. 2).

График показывает, что анализируемый показатель растет и, судя по сложившейся тенденции, будет расти еще некоторое время. Следовательно, при прочих равных условиях можно ожидать роста потенциала спроса населения на дошкольное образование.

Вторым фактором, включенным в данную группу, является спрос на дошкольное образование, выражаемый долей желающих посещать дошкольные образовательные организации по отношению к численности населения в возрасте 1–6 лет. Степень удовлетворения спроса можно оценивать по показателю охвата дошкольным образованием населения указанной возрастной группы. Динамика этих показателей представлена на рис. 3.

Отраженная на графике динамика показателя оценки спроса населения на услуги дошкольного образования, вычисляемой как отношение суммы численности детей, посещающих организации дошкольного образования, и численности детей, состоящих в очереди на зачисление в дошкольные образовательные организации, к численности населения в возрасте 1–6 лет, устойчиво растет, приближаясь вплотную к своему физическому пределу, т. е. к состоянию, когда практически все население указанного возраста будет иметь желание посещать организации дошкольного образования.

Фактический охват населения дошкольным образованием к 2016 г. (доля воспитанников) достиг уровня 66,1%. Общая тенденция к его росту прослеживается

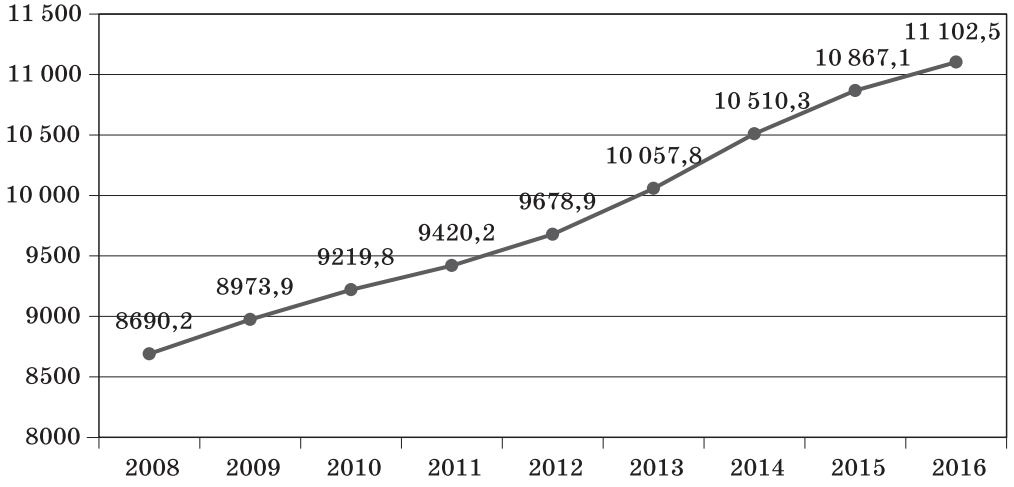

Рис. 2. Численность населения Российской Федерации в возрасте 1–6 лет (тыс. чел.)
Fig. 2. Population of the Russian Federation at the age of 1–6 years (thousand people)

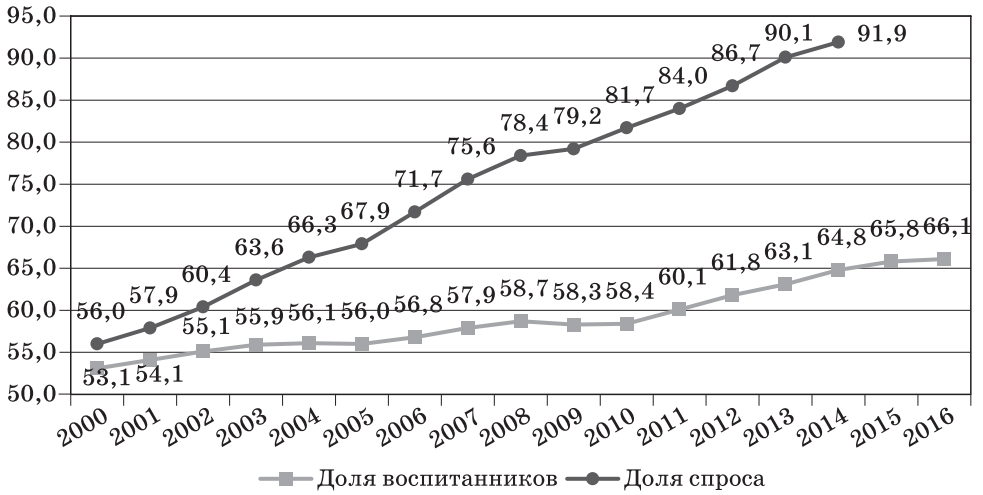

Рис. 3. Охват населения в возрасте 1–6 лет дошкольным образованием и спрос на дошкольное образование по отношению к численности населения в возрасте 1–6 лет (%)

Fig. 3. Coverage of the population at the age of 1–6 years preschool education and demand for preschool education in relation to population at the age of 1–6 years (%)

По данным: Российская Федерация. Правительство Российской Федерации. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: распоряжение от 30.04.2014 № 722-р. [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-30042014-n-722-r/; Образование в России. 2003 : Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003; Образование в Российской Федерации: 2010 : стат. сб. М. : Государственный университет — Высшая школа экономики, 2010.

довольно отчетливо. Обращает на себя внимание наличие периодов стабилизации: в 2003–2005 гг., в 2008–2010 гг. и, возможно, начало такого периода в 2015–2016 гг. Поэтому, с нашей точки зрения, можно ожидать дальнейшего его роста после некоторого периода стабилизации или даже снижения на уровне 0,3 пп. по аналогии с 2009 г. В последующие годы возможен дальнейший рост охвата, однако экстраполяция сложившейся тенденции этого роста исключает возможность достижения к 2024 г. приведенного выше уровня в 94,4%. Расчет показывает возможный максимум в 79,0% (аппроксимация по квадратичному уравнению).

Необходимо отметить, что разрыв между приведенными на графике показателями резко нарастает, достигнув к 2014 г. 27,1 пп., что очень много, поскольку в 2000 г. он составлял только 2,9 пп.

Расчет по функциональной зависимости (2) показывает, что демографический фактор ограничивает спрос на дошкольное образование по состоянию на 2016 г. (с использованием показателя охвата 2014 г.) на уровне 10 203,2 тыс. чел., что на 2860,3 тыс. чел. (39,0%) превышает численность детей, посещающих организации дошкольного образования. Следовательно, демографическая ситуация не является ограничением для их развития. Можно ожидать, что высокий уровень спроса на дошкольное образование сохранится и в перспективе, что подтверждает потенциальную возможность роста охвата населения образованием данного уровня.

Вторым фактором, определяющим численность детей, посещающих дошкольные образовательные организации, является число мест в них. Это условие связано с материальной базой дошкольного образования и наиболее трудно поддается

изменению по очевидным причинам: необходимость капитального строительства и соответствующих инвестиций, длительный цикл строительства и т. п., что не позволяет резко его изменять. Динамика числа мест в организациях дошкольного образования представлена на графике (рис. 4). График показывает, что после устойчивого снижения в 2000–2007 гг. анализируемый показатель начал расти и достиг к 2016 г. уровня 7012,1 тыс. мест (134,0% к 2000 г.).

Обращают на себя внимание два этапа в изменении числа мест:

- 2000–2007 гг. — сокращение числа мест, устойчивое замедление уровня снижения по сравнению с предыдущим годом, отображающее, вероятно, процессы, связанные с оптимизацией дошкольного образования;
- 2008–2016 гг. — устойчивый рост при резких изменениях его темпов, связанных, видимо, с вводом дополнительных мест в дошкольных образовательных организациях при растущей потребности населения в услугах образования данного уровня (см. рис. 3); при этом с 2013 г. наметилось снижение прироста числа мест, что может рассматриваться как переход к его стабилизации.

Следующим «материальным» фактором, определяющим предельное число детей, посещающих дошкольные образовательные организации, является «степень загрузки» или «степень использования» мест в них, выражаемое в статистике числом детей, посещающих эти организации, в расчете на 1 тыс. мест. Наличие такого показателя определяется тем обстоятельством, что дошкольные образовательные организации применяют различные формы содержания детей, позволяющие более эффективно и с большей нагрузкой использовать имеющиеся места. Динамика показателя представлена на графике (рис. 5).

График показывает два периода изменения анализируемого показателя:

- 2000–2007 гг. — устойчивый рост от 815 до 1047 чел. на 1 тыс. мест, что отражает процессы наращивания численности детей в образовательных организациях при сокращении числа мест в них;
- 2007–2016 гг. — практически стабилизация показателя на достигнутом уровне с некоторыми колебаниями без выраженной тенденции к изменению, что можно рассматривать как достижение некоего предела нагрузки на учебные места.

Расчет по функциональной зависимости (3) показывает, что при достигнутых показателях числа мест и степени их загрузки предельная численность детей, посещающих организации дошкольного образования, составляет 7341,7 тыс. чел., что находится на уровне отчетных данных за 2016 г. (7342,9 тыс. чел., отклонение в пределах расчетного округления). Динамика степени загрузки в 2012–2016 гг. показывает возможность некоторого увеличения данного показателя до уровня, например, 2015 г. — 1057 чел. на 1 тыс. мест, что указывает на возможность увеличить за счет этого фактора численность воспитанников до 7411,8 тыс. чел. или на 0,9%.

Можно ожидать, что достигнутое значение показателя степени загрузки мест в дальнейшем значительных изменений не получит. Следовательно, данный фактор в сочетании с числом мест в образовательных организациях будет играть роль основного ограничителя роста системы дошкольного образования.

Третья группа факторов относится к обеспеченности системы дошкольного образования кадрами педагогических работников, которые также оказывают определенное влияние на предельную численность воспитанников. Точнее было бы говорить о том, что определенная численность воспитанников требует соответствующей численности педагогов. Но в данном случае рассматривается обратная задача — какая численность обучающихся может быть принята при имеющемся или доступном для привлечения к работе педагогическом ресурсе и уровне нагрузки на него.

Динамика численности педагогических работников и расчетного числа воспитанников на 100 педагогических работников представлена на рис 6. Приведенные

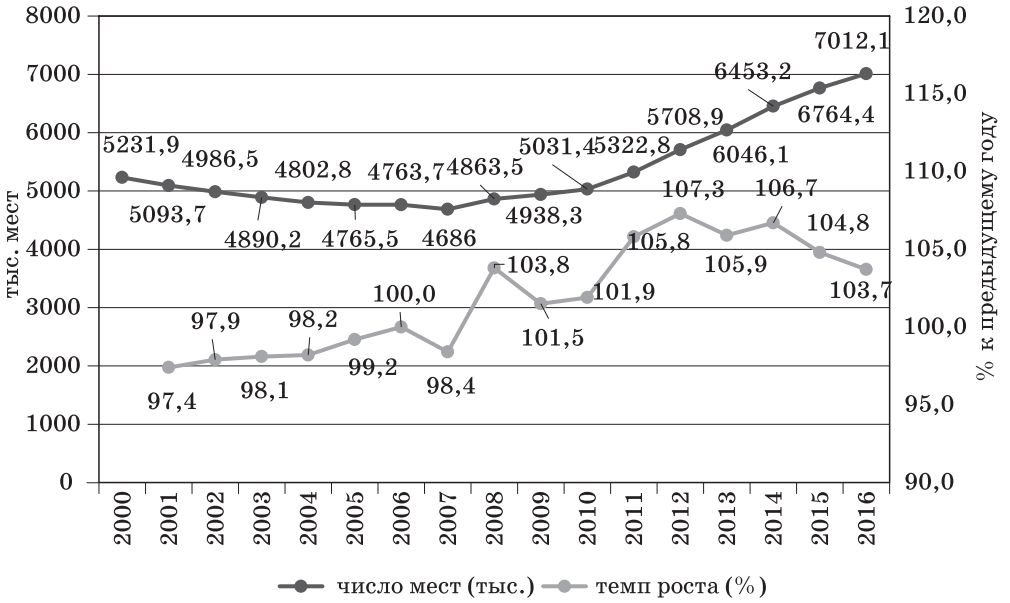

Рис. 4. Динамика числа мест в организациях дошкольного образования
Fig. 4. Dynamics of number of places in the organizations of preschool education

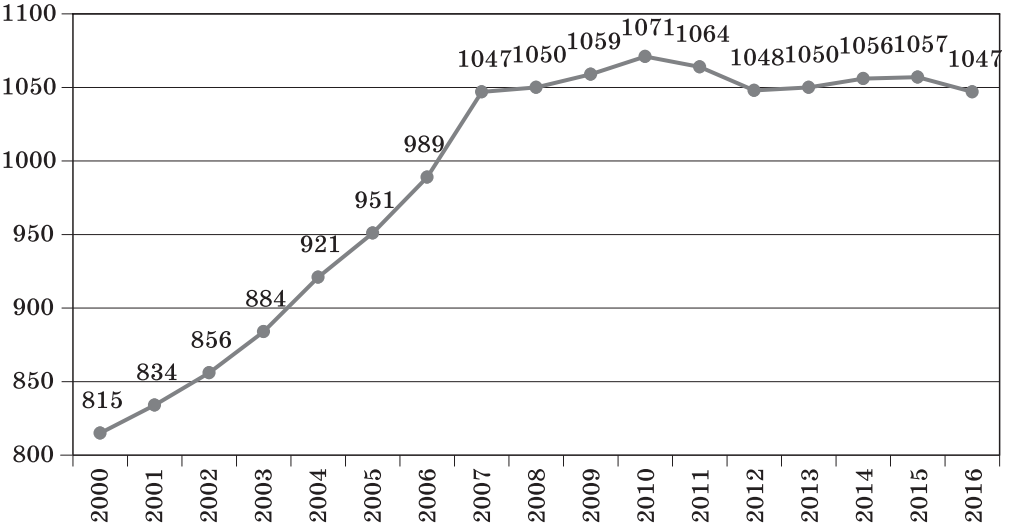

Рис. 5. Динамика показателя расчетного числа детей, посещающих организации дошкольного образования, на 1 тыс. мест в них (чел.)
Fig. 5. Dynamics of an indicator of number of the children visiting the organizations of preschool education on 1 thousand places (people)

данные показывают, что при резких изменениях численности педагогических работников нагрузка на них устойчиво растет. В 2016 г. расчетное число воспитанников достигло 1119 (примерно 11 чел. на одного педагогического работника),

причем с выраженной тенденцией к стабилизации на этом уровне (не достигая уровня 12 чел. на одного педагогического работника). Поскольку данный показатель не может расти до бесконечности по очевидным причинам, можно ожидать его стабилизации на достигнутом или некотором ином уровне, который будет принят в качестве нормативного или желаемого. Можно также отметить, что после резкого роста в 2009–2013 гг. численность педагогических работников резко снизилась и вновь начала расти в 2015–2016 гг., что связано с ростом контингента воспитанников при стабилизации нагрузки.

Расчет по формуле (4) показывает, что при наличии 656,2 тыс. педагогических работников и при установлении удельной нагрузки на них 11 воспитанников предельная численность последних составляет 7218,2 тыс. чел., что на 124,7 тыс. чел. ниже уровня отчетных данных за 2016 г. При повышении уровня нагрузки до 12 чел. на одного педагогического работника возможно повышение численности воспитанников до 7874,3 тыс. чел., т. е. примерно на 7,2% к уровню 2016 г. Таким образом, численность педагогических работников и уровень нагрузки на них являются важными факторами, ограничивающими рост системы дошкольного образования.

Четвертой группой факторов является объем финансирования дошкольного образования из консолидированного бюджета, в данном случае, Российской Федерации, а также величина бюджетных расходов в расчете на одного воспитанника. Динамика этих показателей представлена на рис. 7.

Обращает на себя внимание сокращение объема бюджетных расходов в 2016 г. при одновременном снижении величины расходов в расчете на одного воспитанника, вызванное общей ситуацией с бюджетом, а снижение удельных расходов является следствием распределения сокращенных расходов на растущую числен-

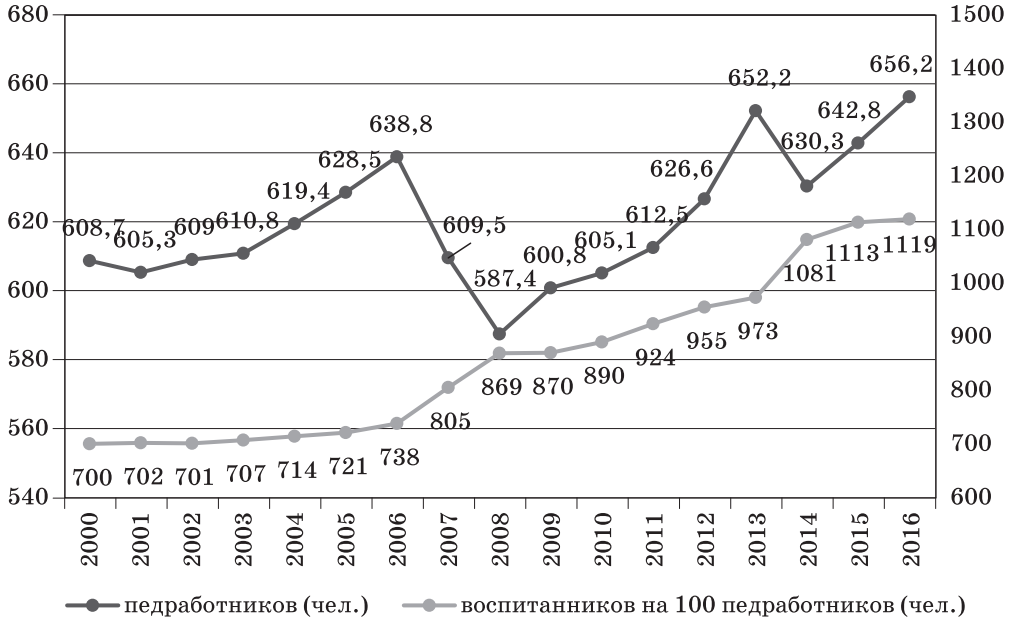

Рис. 6. Численность педагогических работников (тыс. чел.) и расчетное число воспитанников на 100 педагогических работников (чел.) в организациях дошкольного образования

Fig. 6. The number of pedagogical workers (thousand people) and number of pupils on 100 pedagogical workers (people) in the organizations of preschool education

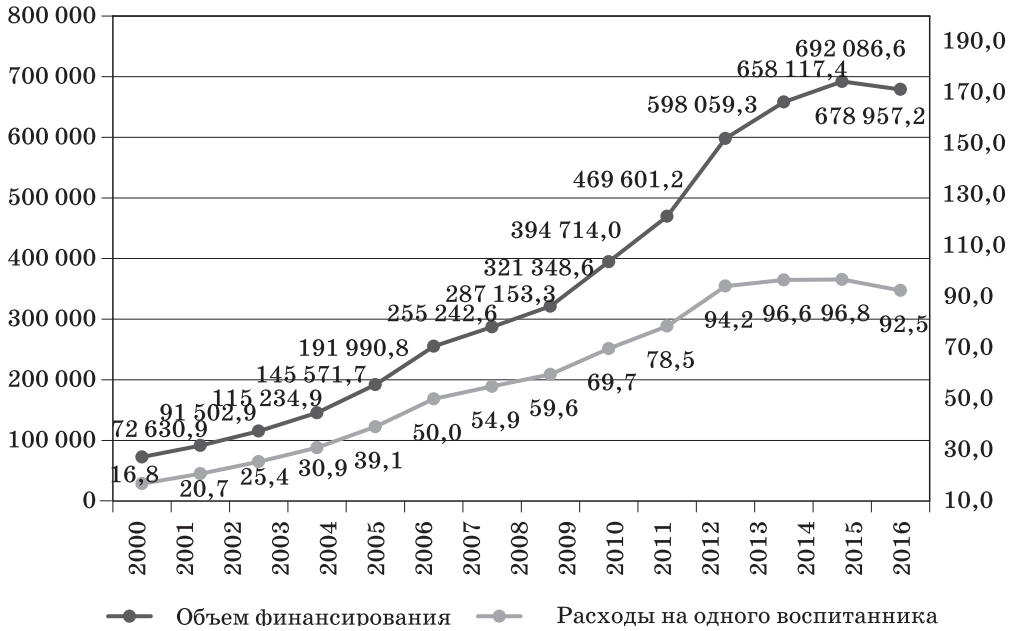

Рис. 7. Объем финансирования дошкольного образования из средств консолидированного бюджета (млн руб.) и расходы консолидированного бюджета в расчете на одного воспитанника (тыс. руб.)
Fig. 7. The amount of financing of preschool education from means of the consolidated budget (million rubles) and expenses of the consolidated budget counting on one pupil (thousand rubles)

По данным: Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов [Электронный ресурс] // Федеральное казначейство. URL: http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet/ (дата обращения: 21.03.2019).

ность детей, посещающих организации дошкольного образования. По сути дела, в 2016 г. в очередной раз был реализован вариант первичности возможностей бюджетов перед потребностями дошкольного образования. Если бы удельные расходы были сохранены на уровне 2015 г. (96,8 тыс. руб.), то по функциональной зависимости (5) это привело бы к необходимости сокращения численности воспитанников до 7014,0 тыс. чел., т. е. на 328,9 тыс. чел. или на 4,5% относительно отчетного уровня 2016 г.

Расчеты по функциональным зависимостям (2)–(5) показывают, что наиболее значимым фактором, ограничивающим предельную численность детей, посещающих организации дошкольного образования, является финансирование. При сохранении средних расходов на одного обучающегося на уровне 2015 г. недостаток финансирования не позволяет принять в организации более 7014,0 тыс. чел., что на 328,9 тыс. чел. меньше фактической численности обучающихся за 2016 г. (табл. 1).

Таким образом, можно говорить о взаимосвязанном комплексе управленческих решений, построенных на предлагаемой методике анализа образовательной деятельности, которые в свою очередь ранжированы по степени актуальности.

Дальнейшие исследования в части обобщения предложенной методики с целью создания универсальной модели факторного анализа тех или иных составляющих образовательной деятельности, а также разработка алгоритмов моделирования взаимосвязи параметров региональных систем образования и объемов их финансирования,

Таблица 1

Определение наиболее значимого фактора, ограничивающего предельную численность детей, посещающих организации дошкольного образования

Table 1. Definition of the most significant factor limiting the extreme number of the children visiting the organizations of preschool education

Фактор	Расчетная численность по данному фактору, тыс. чел.	Отклонение от фактической численности, тыс. чел.
Демография (спрос на услуги дошкольного образования)	10 203,2	2860,3
Число мест в образовательных организациях	7341,7	–1,2
Численность педагогических работников	7218,2	–124,7
Объем финансирования из консолидированного бюджета	7014,0	–328,9

могут позволить решить такую актуальную управленческую задачу, как определение потребных объемов бюджетного финансирования региональных систем образования.

Литература

1. *Беляков С. А.* Модернизация образования в России: совершенствование управления. М. : МАКС-Пресс, 2009. 440 с.

Об авторах:

Беляков Сергей Анатольевич, главный научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; grigorev-vy@ranepa.ru

Бедарева Лариса Юрьевна, научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); bedareva-ly@ranepa.ru

References

1. Belyakov S. A. Modernization of education in Russia: improvement of management. M. : MAX-press, 2009. 440 p. (In rus)

About the authors:

Sergei A. Belyakov, Chief Researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPA (Moscow, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Associate Professor

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPA (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor; grigorev-vy@ranepa.ru

Larisa Yu. Bedareva, Researcher of the Center of Economics of Continuous Education of RANEPA (Moscow, Russian Federation); bedareva-ly@ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-90-99

«Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации

Кугай А. И., Михайлова В. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья обращается к информационно-цифровой цивилизации — ее угрозам и надеждам, сформированной ею «цифровому поколению». С одной стороны, идентификатор — это имя управляемого объекта в цифровом обществе. Каждый шаг «оцифрованного гражданина» может проверяться, служить тестом на лояльность к системе, на согласие с принятыми в ней мировоззренческими и идеологическими установками. Цивилизация атрофирует и деформирует слуховые и зрительные физиологические анализаторы, изменяет ментальные особенности молодого поколения.

С другой стороны, молодежь, подобно пифагорейцам, предложившим нам цифровую Вселенную, воспринимает цифровизацию общественной жизни органично, как встраивание в естественную среду жизни. Информационно-цифровая цивилизация рождает мировое общество как альтернативный сайт политики, отличается от основного международного общества, создает собственную логику общения, мобилизации и действия. Если международная дипломатия создает формальную, иерархическую, формализованную и эксклюзивную атмосферу относительно происходящих межгрупповых отношений, то транснациональные цифровые сети связи (TDCN) являются неформальными, эгалитарными, высоко инклюзивными и открытыми для многоязычного представления и альтернативных форм политического выражения. Информационно-цифровая цивилизация создает безграничные условия для развития способности человека к предчувствию и предзнанию будущего, причем, не пророка, не чародея, не экстрасенса, а самого обычного, среднестатистического человека. Ведь наш разум развивается быстрее тела, что создает предпосылки к тому, что человечество, ставшее цифровым сообществом, сможет отказаться от вредоносных «благ» цивилизации, не став ее жертвой.

Ключевые слова: информационно-цифровая цивилизация, цифровизация, молодежь, «цифровое поколение», «Smart-человек», «Smart-общество», мировое и международное общество

“Digital Generation”: Threats and Hopes in the Era of Information-Digital Civilization

Alexander I. Kugay, Victoria V. Mikhailova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article refers to the information and digital civilization — its threats and hopes formed by it to the “digital generation”. On the one hand, an identifier is the name of a managed object in a digital society. Each step of the “digitized citizen” can be checked, serve as a test of loyalty to the system, to agree with the worldview and ideological attitudes adopted in it. Civilization atrophies and deforms auditory and visual physiological analyzers, changes mental features of the younger generation. On the other hand, young people, like the Pythagoreans who offered us the digital Universe, perceive the digitalization of social life organically as integration into the natural environment of life. Information and digital civilization gives birth to the world society as an alternative site of politics, differs from the main international society, creates its own logic of communication, mobilization and action. If international diplomacy creates a formal, hierarchical, formal and exclusive atmosphere concerning the events of intergroup relations, transnational digital network (TDCN)

are informal, egalitarian, highly inclusive and open to multilingual presentation and alternative forms of political expression. Information and digital civilization creates limitless conditions for the development of human ability to foresee and foresee the future, and not a prophet, not a magician, not a psychic, and the most common, the average person. After all, our mind develops faster than the body, which creates the preconditions for the fact that humanity, which has become a digital community, will be able to abandon the harmful "benefits" of civilization without becoming a victim.

Keywords: information digital civilization, digitalization, youth, "digital generation", "Smart-man", "Smart-society", world and international society

Всегда и во все времена молодежь шла в авангарде социально-политических, научно-технических, культурных процессов, происходящих в любом обществе. Но не только молодежь оказывает перманентное влияние на общественное развитие, но и сама социальная среда определяет облик сменяющего друг друга молодого поколения. Каково влияние информационно-цифровой цивилизации на общество, в особенности, на молодежь, ее физиологию, менталитет, жизнедеятельность, на перспективы развития социума?

Угрозы и опасности информационно-цифровой цивилизации

Очевидно, информационно-цифровая цивилизация помимо ощутимых преимуществ и благ несет в себе немало опасностей [1]. На это обратила внимание мировая философия уже во второй половине минувшего века. Так, в 1960-е годы Франкфуртская школа констатировала появление «одномерного человека». Одномерность, — по мнению Г. Маркузе, — следствие структурного насилия. В современном обществе звенья социальных механизмов настолько плотно «пригнаны» друг к другу, что не остается пространства для поддержания критического взгляда на себя со стороны. Это общество лишено исторической объемности, оно плоско, линейно, «одномерно» [3].

Современный лидер Франкфуртской школы Ю. Хабермас основную проблему нашего времени видит в экспансии системного мира, интегрирующегося с помощью денег и власти, во вторжении его в сферу жизненного мира, интегрирующегося коммуникативными средствами [8].

Известный писатель Валерий Филимонов обратил внимание на тоталитарность формирующегося цифрового глобального общества [5]. Его атрибутами является не только присвоение каждому человеку и его электронному файлу-досье в базе данных цифрового идентификатора личности, но и принятие и постоянное использование его человеком в процессе своей жизнедеятельности. По определению — идентификатор — это имя управляемого объекта в цифровом обществе. Это уникальный, неизменяемый, пожизненный и посмертный атрибут, неотделимый от самого человеческого существа. В глобальном обществе, после «ухода государства с рынка» граждане России будут переданы как «цифровое электронное население» владельцам коммуникационных систем и баз данных, в том числе, представителям международного капитала. Эти транснациональные институты уже не будут иметь никаких обязанностей перед Россией и ее гражданами. Каждый шаг «оцифрованного гражданина» будет проверяться, служить тестом на лояльность к системе, на согласие с принятыми в ней мировоззренческими и идеологическими установками.

«Наш человек состоит из трех субстанций: души, тела и ИНН», а казнокрадство в эпоху 4-й технологической революции похоже будет выглядеть следующим образом: 1) Заявляем о внедрении искусственного интеллекта. 2) Воруем. 3) Все уворованное списываем на искусственный интеллект. Круг замкнулся — никакой коррупции! Шах и Мат!

Обратимся к поколению, которое родилось и выросло в информационном обществе. Это — цифровые люди, которых называют «цифровыми аборигенами», или, обобщенно, цифровым поколением. Особое внимание к этому поколению вызвано тем, что оно выросло в условиях, которых не имело ни одно предшествующее поколение. Как это повлияло на их развитие, физиологию, менталитет и мировоззрение?

Вопросы влияния технологий на эволюцию человека были поставлены Станиславом Лемом в философско-футурологическом трактате «Сумма технологий» (1962 г.). В книге осуществлен прогностический анализ научно-технических, морально-этических и философских проблем, связанных с функционированием цивилизации в условиях свободы от технологических и материальных ограничений (по образному выражению автора, «исследование шипов еще несуществующих роз». Многие из затронутых Лемом вопросов, в 1960-е годы составлявших исключительную прерогативу научной фантастики — виртуальная реальность, нанотехнологии, искусственный интеллект, технологическая сингулярность, — через 30–40 лет после первой публикации «Суммы» перешли в разряд активно разрабатываемых научных проблем. В отличие от техноэволюции, движимой техническим воображением конструктора, биоэволюция слепа и подчинена необходимости приспособления [4].

Цифровая реальность оказывает непосредственное воздействие на физиологию современной молодежи. Студенты, в своем абсолютном большинстве, не могут более полутора минут отвечать на поставленные вопросы. Им нужна пауза, перезагрузка. Не могут запомнить большие тексты. Способ передачи и восприятия информации изменяет сознание. Поражает отсутствие развернутой речи: рубленные фразы в твитерском исполнении. Не развивается память. Эмоциональная жизнь молодого человека построена на тактильности. Однако перед компьютером осуществляется депривация тактильных ощущений. В смайлике живая улыбка не дана. «Он меня лайкал двадцать раз». «Познакомились в интернете. Это была любовь с первого сайта».

Оказывается сильнейшее давление на слуховой анализатор. В ушах постоянный звук. Тугоухие — соединились в семейную пару — потомство возникнет тугоухое. Каждый год снижение слуха на 10–20 дБ, при этом, раздражающим порогом является 80 дБ — в течение 30 мин. Молодой человек, находясь в метрополитене свыше 30 мин, получает акустическую травму. Возникает вопрос: почему сообщество специалистов не ставит вопрос о запрете наушников с высоким уровнем децибел. Если же запретить нельзя, то следует предупредить, вывести индикатор, предупреждающий, что 80 дБ — порог, за которым неизбежное снижение слуха.

Гаджет является продолжением зрительного анализатора. «Бабушка с внучкой смотрят на птичку: внучка подходит к окну, желая пальцами ее увеличить». Цифровая реальность развивает клиповое мышление. То, что раньше преподавали посредством дескриптивных силлогизмов, сейчас переводят в картинки. Этим объясняется востребованность книг в стиле Ф. Кафки, Х. Борхеса, воспроизводящих образные новеллы, опирающиеся на притчи, работ С. Жижека, П. Слотердайка, наполненные иронией и анекдотами, анализом многочисленных кинофильмов. Лучше всего к картинкам приспособлены иероглифы, следовательно — китайский и японский и языки, которые, очевидно и будут доминировать в системе образования.

Эпоха гаджетов воспроизводит, замкнутые в наушники, «поколения с опущенной головой», это новая генерация — некие животные человеческого рода. Родители моего поколения в детстве запрещали нам читать лежа для того, чтобы не портить зрение. Своим внукам можно разрешить читать даже, стоя на голове, однако они все равно не станут читать. «А во дворе общались дети — каждый со своим смарт-

фоном». «Смартфоны делают юных пользователей несчастными. Гаджеты оказали вредное влияние на целое поколение» — к таким выводам приходит в своих научных работах и популярных книгах Джин Твенге (Jean M. Twenge), профессор Университета штата Калифорния в Сан-Диего[1]. Нынешние дети и подростки — это поколение iGen, т. е. поколение айфонов-айпадов (Твенге к нему относит тех, кто родился между 1995 и 2012 гг.). Суть теории профессора Твенге в том, что «суперподключенные дети растут менее склонными к бунту, более толерантными и послушными, но менее счастливыми и совершенно неготовыми к взрослой жизни». Толерантность не может быть универсальной: твой организм толерантен к инфекции, ты либо выживаешь, либо погибаешь. В России социальная сеть ВКонтакте, проводя летом 2017-го исследование среди своих пользователей в возрасте 14–25 лет, без ложной скромности назвала их поколением ВКонтакте. И с ней не поспоришь: в крупных российских городах ВКонтакте пользуется 93% молодежи. Меняется структура социализации, большая часть времени проходит не с родителями и учителями, а с гаджетами, растет инфантилизм.

Главное, что определило стиль жизни поколения iGen, его привычки, манеру общения — смартфон и социальные сети. Разница между мобильным телефоном и смартфоном существенна. Примерно такая же, как между обычным зеркалом и тем, через которое Алиса в сказке Льюиса Кэрролла попала в Зазеркалье: со смартфона можно выходить в интернет. В первую очередь — ради общения в соцсетях. Согласно статистике 2017 г., в США смартфонами владеет 92% тех, кому от 18 до 29 лет. В Великобритании — 96% тех, кому от 16 до 24. Для россиян в возрасте от 12 до 24 лет аналогичный показатель составлял в 2016 г. 86,2%. Это в среднем по стране. В Москве, Санкт-Петербурге и крупных городах цифры, вероятно, соответствуют американским и британским.

Сегодняшние студенты не могут воспринимать информацию так, как ее воспринимали предшественники. Например, с трудом выслушивают классические полуторачасовые лекции даже самого квалифицированного преподавателя. Зато могут переварить огромный объем информации, но «кусочно» и по запросу, поскольку у студентов разные запросы, подходы и карьерные ожидания. Меняется характер взаимодействия между поколениями, раньше пожилой человек был носителем информации, современные поисковые программы позволяют молодежи знать больше педагога. Преподаватель в настоящее время выступает не столько носителем и трансформатором научной информации, сколько организатором познавательной деятельности студентов, их самостоятельной работы, научного творчества. Мы росли, когда образование было благом, диплом был приложением к образованию, сейчас процесс обучения ориентирован на получение компетенции; получение знаний — получение навигаций в море, учитель — ориентировать на то, где можно получить информацию.

Для молодежи сегодня крайне важна персональная оценка со стороны общества. Авторы постов высказывают свою позицию для того, чтобы получать лайки. Это новая ли перспектива? То, что называется обществом — на самом деле — сообщество, комьюнити. Главное в жизни — признание.

В молодежной среде доминирует философия настроя на успех. Успех становится главным мерилом для самой молодежи, а есть и состояние неуспеха, неудачи, комплекса неполноценности. Подрастающее поколение — это и есть люди будущего. В мире, раздираемом конфликтами и противоречиями, превалирует депрессивная атмосфера. Молодежь, выходящая из социума посредством гаджета, получая на время положительную энергию, все же менее депрессивна, чем взрослое поколение, но возвращаться придется, спрятаться там нельзя.

[1] Смартфон джунглей. Как гаджеты влияют на подростков [Электронный ресурс]. URL: http://cittel.ru/ (дата обращения: 10.05.2019).

Изменяются взаимоотношения между молодежью и общественными структурами, меняются авторитеты, жестко отрицаются существующие нормы, происходит рационализация своей жизни, при этом общественно-политическая жизнь отрицается, но проявляется фанатизм в тех сферах, которые от них зависят, преимущественно — это сфера досуга. Нет необходимости получения фундаментального образования, рецепт на то, что надо сделать сейчас; главное, чтобы работа должна была быть легкой, быстрой и развлекательной, возникающие проблемы будем решать по мере поступления. При этом для «продвинутой молодежи» деньги не на первом месте, самые большие запросы на зарплату — у сегодняшних троечников, которые сознательно не в современной традиции, гаджеты их ведут. Как выяснили социологи ВЦИОМа, более 40% московских студентов-троечников рассчитывают на зарплату от 50 до 100 тыс. руб. А 4% из них и вовсе заявили, что не согласятся меньше, чем на 150 тыс. Удивительно, но всего лишь 20% круглых отличников претендуют на жалованье такого масштаба. Троечники никогда не делают то, что им неинтересно. Как бы при этом педагог ни разглагольствовал о том, насколько это важно и нужно делать. Причина успеха многих троечников в их высоком эмоциональном коэффициенте — EQ, а не в коэффициенте интеллекта — IQ. Для успехов важны интуиция, умение слышать и понимать людей, внутренняя свобода. А это не зависит от академических знаний. Троечники, как правило, дружелюбны, коммуникабельны[1].

В сторону уходит истина, наступает эпоха конформизма: сегодня я консерватор, завтра — либерал, послезавтра опять консерватор. Деловые игры: вы в роли министра, преподавателя, библиотекаря — равно-искренние. Встреча с рутинными факторами, психологическими проблемами для них окажутся неподъемными, а значит — они уйдут в форме трансгрессивных выбросов на почве в интернет, либо проявятся в форме неконтролируемой агрессии на почве интернет-зависимости. Примером этого могут служить волны трагических историй, захлестнувших Россию. В Екатеринбурге школьник убил мать, запрещавшую ему играть в компьютер. В Красноярске подросток зарезал своего приятеля — конфликт начался в соцсетях из-за аниме[2].

Если раньше человек громко на улице высказывался нецензурной бранью, на него обращали внимание, воспринимали как невоспитанного хулигана, сегодня он говорит по телефону со своим бизнес-партнером, находясь в своем замкнутом мире, не видя окружающих.

Естественно, сохраняется сельская и городская молодежь. Однако возникает иная стратификация молодежи: оффлайн (вне сети) и онлайн («находящийся в состоянии подключения»).

Молодежь как локомотив развития в эпоху цифровых технологий

Будущее — мир с большими неопределенностями, с большими рисками, мы жили в обществе, в котором все было расписано, каким образом молодежь будет реагировать на будущее — «черный вторник»[3] и иные неприятные жизненные обстоятельства? Молодежь адаптируется к миру будущего для того чтобы в нем продуктивно

[1] *Светлана Кузина.* Почему троечники становятся начальниками, а отличники — подчиненными / [Электронный ресурс]. URL: https://www.irk.kp.ru/daily/24047/101701/ (дата обращения: 20.05.2019).

[2] Жизнь в Сети: как гаджеты искажают детскую психику [Электронный ресурс]. URL: https://riamo.ru/article/180336/zhizn-v-seti-kak-gadzhety-iskazhayut-detskuyu-psihiku.xl (дата обращения: 16.05.2019).

[3] Черный вторник (2014) — обвальное падение рубля по отношению к доллару США и евро 16 декабря 2014 г. В начале суток Центральный банк Российской Федерации повысил ключевую ставку сразу на 6,5 процентных пунктов — до 17% годовых. Решение было принято из-за возросших девальвационных и инфляционных рисков.

жить и работать; Компьютер, телефон, планшет — реалии жизни, и отказаться от них нельзя, иначе повзрослевший ребенок будет сильно отставать от сверстников в пользовании девайсами, его навыки будут значительно ниже, он просто отстанет от времени. Кто в российских семьях сегодня является лидером? В большинстве своем — молодежь. В отличие от взрослого поколения[1] она быстро «схватывает» и осваивает инновационные технологии в различных сферах деятельности (материального и духовного преобразования мира), поведения (приспособления к окружающей среде) и общения (субъектно-субъектных коммуникаций).

Молодежь — это носитель огромного интеллектуального потенциала, особых способностей к творчеству (повышенные чувственность, восприятие, усиленные образность мышления, воображение, стремление к фантазии, раскованность, острая память, игра ума и т. д.).

Молодежь — это выразитель новых и новейших знаний, которые она несет на производство и в другие сферы общественной жизни. Причем объем и качество знаний, новых идей в обществе растет прежде всего за счет молодых людей.

Молодежь — это проводник и ускоритель внедрения в практику новых идей, инициатив, новых форм жизни, ибо по природе она противник консерватизма и застоя. Где молодежь — там и новые песни, там напор, революция.

Молодежь — это наиболее здоровая физически часть населения, это жизненная сила общества, сгусток невыгораемой энергии, поскольку она и есть огонь, нерастраченных интеллектуальных и требующих выхода физических сил, за счет которых жизнь общества может быть оживлена.

Нынешнее поколение, возможно, впервые действительно другое за всю историю человечества — «цифророжденные», подобно пифагорейцам, предложившим нам цифровую Вселенную, воспринимает цифровизацию общественной жизни столь естественно и органично, как:

- быстрое встраивание в естественную среду жизни;
- изменение правил, которые облегчают жизнь;
- экономию времени, освободившееся время можно посвятить нравственному труду, развитию личности, общению с близкими, друзьями и партнерами;
- сохранение здоровья от дискомфорта;
- увеличение скорости принятия решения за человека в автоматическом режиме на основе данных — золота и нефти XXI в., мы знаем о себе меньше, чем специально обученные устройства;
- переход к удовлетворению индивидуальных и коллективных потребностей (формирование мини-рынков, производства под конкретные заказы); цифра — убийца системы предоставления услуг, из 100 услуг 90% решается цифрой без общения с чиновником, не менее 50% вопросов, связанных с общением с государством, решаются в цифровом режиме;
- новый тип коммуникации, наряду с разговорной и письменной речью, позволяющей ощущать себя гармонично в современном мире;
- не как угрозу человечеству, а как бескрайние возможности развития человеческого потенциала.

Дети не трудятся в общепринятом понимании этого слова, но их труд по развитию личности огромен. И самое интересное, как именно дети легко и непринужденно осваивают новые технологии, используют их и поражают широтой мышления.

[1] Есть забавный анекдот, отражающий стереотипы старшего поколения к современным электронным средствам коммуникации: «Тестю подарили айфон, и он полностью абстрагировался от внешнего мира. Теперь теща всем говорит, что у нее в квартире живет айфонский старец».

Если говорить о смарт-человеке, то достаточно обратиться к русско-английскому словарю, чтобы перечислить те качества, какими он будет обладать: быстрый, энергичный, сообразительный, умный, модный. Современный смарт-человек, который умеет находить нужную ему информацию из огромного потока, перерабатывать ее и применять.

Уже придумана технология, которая позволит набирать текст и совершать операции на компьютере без клавиатуры, только силой мысли… Известно, что озарения, как правило, возникают во сне, большинство которых забываются, но также и совесть — «когтистый зверь, скребущий сердце», наиболее активно терзает нас во сне. Поэтому смарт-общество будет обществом непрерывных, выведенных на дисплей, открытий в науке и искусстве, обществом нравственных людей.

Человек всегда останется человеком. Будет развивать свои способности, удовлетворять свои потребности, искать новые возможности для воплощения того, о чем мечтает. Иначе он перестанет быть человеком. Технологии созданы для того, чтобы помочь ему, но не заменить его. Смарт-общество лишь подтверждает то, что каждый из нас находится в поиске ответов на вопросы о бытии сущего, о поддержке других людей.

Сегодня поколения сменяются через двадцать пять лет, а новый технологический уклад появляется каждые пять-шесть лет. Став на путь цифровой экономики, при которой изменения, особенно в области технологий, будут происходить еще стремительнее, молодому поколению, чтобы оставаться востребованным для работодателей, придется вовремя реагировать на эти перемены. Главное — понять, что назад, к прошлому, дороги нет.

Мировое общество как атрибут информационной цивилизации, категория анализа и пространство глобального взаимодействия

Быстрое распространение социальных сетей и обмен сообщениями посредством таких сервисов, как Twitter, Facebook, WhatsApp и Viber, то, что мы называем транснациональные цифровые сети связи (TDCN) — привели к экспоненциальному увеличению способности глобального взаимодействия. Эти новые средства массовой информации приводят миллионы пользователей в постоянный, практически мгновенный контакт друг с другом. Растущая доступность этих услуг в сочетании с новыми возможностями для взаимодействия и общения в глобальном масштабе способствовали формированию альтернативной системы транснациональной коммуникации, состоящей из специальных цифровых сетей, в виде отдельных лиц и различных социальных групп, заинтересованных друг в друге. В то время как последствия цифровой революции носят далеко идущий характер, включая технологии, военное дело, мы фокусируемся на наблюдаемых формах социального взаимодействия между людьми, негосударственными организациями и, в конечном итоге, населением в целом, в мире — предполагаемыми акторами мирового общества. Это открывает двери для переосмысления мирового общества как самостоятельной категории для изучения межгрупповых отношений — с учетом его собственной политической динамики. Мировое общество как альтернативный сайт политики отличается от основного международного общества и порождает собственную логику общения, мобилизации и действия.

Общение является необходимой основой для всех типов социальной организации, «основной функцией дипломатии, заключающейся в содействии взаимному общению, переговорам и сбору информации» [9, с. 115]. Большая часть литературы обсуждает мировое общество со ссылкой на его отношения с международным обществом, которое строится по дипломатическим институализируемым каналам. Возможность того, что мировое общество обладает независимыми социальными структурами, производящими модели сложного взаимодействия, сопоставимые с первичными институтами международного общества, встречаются со скептициз-

мом [10, с. 13; 14, с. 112]. В итоге современные споры вокруг мирового общества, будучи сосредоточены вокруг своей предполагаемой связи с международным сообществом, как правило, завершаются депортацией исследования мирового общества как самостоятельной аналитической категории. Эта динамика увековечивает представление о том, что мировое общество является теоретической «свалкой» и «остаточной категорией» в рамках политологического анализа [7, с. 25]. В результате, возникла парадоксальная картина мира, в которой существует «более четкое представление о том, чем не является мировое общество, а не о том, чем оно является» [12, с. 127].

Растущее влияние цифровых коммуникационных технологий выполняет функцию, аналогичную дипломатии в Вестфальском государственном устройстве: увеличивает потенциал взаимодействия между группами и способствует сложному социальному взаимодействию. Однако, в случае мирового общества, конфигурация физических и социальных технологий представляет собой логику общения, принципиально противоречащую традиционному дипломатическому способу общения, который в первую очередь опирается на упорядоченное взаимодействие небольшого числа акторов международных отношений. Если международная дипломатия создает формальную, иерархическую, формализованную и эксклюзивную атмосферу относительно происходящих межгрупповых отношений, то TDCN являются неформальными, эгалитарными, высоко инклюзивными и открытыми для многоязычного представления. Это напрямую отражает открытие транснационального общения с множеством новых голосов; внезапную распространенность практик «следования», «обмена» и «френдинга», сопутствующую доступность альтернативных форм политического выражения. Как заметил Дж. Уильямс, мировое сообщество состоит из множества перекрывающихся сообществ на различных уровнях анализа, которые часто взаимодействуют, но сохраняют свою культурную автономию [12, с. 316]. Параллельно с Уильямсом М. Вайнерт реконфигурирует мировое общество как пространственную концепцию, которая производит и производится конкретными социальными практиками» [13, с. 409–429], опираясь на определение Х. Булл общества как «всемирной сети взаимодействия» [10, с. 269].

Конфигурация физических и социальных технологий также порождает особые типы коллективных действий, делая доступными ранее неиспользованные или неизвестные сценарии и стратегии для политических претензий. Например, внедрение новых технологий создает сайты для коллективной мобилизации и объединяет ранее не связанные группы. Множественность пользователей увеличивает возможности для разработки новых связей и в результате — формирования новых идентичностей в геометрической прогрессии [6, с. 272–273].

Посты социальных сетей, подписи на информационных бюллетнях, разделение информации, размещенной на видео, и фотографии на платформах, таких как YouTube и Instagram, Twitter и Facebook, могут служить френдингом — ресурсом политической мобилизации. Friending преимущественно расширяет пространство для утверждения, выращивая сети, коммуникация в которой ориентирована к построению межабонентских доверительных отношений. Friending может произвести анклавы, но также и дает начало соревнованию за большее число голосов. Заметим, что сами по себе цифровые сети ценностно нейтральны: по каналам цифровой коммуникации в одно и то же время могут формироваться коллективные идентичности, противостоящие терроризму, и осуществляться вербовка в террористические организации.

В условиях санкций, международной изоляции и информационной войны особым ресурсом защиты суверенитета национальных интересов России является народная дипломатия, участником которой в эпоху цифровых транснациональных сетевых технологий может стать любой гражданин [2]. Есть надежда на то, что по каналам

сетевой коммуникации молодежь, как наиболее пассионарная, адаптированная к информационной цивилизации часть российского общества, в том числе проживающая за границей, сможет обратить наших оппонентов в друзей, раскрывая им геополитические реалии современного мира, интересы стран ближнего и дальнего зарубежья в сотрудничестве с нашей страной, особенности распада советской империи, связанного с ним конфликта между международным правом и правом народа на самоопределение и воссоединение с исторической Родиной. До сих пор каждый следующий президент лишь укреплял «проект Украина» как антирусский внутри и антироссийский в международном плане. Сможет ли новая киевская власть радикально изменить этот проект, дадут ли ей это сделать? От этого зависит будущее российско-украинских отношений.

Новые информационные системы конструируют мир, не совпадающий с СМИ, в этом заслуга блогеров. В США практически все СМИ были на стороне герметического политического класса, но они проиграли. Самый внушительный уровень сопротивления — молодое поколение, которое не включает телевизоров. Рим рухнул, и Пан-Америка рухнет, поскольку не в состоянии контролировать свою виртуальную империю.

Антироссийские санкции, как неустанно утверждал их организатор и вдохновитель Барак Обама, непосредственно нацелены на делигитимацию власти, смещение национально ориентированной политической элиты. Наши партнеры, в первую очередь, в США и странах ЕС должны понимать, что россияне уже не примут политическую элиту, легитимность которой обеспечивалась бы лишь внешним признанием в качестве посредника Запада в разграблении национальных ресурсов России. Таков уровень национального экзистенциального самочувствия, не договорились с нашим лидером — вам же хуже. Это — сохранение нацграммы и идентичности. Важно не утратить резонаторы, сохраняя себя за пределами своего молодежного тела — на электронных площадках мирового общества.

Наконец, информационно-цифровая цивилизация создает безграничные условия для развития способности человека к предчувствию и предзнанию будущего, причем, не пророка, не чародея, не экстрасенса, а самого обычного среднестатистического человека. Ведь наш, данный Богом разум, развивается быстрее тела, что создает предпосылки к тому, что человечество, став «цифровым обществом», сможет отказаться от вредоносных «благ» цивилизации, не став ее жертвой.

Литература

1. *Кугай А. И.* Насилие: философская позиция видения // Власть. 2013. № 2. С. 145–148.
2. *Кугай А. И.* Патриотизм как фактор гражданской идентификации и национального единства // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 152–162.
3. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : REFL-book, 1994.
4. *Лем С.* Сумма технологий. М. : АСТ, 2018.
5. *Филимонов В. П.* Цифровое общество и конец истории. М. : Благословение, 2019.
6. *Abbott A.* Time Matters: On Theory and Method. Chicago : Chicago University Press, 2001.
7. *Buzan B.* From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
8. *Habermas J.* Technic und Wissenschaft also “Ideologie”. Frankfurt-a.-M. 1974.
9. *Wight M.* Power Politics. Royal Institure of International Affais. New York — London, 2002.
10. *Hedley B.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd edn. New York : Columbia University Press, 2002.
11. *Hedley B.* ‘Justice in International Relations’, 1983-4 Hagey Lectures. Ontario : University of Waterloo Press, 1984.
12. *Williams J.* International Society — World Society Distinction. Oxford Research Encyclopedias, 2013.

13. *Weinert Matthew S.* Grounding World Society: Spatiality, cultural heritage, and our world as shared geographies // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. Is. 3. P. 409–429.
14. *Jackson Robert H.* The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Об авторах:
Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; kugay3@yandex.ru
Михайлова Виктория Владимировна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mikhailova-vv@sziu.ranepa.ru

References

1. Kugai A. I. Violence: philosophical position of vision // Power [Vlast]. 2013. N 2. P. 145–148. (In rus)
2. Kugai A. I. Patriotism as a factor of civil identification and national unity // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 5. P. 152–162. (In rus)
3. Marcuse G. One-Dimensional man. The study of the ideology of Advanced Industrial Society, M. : REFL-book, 1994. (In rus)
4. Lem S. Sum of technologies. M. : AST, 2018. (In rus)
5. Filimonov V. P. Digital society and the end of history. M. : Blessing, 2019. (In rus)
6. Abbott A. Time Matters: On Theory and Method. Chicago : Chicago University Press, 2001.
7. Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
8. Habermas J. Technic und Wissenschaft also "Ideologie". Frankfurt-a-M. 1974.
9. Wight M. Power Politics. Royal Institure of International Affais. New York — London, 2002.
10. Hedley B. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. 3rd edn. New York : Columbia University Press, 2002.
11. Hedley B. 'Justice in International Relations', 1983-4 Hagey Lectures. Ontario : University of Waterloo Press, 1984.
12. Williams J. International Society — World Society Distinction. Oxford Research Encyclopedias, 2013.
13. Weinert Matthew S. Grounding World Society: Spatiality, cultural heritage, and our world as shared geographies // Review of International Studies. 2017. Vol. 43. Is. 3. P. 409–429.
14. Jackson Robert H. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford : Oxford University Press, 2000.

About the authors:
Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; kugay3@yandex.ru
Victoria V. Mikhailova Graduate student of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); sadovskaya.tanata@mail.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-100-107

Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском

Часть 2[1]

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Во второй части статьи на основе материалов центральных и региональных архивов, сборников документов партийных и советских органов прифронтовых областей, мемуаров, газет военного времени рассматривается организаторская деятельность ГКО, Военных советов, местных органов по мобилизации населения на строительство автогужевых дорог и поддержание их в надлежащем состоянии, строительство железной дороги Старый Оскол — Ржава, которая имела важное военное значение для Воронежского фронта, показан вклад жителей прифронтовых областей в дело победы советских войск на Курской дуге, их мужество и трудовой героизм.

Ключевые слова: битва, органы власти: ГКО, партийные и советские органы, Военные советы фронтов и армий; «Курская правда», «Курская правда на стройке», прифронтовые области, дорожное строительство, мужество и героизм

Helping the Front: Help of the Local Population in the Battle of Kursk. Part 2

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

In the second part of article on the basis of materials of the central and regional archives, collections of documents of party and Soviet bodies of front-line areas, memoirs, newspapers of wartime organizing activity of the State committee of defense, the Councils of War, local bodies for mobilization of the population on construction of autocart roads and their maintenance in proper condition, construction of the railroad Stary Oskol — Rzhava which had important military value for the Voronezh front is considered, the contribution of residents of front-line areas to a victory of the Soviet troops on the Kursk Bulge, their courage and labor heroism is shown.

Keywords: battle, authorities: GKO, party and Soviet bodies, Military councils of fronts and armies; “Kursk truth”, “Kursk truth on building”, front areas, road construction, courage and heroism

К 75-летию Великой Победы

Наряду с ремонтом боевой техники и вооружения, со строительством оборонительных рубежей труженики прифронтовых областей участвовали в восстановлении и строительстве автогужевых и железных дорог в интересах фронта. О значимости этой задачи говорит тот факт, что только на территории Воронежского фронта протяженность грунтовых дорог составляла около 4 тыс. км[2]. Поэтому в центре

[1] *Продолжение.* Начало см.: Управленческое консультирование. 2019. № 6. С. 131–139.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2694. Д. 1. Л. 79.

внимания органов власти находился вопрос поддержания в проезжем состоянии автогужевых дорог. Свидетельством этого являются следующие данные: Курский обком ВКП(б) рассматривал этот вопрос только в апреле дважды, Курский областной Совет депутатов трудящихся в течение февраля-марта — также два раза, Орловский обком партии в июне-июле — два раза[1]. Этой важной проблемой также занимались Воронежская и Харьковская партийные организации[2].

Партийные и советские органы вместе с командирами и заместителями командиров по политической части, выполняя решения партийных активов, пленумов, бюро, сессий, развернули большую политико-воспитательную работу по мобилизации местного населения на строительство и восстановление дорог.

В марте — апреле 1943 г., например, политработники Западного фронта провели с колхозниками общие собрания, лекции, доклады, беседы, где людям разъяснялась важность фронтовых дорог, особенно в условиях весенней распутицы[3].

Тысячи колхозников и горожан откликнулись на призывы фронтовиков, партийных и советских органов. В Обоянском, Льговском, Пристенском и других районах Курской области были созданы комсомольско-молодежные бригады на фронтовых дорогах[4]. За ними закреплялись определенные участки дорог. Принимались обязательства, развертывалось социалистическое соревнование по поддержанию в образцовом состоянии дорог.

Люди работали, не жалея сил, здоровья, не считаясь с возрастом. Участие местного населения было массовым: свыше 1 тыс. человек работало, например, на дорогах в полосе 13-й Общевойсковой армии Центрального фронта; около 1 тыс. комсомольцев и молодежи Фатежского района, 12 тыс. человек Михайловского и Золотухинского районов, около 15 тыс. трудящихся Курска ежедневно выходили на дорожные работы; более 10 тыс. комсомольцев Льговского района Курской области восстанавливали мост через реку Сейм[5].

В целом населением Курской области (50 районов — *авт.*) с февраля по 1 августа 1943 г. было построено 495 км новых дорог, восстановлено 334 моста общей длиной 8108 погонных метров, в том числе построено вновь 218 мостов длиной 5132 погонных метров, отработано на дорогах 1792 тыс. чел.-дней[6].

Огромной заслугой трудящихся Курской области явилось участие в строительстве очень важной для того времени железнодорожной линии Старый Оскол — Ржава протяженностью 95 км. Дело в том, что по существу у Воронежского фронта не было собственной железнодорожной коммуникации, поэтому Военный совет фронта обратился с письмом в ГКО, где обосновал необходимость ее строительства. ГКО, рассмотрев ходатайство Военного совета фронта, 8 июня принял постановление о строительстве железной дороги, установив срок работ с 15 июня по 15 августа 1943 г., обязав Курский обком ВКП(б) и облисполком мобилизовать на все время строительства 20 тыс. человек и 1 тыс. подвод[7].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1119. Л. 2; Д. 1125. Л. 94; Д. 1448. Л. 78–84, 197, 199; Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 7. Л. 85–86; О содержании дорог в проезжем состоянии // Курская правда. 1943. 20 февраля.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 271. Л. 150, 180. Харьковщина в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941–1943 гг.: Сб. док. и материалов. Харьков : Прапор, 1965. С. 331.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 319. Л. 131.

[4] Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 27. Д. 1056. Л. 186–187.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 86; ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1056. Л. 186, 187.

[6] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. : Сб. док. и материалов: в 2 т. Курск : Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 110.

[7] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. : Сб. док. и материалов: в 2 т. Курск: Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 69–70.

Курский обком партии и исполком облсовета депутатов трудящихся специальным постановлением от 14 июня 1943 г. определили конкретные задачи партийным, советским и хозяйственным органам в связи со строительством железной дороги:

1) мобилизовать на все время строительства 20 тыс. человек, 1 тыс. подвод и инструмент из районов области;
2) из мобилизуемых создать в каждом районе строительную колонну во главе со вторым секретарем РК ВКП(б), в каждой колонне организовать отряды по 100 человек, райкомам партии утвердить на бюро начальников отрядов и их заместителей по политчасти;
3) обкому ВЛКСМ мобилизовать на строительство четыре тысячи комсомольцев, создав из них комсомольские рабочие отряды;
4) отделу кадров обкома партии с целью ускорения мобилизации населения на стройку командировать в районы ответственных работников области, направить на строительство 15 человек — работников политотделов железнодорожного транспорта — на руководящие должности;
5) газете «Курская правда» организовать выездную редакцию для выпуска боевых листков;
6) райкомам ВКП(б) организовать в колоннах и отрядах партийно-комсомольские группы, поставив их главной задачей организацию социалистического соревнования за досрочное окончание строительства, создать в колоннах агитколлективы;
7) учредить переходящее Красное знамя обкома партии и исполкома облсовета депутатов трудящихся за высокие показатели работы и перевыполнение заданий по строительству, переходящее Красное знамя вручат району, который первым полностью и в срок приступит к строительству железной дороги;
8) просить Военный совет Воронежского фронта выделить необходимые средства прикрытия строительства от воздушного нападения фашистской авиации, а также автотранспорт, необходимый для перевозок продуктов питания в количестве 15 машин и 30 походных кухонь.

Постановление предусматривало организацию общественного питания и торговли товарами широкого потребления, медицинское обслуживание рабочих, обеспечение их газетами, журналами и литературой, культурное обслуживание, для чего выделялись кинопередвижка и театральные коллективы.

Органам связи ставилась задача наладить радиотелефонную связь для оперативного руководства ходом строительства.

В заключительной части постановления отмечалось, что, учитывая исключительную важность строительства этой железнодорожной линии и установленные ГКО сроки, бюро обкома партии и облисполком депутатов трудящихся возлагают персональную ответственность за проведение мобилизации до 17 июня и успешную организацию работ на строительстве на первых секретарей РК ВКП(б) и председателей исполкомов райсоветов. Для руководства людьми области и оказания помощи военному командованию направлялся секретарь обкома партии по транспорту С. Черников[1].

Горкомы и райкомы партии, горсоветы и райсоветы, выполняя решение областного комитета ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся, провели колоссальную работу: мобилизовав 25 375 человек, во главе которых стали вторые секретари райкомов партии, 1280 подвод, подобрали и утвердили на заседаниях бюро опытных коммунистов и комсомольцев на должности начальников отрядов и заместителей по политической части, создали партийные и комсомольские организации, 130 комсомольско-молодежных бригад[2] [2, с. 194].

---

[1] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 70–72.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1120. Л. 22; Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 88. Д 768. Л. 2.

Обком партии, облисполком Совета депутатов трудящихся и обком ВЛКСМ учредили два переходящих Красных знамени для лучших колонн, а в колоннах — районные переходящие Красные знамена[1].

Вся проделанная партийными и советскими органами работа позволила приступить к строительству дороги 15 июня[2].

С первых дней строительства обком, горкомы и райкомы партии, коммунисты и комсомольцы организовали политико-воспитательную работу. Во всех колоннах представителями обкома ВКП(б), секретарями райкомов партии, политработниками были проведены общие собрания и совещания, где разъяснялось значение строящегося объекта и ставились конкретные задачи перед строителями.

Большое место отводилось агитационно-пропагандистской работе. Группой лекторов обкома партии было прочитано 72 лекции на темы «О международном положении», «Два года Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии» и др. На них присутствовало 23 843 человека. 1055 агитаторов и чтецов ежедневно проводили беседы, знакомили строителей со сводками Совинформбюро и другими интересными материалами из газет и литературы. Строители прослушали 3387 докладов и бесед на самые различные темы. На стройке регулярно демонстрировались кинофильмы, работники культуры провели 51 киносеанс. Агитбригадой Курского областного отдела искусства было поставлено более 30 концертов[3].

Редакция «Курской правды» организовала выпуск многотиражной газеты «Курская правда на стройке» в количестве 3 тыс. экземпляров и около 500 экземпляров бюллетеней с сообщениями Совинформбюро[4]. Газета популяризировала опыт передовиков, вскрывала недостатки, призывала всех участников строительства к новым свершениям. Так, 6 июля газета писала: «Товарищи строители! Страна и фронт ждут нашу стройку. Нашими трудовыми подвигами ответим на боевые успехи защитников Родины!»[5].

Курский обком ВКП(б) постоянно следил за тем, чтобы политработники, агитаторы были обеспечены свежими газетами и литературой. За месяц на стройку было доставлено свыше 189 тыс. экземпляров центральных и областных газет[6].

Большое внимание уделяли партийные и советские органы также выпуску стенгазет и боевых листков, в которых отражалась жизнь стройки. За весь период строительства было выпущено свыше 10 тыс. стенгазет и боевых листков[7].

В результате широко поставленной партийными комитетами политико-воспитательной работы с первых дней на строительстве железной дороги развернулось массовое социалистическое соревнование. Инициаторами его выступили строители Пристенской колонны, первыми прибывшие на стройку под руководством секретаря райкома партии И. П. Громова[8]. За высокую организованность колонне было вручено переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и облсовета депутатов трудящихся, оно удерживалось строителями до 7 июля[9]. С первых же дней работы не было ни одного пристенца, не выполняющего нормы. Командир 6-го отряда Т. Кабанова, правильно организовав труд, добилась выполнения полутора норм

---

[1] *Черников С.* Достойный вклад курян в дело победы над немцами // Курская правда. 1941. 26 сентября.

[2] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1054. Л. 56.

[3] *Черников С.* Достойный вклад курян в дело победы над немцами.

[4] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 70–72, 81.

[5] Курская правда на стройке. 1943. 6 июля.

[6] *Черников С.* Достойный вклад курян в дело победы над немцами.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 995. Л. 23.

каждым строителем, а звено К. Крыгиной (10 человек — *авт.*) дневную норму выполняло до обеденного перерыва. Отличных показателей добились и строители 5-го отряда, где командиром была Н. Тютюнова. В этом коллективе 29 девушек задание выполняли на 200%[1].

Вдохновленные первыми успехами пристенцы 23 июня обратились ко всем строителям включиться в социалистическое соревнование за досрочное окончание строительства, работать за двоих, за троих, построить линию не за два, а за один месяц[2].

Призыв молодых строителей поддержал Курский обком партии. Газета «Курская правда на стройке» писала в то время: «Товарищи строители! Вдвое-втрое увеличим выполнение заданий. Досрочно сдадим стройку фронту!»[3].

Почин инициаторов социалистического соревнования нашел самый горячий отклик среди участников стройки. Во всех колоннах прошли митинги, на которых было обсуждено обращение пристенцев.

Боброво-Дворская колонна, например, на митинге приняла решение ежедневно перевыполнять нормы выработки в полтора-два раза, освещать ход социалистического соревнования в боевых листках, местной районной газете, установить в каждом отряде Доску почета. Было решено также вызвать на соревнование строителей колонны Чернянского района и все заработанные деньги — общая сумма их должна была составить около 50 тыс. рублей — передать в Фонд Красной Армии. Принятые обязательства строители успешно претворяли в жизнь. Коммунисты и комсомольцы своим личным примером добивались выполнения заданий всеми отрядами, всей колонной. Больших успехов добились отряды М.Г. Сбитневой, Н.И. Сапрыкиной. Отряд Н.И. Сапрыкиной раньше других закончил работу на участке. К 3 июля колонна на участке в 2,3 км полностью закончила все работы[4].

В социалистическое соревнование за досрочное окончание строительства железной дороги Старый Оскол — Ржава вскоре были вовлечены все строители. На всей трассе звучали лозунги: «Строители! Все силы — на помощь нашим защитникам!», «Честь и хвала мастерам военной нормы!», «Дорог на фронте каждый час. Выполни в срок боевой приказ!», «Выше темпы работ — снаряды ждет орудийный расчет!», «Наша стройка — путь снаряда в гнездо фашистского гада!»[5].

Развернувшееся социалистическое соревнование, умело поставленная работа способствовали достижению высоких результатов в труде. Об этом говорят производственные показатели строителей колонны Тимского района. Средняя выработка на одного человека в день при плане 3 м^3 составляла: 20 июня — 3,86 м^3; 21 июня — 4,3; 22 июня — 4,0; 23 июня — 4,4; 24 июня — 5,2 м^3.[6]

С началом Курской битвы партийные органы усилили свою деятельность. Так, например, секретарь обкома партии С. Черников 6 июля провел совещание с руководством колонн и заместителями командиров подразделений по политчасти, на котором был рассмотрен вопрос ускорения работы на строительстве в связи с боевой обстановкой и объявлен фронтовой декадник[7].

Коммунисты во всех подразделениях развернули политико-воспитательную работу. Они разъясняли положение, сложившееся на фронтах, и призывали всех строителей досрочно закончить сооружение железной дороги Старый Оскол — Ржава. «Наша стойка, — писала «Курская правда на стройке», — тоже фронт. Мы выполня-

[1] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 73.
[2] Там же.
[3] Курская правда на стройке. 1943. 6 июля.
[4] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 74, 76.
[5] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1054. Л. 56.
[6] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 84.
[7] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1056. Л. 87.

ем военный заказ. Разгоревшаяся битва с врагом повелительно требует удвоить, утроить энергию...Товарищи! Сдадим объект раньше срока — фронт ждет!»[1].

Куряне давали клятву работать еще энергичнее, чтобы сократить даже максимально сжатые сроки строительства.

Целеустремленная агитационно-массовая работа сыграла большую организующую роль. Производительность труда резко возросла. Это видно на примере Тимской колонны: с 6 по 16 июля средняя дневная выработка на одного человека увеличилась с 5,5 до 8,8 м^3. Колонне за ударную и доброкачественную работу было вручено переходящее Красное знамя Курского обкома ВКП(б) и облисполкома Совета депутатов трудящихся, а также переходящее Красное знамя 7-й отдельной железнодорожной бригады, которые удерживались ею до конца строительства дороги[2].

Высоких результатов добились и строители Старо-Оскольского района. Комсомольская бригада довела норму выработки до 280%[3].

Большой вклад в прокладку железнодорожной линии внесли и строители Волоконовской колонны. При задании 50 тыс. м^3 они выполнили земляные работы объемом 80 тыс. м^3, причем раньше срока на четыре дня. 28 человек этой колонны были представлены к правительственным наградам, 300 — выданы денежные премии[4].

Средняя выработка по районам соответственно была: Воловский — 6,0 м^3; Волоконовский — 5,5; Тимский — 5,4; Октябрьский — 5,3; Советский — 4,6 м^3.[5]

Ежедневно сооружалось около трех километров пути. Это был самый высокий темп строительства железных дорог за всю Великую Отечественную войну, причем все работы выполнялись вручную [3, с. 246]. Доля участия гражданского населения составила 59% от общего количества отработанных человеко-дней[6].

Благодаря руководству местных органов власти прифронтовых областей и высокому энтузиазму тружеников стройки движение по железнодорожной линии Старый Оскол — Ржава с пропускной способностью 12 пар поездов в сутки было досрочно открыто 17 июля, т. е. через 32 дня после начала работ за две недели до контрнаступления Воронежского и Степного фронтов на белгородско-харьковском направлении, когда фронт особенно остро нуждался в непрерывном подвозе оружия и боеприпасов[7].

Командование стройки по достоинству оценило беспримерный подвиг трудящихся Курской области. На XI пленуме Курского обкома ВКП(б) (26–27 июля 1943 г.) начальник строительства полковник А. Н. Ткачев отмечал, что воины-железнодорожники Воронежского фронта сердечно благодарят все население области за большую и своевременную помощь в строительстве железной дороги. В этом большая заслуга принадлежит партийным и советским органам Курской области, которые своевременно мобилизовали жителей области на строительство. Далее выступавший сказал: «...Такую мобильность в подъеме колхозников на важную государственную стройку я лично вижу впервые. Что та масса, которая поступила к нам колоннами, представляла целый монолитный сплоченный коллектив. Это говорит о том, что Курская область способна на большие дела...»[8].

---

[1] Наша стройка — тоже фронт // Курская правда на стройке. 1943. 13 июля.

[2] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 84.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1120. Л. 16.

[4] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 995. Л. 23.

[5] Там же. Л. 52; Д. 1054. Л. 58.

[6] РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 766. Л. 4 об.

[7] Первоначальный срок окончания строительства ГКО был установлен 15 августа 1943 г., но по ходатайству Курского обкома ВКП(б) он был сокращен и установлен новый — 20 июля — *авт.* [4, с. 371, 372].

[8] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 995. Л. 52.

Построенная раньше срока железная дорога протяженностью 95 км имела важное военное значение. Воронежский фронт получил самостоятельную магистраль, которая выходила на линию Курск — Белгород и на ветку Ржава — Обоянь. Новая трасса освобождала от доставки грузов огромное количество автомашин, привозивших все необходимое к передовой линии фронта за 250–300 км. С вводом в эксплуатацию этой трассы расстояние к фронту сокращалось на 150–200 км. Облегчалась работа на сильно перегруженном главном в то время направлении Касторная — Мармыжи — Курск, к тому же фашисты непрерывно бомбили эту дорогу и особенно Курский узел. Новая дорога давала возможность маневрировать и организовать кольцевое одностороннее движение эшелонов по маршруту Касторная — Курск — Сараевка — Старый Оскол. Эта мера резко повышала провозную способность железнодорожных магистралей Воронежского и Центрального фронтов [2, с. 190].

За мужество и трудовой героизм строителей Военный совет Воронежского фронта и Курский обком ВКП(б) представили к награждению орденами и медалями 460 человек. Несколько тысяч строителей получили денежную премию по 150–200 руб. и благодарность за отличную работу[1].

Таким образом, на Курской дуге была создана мощная, глубоко эшелонированная, непреодолимая оборона. Каждый рубеж, каждый населенный пункт превратились в неприступные для противника крепости. Это было достигнуто благодаря большой организаторской работе партийных и советских органов, органов военного управления, высокому моральному духу и мужеству личного состава Вооруженных Сил, патриотизму и трудовой доблести населения.

В результате Курской битвы Вооруженные Силы и жители прифронтовых областей, как вспоминал Маршал Советского Союза Василевский А. М., «...нанесли такое поражение, от которого фашистская Германия уже никогда не смогла оправиться. Были разгромлены 30 ее дивизий, в том числе 7 танковых. Потери немецких сухопутных войск составили более 500 тыс. человек, 1500 танков, 3000 орудий, свыше 3700 боевых самолетов. Стало очевидным, что мощью советского оружия и самоотверженной борьбой советского народа гитлеровская Германия поставлена перед грядущей катастрофой» [1, с. 30].

В современных условиях обращение к героям Отечества и прошлому нашей Великой Родины, как подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин, должно воспитывать общество и сегодня, и завтра[2], и мы об этом не должны забывать!

Литература

1. *Василевский А. М.* Дело всей жизни : в 2 кн. М. : Политиздат, 1989. Кн. 2.
2. *Кабанов П. А.* Стальные перегоны. М. : Воениздат, 1973.
3. *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1981.
4. Курская битва / под ред. И. В. Паротькина. М. : Наука, 1970.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

[1] ГАОПИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1054. Л. 57–58.

[2] Дуга истории (Выступление Президента Российской Федерации в г. Курске на праздновании 75-летия со дня завершения сражения на Курской дуге) [Электронный ресурс]. URL https://rg.ru/gazeta/rg/2018/08/24.html (дата обращения: 10.02.2019).

References

1. Vasilevsky A. M. Lifework : in 2 books. M. : Politizdat, 1989. Book 2. (In rus)
2. Kabanov P. A. Steel stages. M. : Voyenizdat, 1973. (In rus)
3. Kovalev I. V. Transport in the Great Patriotic War (1941–1945). M. : Science, 1981. (In rus)
4. The Kursk fight / under the editorship of I. V. Parotkin. M. : Science, 1970. (In rus)

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-108-114

Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России

Версоцкий Р. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; amg-890@yandex.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы поиска путей использования зарубежного опыта государственного стимулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства в целях возможности его применения в экономической жизни России. В настоящее время для нашей страны важную роль играют углубленное изучение и анализ зарубежного опыта стран с рыночной экономикой. Расширение контактов на всех уровнях государственных учреждений и органов власти, оказывающих поддержку малым и средним предприятиям, значительно расширили представления о том, как поддерживаются малые предприятия за рубежом, какие меры необходимо принять для увеличения доли малых и средних предприятий в ВВП, а также вклада малых и средних предприятий в решение существующих социально-экономических проблем. Многие из них можно успешно разрешить через увеличение количества граждан России, желающих заниматься предпринимательской деятельностью и успешно осуществляющих ее при поддержке государства.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная система стимулирования малого бизнеса, государственная поддержка малого бизнеса, кредитование малого бизнеса

Foreign Experience in Support of Small and Medium-Sized Businesses and the Possibility of its Application in Modern Russia

Roman R. Versockiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; amg-890@yandex.com

ABSTRACT

This article discusses the search for ways to use foreign experience of state incentives and support for small and medium-sized businesses in order to be able to use it in the economic life of Russia. At present, the in-depth study and analysis of foreign experience of countries with market economies play an important role for our country. The expansion of contacts at all levels of government agencies and authorities supporting small and medium-sized enterprises has greatly expanded the understanding of how small enterprises are supported abroad, what measures need to be taken to increase the share of small and medium-sized enterprises in GDP, as well as the contribution of small and medium-sized enterprises to solving existing socio-economic problems. Many of them can be successfully resolved by increasing the number of Russian citizens wishing to engage in business and successfully carrying it out with the support of the state.

Keywords: small and medium entrepreneurship; state system of small business stimulation; state support of small business; crediting of small business

В разработке и реализации программ развития и форм государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в России важную роль играют углубленное изучение и анализ опыта зарубежных стран с рыночной экономикой.

Сегодня контакты на всех уровнях государственных учреждений, оказывающих поддержку малым и средним предприятиям, значительно расширили представления о том, как поддерживать малые предприятия за рубежом, меры по увеличению доли МСП в ВВП и вклад малых и средних предприятий в решение существующих социально-экономических проблем.

В странах с рыночной экономикой поддержка малых и средних предприятий обеспечивается государством в ряде областей [1–4; 6; 9 и др.]. В капиталистических странах нынешнее состояние МСП стало результатом процесса эволюции, который произошел снизу, и лишь относительно недавно государство, сознавая важность и необходимость малых и средних предприятий для развития экономики, приступило к поиску путей воздействия на них с помощью государственной системы стимулирования и поддержки. При этом малые и средние предприятия работают в постоянном взаимодействии с властью на всех уровнях — национальном, региональном и местном [7, с. 280].

Опыт государственной поддержки МСП в Японии, где малые и средние предприятия являются важным элементом экономики, представляет определенный интерес для изучения. Управление всей японской инфраструктурой поддержки и развития МСП осуществляет государственное агентство по малым и средним предприятиям (SMEA), которое осуществляет глобальную стратегию правительства Японии в области МСП. Эта структура активно сотрудничает с рядом крупных частных и государственных организаций, научно-исследовательских центров, среди которых организация по инновациям и развитию МСП в Японии (SMRJ) играет ключевую роль. SMRJ включает в себя четыре технологических парка, бизнес-инкубаторы, девять институтов по совершенствованию технологий и управлению МСП.

Власти Японии уделяют особое внимание созданию благоприятных условий для развития и роста МСП. Япония широко использует систему J-Net21, которая обеспечивает постоянный мониторинг развития и состояния МСП. На основе системных данных проводятся исследования, анализируется и оценивается эффективность всего комплекса мер воздействия и регулирования государства [5].

В правительстве Японии поддержка малого бизнеса обеспечивается через Управление малого бизнеса, которое включено в структуру японского Министерства внешней торговли и промышленности. Органы власти в центре и на местах оказывают всемерное содействие созданию новых и развитию существующих малых и средних предприятий через предоставление кредитов, гарантий по кредитам, помощи в подготовке и переподготовке кадров и обеспечении беспрепятственного доступа к информации, необходимой для ведения хозяйственной деятельности субъектов МСП.

Государственная корпорация развития малого бизнеса в Японии имеет также немаловажную роль в оказании материальной помощи малым и средним предприятиям страны, данная государственная структура предоставляет субъектам малого и среднего предпринимательства долгосрочные (сроком на один год и более) кредиты с целью увеличения оборотного и основного капитала предприятий на льготных условиях. Кредиты на реализацию проектов по разработке новых продуктов и технологий производства, финансируемые местными властями, предоставляются по максимально сниженной процентной ставке. Льготный кредит возможен также при разработке новых технологий производства и опытных образцов оборудования.

Помимо этого, в Японии постоянное внимание уделяется созданию новых МСП для развития экономики отдельных регионов и содействия промышленному и технологическому сотрудничеству между предприятиями.

Деятельность Японской национальной финансовой корпорации ориентирована на кредитование малых и микропредприятий. Используя достаточно широкую сеть торгово-промышленных палат, расположенных по всей стране, ежегодно корпорация выдает кредиты на общую сумму около 500 млрд иен.

Банк Soko-Chukin — специализированное кредитно-финансовое учреждение, созданное японским правительством с целью оказания финансовой помощи кооперативным объединениям малого и среднего бизнеса, а также оказания помощи организациям, созданным такими кооперативами. Государство гарантирует и страхование кредитов, предоставленных малым и средним предприятиям через дополнительную систему государственного кредита.

Финансирование малых и средних предприятий также является важным компонентом финансовой помощи предприятиям, сталкивающимся с финансовыми трудностями из-за неблагоприятных экологических факторов. Кроме того, прослеживается стабильное развитие двустороннего взаимодействия государственной власти с бизнес-структурами. Японский передовой опыт в использовании информационных и коммуникационных систем с целью контроля эффективности мер государственной поддержки малых и средних предприятий может оказаться весьма востребованным и актуальным для России.

На сегодняшний день Япония разработала, внедрила и весьма успешно использует универсальную систему поддержки малого и среднего бизнеса практически на всех уровнях и во всех направлениях.

Интересен и опыт Китая в поддержке малого бизнеса. Активная поддержка и продвижение малого и среднего бизнеса являются одним из приоритетов китайского правительства. В системе управления всеми малыми и средними предприятиями в Китае уже давно практикуется «коллективное управление», когда практически нет единого центра управления, но созданы отраслевые органы управления, и существует специальный орган для согласования возможностей выхода на зарубежные рынки китайских малых и средних предприятий — Координационный центр по внешнему сотрудничеству малых и средних предприятий в Китае.

Кроме того, работает общественная информационная служба China SME Online (CSMEO), которая ведет свою деятельность во всех регионах КНР, ежедневно к ее услугам прибегают более 200 000 клиентов. Информационная сеть CSMEO создана для предоставления своим пользователям самой актуальной на текущий момент времени информации о текущих изменениях и тенденциях в действующих правилах, появлении новых регулирующих документов, требуемых объемах поставок и спросе на зарубежных и местных рынках. В сети отображается самая полная и актуальная информация о состоянии рынка продукции малого бизнеса, характеристиках самых качественных продуктов, производимых сегментом МСП.

CSMEO сообщает о вакансиях на предприятиях малого и среднего бизнеса в разных регионах и городах страны. Сеть собирает и предоставляет информацию работодателям о лицах, ищущих работу, проводит консультации предпринимателей, предоставляет обширный перечень технических и образовательных услуг.

После реформ государственных учреждений в рамках торгово-экономического комитета правительства КНР был сформирован департамент малого и среднего бизнеса. Его основные функции заключаются в следующем: руководство реформой и реструктуризацией этих предприятий; разработка политики поддержки этих предприятий; поощрение создания системы обслуживания для них; координация международного сотрудничества между малыми и средними предприятиями. В 2000 г. Национальный комитет по торговле и экономике учредил китайскую рабочую группу по содействию развитию малых и средних предприятий. В его состав входят 12 финансовых, научно-технических, банковских и других учреждений.

Китайским правительством разработан «Закон о содействии малым и средним предприятиям». В нем четко определяется защита законных прав и интересов малых и средних предприятий и делается упор на улучшение среды их функционирования. Одним из основных положений закона является то, что государственный бюджет включает статью о малых и средних предприятиях и создает специальный фонд для

их развития за счет средств государственного бюджета. Закон также содержит четкие указания для формирования органов управления малого и среднего бизнеса, по кредитным гарантиям, созданию системы социального обслуживания.

Правительство рассматривает вопрос о подготовке кадров различных категорий. Это долгосрочная стратегическая цель развития малого и среднего бизнеса, которая потребует многочисленных форм помощи государства.

Во-первых, на основе существующих учреждений по подготовке кадров в области экономики, а также специализированных учреждений по подготовке управленческих кадров, в приоритетном порядке следует проводить подготовку кадров для малых и средних предприятий. В то же время важно обеспечить и льготы по оплате такого обучения.

Во-вторых, уделяя особое внимание подготовке инструкторов по подготовке персонала малых и средних предприятий, необходимо постепенно подготовить высококвалифицированный преподавательский состав, отвечающий текущим потребностям малых и средних предприятий. Важно также поощрять развитие малых и средних предприятий в области создания ими собственной системы подготовки необходимых кадров.

В-третьих, необходимо создать учебные центры и разработать рекомендации для управленческого персонала малого и среднего бизнеса, сформировать для них рынок специалистов. Эти меры должны быть направлены на предоставление предприятиям квалифицированного персонала на любых уровнях.

Правительство КНР поощряет и поддерживает развитие системы технических инноваций на всех предприятиях. Чтобы стимулировать внедрение достижений науки и техники в производство и создать механизм развития технологий персоналом предприятий, государство полагает, что наука и техника должны рассматриваться как «общий вклад».

Параллельно с реформой налоговой системы китайское правительство рассматривает вопрос о включении статьи расходов бюджета КНР на развитие малого и среднего бизнеса и создании специального фонда для развития науки и техники. Кроме того, руководители всех уровней с учетом сложившейся ситуации обязаны создавать специальные фонды для поддержки малого и среднего бизнеса. Правительство КНР приняло ряд мер по расширению финансовой поддержки малых и средних предприятий. Усовершенствована система движения капитала малых и средних предприятий. По требованию правительства в государственных коммерческих банках Китая были основаны подразделения коммерческих банков по кредитованию предприятий малого и среднего бизнеса.

Государственные банки, опираясь на достаточно широкую сеть коммерческих банков, существенно увеличили объем кредитования малого и среднего бизнеса. Коммерческие банки Китая сегодня становятся главными кредитными учреждениями, предоставляющими заемные средства малым и средним предприятиям. При этом правительство КНР стало стимулировать развитие малых и средних финансовых и кредитных организаций.

При участии существующих в КНР поручительских организаций бремя кредитных рисков сводится к минимуму и распределяется между участниками. Процедура и условия получения кредитов, обеспеченных поручителями, существенно упрощены, количество контрольных инстанций и согласований сокращено до минимума. Улучшаются качество и объем финансовых услуг, оказываемых малым и средним предприятиям, постепенно расширяются каналы оборота капитала МСП[1].

[1] Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом: роль и место в экономике [Электронный ресурс]. Москва, 2010. URL: http://www.ruaee.ru/datas/menu/final-report-mid-sized_businesses_-russia-abroad-281010.pdf (дата обращения: 21.02.2019).

Опыт Китая в создании и совершенствовании системы поддержки малого и среднего предпринимательства, несомненно, будет полезен при развитии системы государственной поддержки и регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства в России.

Следует также учитывать примеры Франции и Германии как ведущих европейских стран.

Во Франции, как и во многих других капиталистических странах, ведут активную деятельность организации, деятельность которых напрямую связана с поддержкой малого и среднего бизнеса. Одной из них является Агентство по предпринимательству (APCE), созданное при поддержке Правительства Франции. Агентство предлагает большое количество инструментов поддержки малого и среднего бизнеса. Одним из значимых факторов является возможность получения онлайн-консультаций по предпринимательству: предприниматель может связаться с банками по вопросам кредита, проконсультироваться со страховыми компаниями, а также найти бухгалтера. Тут же возможно интерактивное заполнение онлайн-форм документов, необходимых для регистрации предприятия, внесения изменений в устав или прекращения хозяйственной деятельности.

Во Франции функционирует и структура, деятельность которой связана с финансированием деятельности МСП — государственная организация OSEO. Посредством данной организации Правительство Франции финансирует малые инновационные проекты. Организация выступает гарантом и поручителем по кредитам, выданным малым и средним предприятиям банками-партнерами.

Особое внимание стоит уделить программе NACRE, учрежденной Министерством экономики, промышленности и занятости. Программа предоставляет беспроцентные кредиты и экспертную поддержку определенным проектам. В основном, это социальные проекты, направленные на создание или восстановление компаний в течение первых трех лет после начала их деятельности.

Правительство страны также предоставляет возможность упрощенной регистрации предпринимателя с присвоением ему статуса самозанятого. Следует сказать, что во Франции особое внимание уделяется безработным, пожелавшим открыть свое дело. Существует особая система поддержки, главным принципом которой является освобождение нового предпринимателя от всех видов налогов на три года, а также на год от выплат в социальные фонды. Кроме того, предприниматели во Франции, открывшие свой новый бизнес в слаборазвитых с точки зрения экономики районах страны, получают особую льготу от государства в виде полного освобождения от выплат в фонды социальной защиты.

В Германии все начинающие предприниматели имеют возможность получить льготные кредиты от государства в размере 50 тыс. евро со сроком погашения в течение 20 лет. Инновационная и научная деятельность очень активно поддерживается государством, за осуществление такой деятельности государство компенсирует расходы субъектам МСП в сумме до 40 тыс. евро. Коммерческое сотрудничество между МСП и высшими учебными заведениями неуклонно развивается. Сегодня в Германии более 80% выпускников начинают свою профессиональную деятельность на малых предприятиях.

Из-за различных льгот для МСП, низкой арендной платы за них крупные немецкие компании часто делятся на несколько частей, так как в этом случае происходит значительное снижение затрат, а мелкие компоненты крупных компаний становятся чрезвычайно привлекательными для иностранных инвесторов, объем инвестиций которых достигает около 0,25 трлн евро в год[1].

В настоящее время наиболее эффективно государственная поддержка предприятий малого и среднего бизнеса осуществляется в США при непосредствен-

[1] Растущий малый и средний бизнес в России и за рубежом…

ном участии Администрации малого бизнеса при Президенте США (Small Business Administration — SBA), созданной в 1953 г. SBA решает следующие основные задачи: оказывает финансовую поддержку малым предприятиям; осуществляет содействие в получении государственных заказов; проводит экспертизу новых предпринимательских идей; предоставляет консалтинговые услуги в области управления и техническую помощь [8].

Кредитование малого бизнеса в США происходит из двух источников: Администрации малого бизнеса и коммерческих банков. Наибольшая доля кредитов предоставляется администрацией малого бизнеса.

В начале 1990-х гг. в США миллионы малых предприятий получили налоговые льготы. Более 36 млн американцев работают на предприятиях с численностью менее 100 человек. Правительство уделяет большое внимание созданию рабочих мест на малых предприятиях. Был принят ряд мер по поддержке малого бизнеса, включая налоговые и законодательные льготы. К числу наиболее важных мер, предложенных и осуществленных, относятся[1]:

- снижение инвестиционного налога (сокращение на 7% для компаний, годовой объем продаж которых не превышает 5 млн долл. в течение трех лет, предшествующих году уплаты налогов);
- освобождение от налога на увеличение рыночной стоимости капитала (сокращение налога на продажу капитала компании, которая существует не менее 5 лет на 50%, с капиталом не более 50 млн долл.);
- медицинское страхование для самозанятых (сокращение на 25% страхового взноса для самозанятых и их иждивенцев);
- создание «зон предпринимательства»;
- облегчение процедуры получения кредитов малыми предприятиями в рамках предоставления и оформления документации.

Многие страны, включая Японию, успешно применяют опыт США. Конечно, полностью скопировать всю американскую систему невозможно, и это необязательно, но некоторые аспекты нужно изучать с особым вниманием и внедрять в российскую практику как можно быстрее.

Немаловажное значение имеет привлечение иностранных инвестиций, использование опыта зарубежных менеджеров. России в настоящее время совершенно необходимо активно развивать малый и средний бизнес, существенно увеличивая его долю в ВВП. Конечно, опыт зарубежных стран и его использование имеют большое значение для России, особенно в том, что касается разработки долгосрочной стратегии развития и поддержки малого и среднего бизнеса. Изучение и применение этого опыта в значительной степени способствовало бы правовой, организационной и институциональной разработке российской государственной системы поддержки и регулирования малого и среднего бизнеса как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Литература

1. *Авилова А. В.* Малое предпринимательство в контексте Российских реформ и мировой опыт : учебник. М. : ЮНИТИ, 2005.
2. *Баяндин Н. И.* Мониторинговая система ведения конкурентной разведки для предприятий малого бизнеса / Н. И. Баяндин, В. С. Кретов // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 25–28.
3. *Босчаева З. Н.* Формула малого предпринимательства как основы развития регионов. М. : Экономика, 2012.

[1] Малый бизнес: зарубежный опыт [Электронный ресурс]. URL: http://www.mispnsk.ru/articles.html?id=45 (дата обращения: 21.02.2019).

4. *Герчикова И.* Государственное содействие развитию предпринимательской деятельности в Бельгии // Маркетинг. 1999. № 2. С. 91–98; № 3. С. 93–103; № 4. С. 91–99; № 6. С. 107–113; 2000. № 1. С. 84–92.
5. *Иванов О.* Информационное обеспечение предпринимательской деятельности: японский опыт // Маркетинг. 1999. № 1. С. 79–94.
6. *Кондраков Н. П.* Основы малого и среднего предпринимательства : Практическое пособие / Н. П. Кондраков, И. Н. Кондраков. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2013.
7. *Куприн А. А.* Формирование и роль малого предпринимательства в трансформируемой экономике России : монография / Сосновоборский филиал РАНХиГС. СПб. : Астерион, 2013.
8. *Уолтерс Дж. С.* Качественная эволюция малого бизнеса. 4 ключа к успеху без необходимости расширения компании. М. : Баланс Бизнес Букс, 2018.
9. *Широков Б. М.* Малый бизнес. Финансовая среда предпринимательства. М. : Финансы и статистика, 2017.

Об авторе:
Версоцкий Роман Реонадович, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); amg-890@yandex.com

References

1. Avilova A. V. Small business in the context of the Russian reforms and international experience : textbook. M. : UNITY, 2005. (In rus)
2. Bayandin N. I. The monitoring system of conducting competitive investigation for small business enterprises / N. I. Bayandin, V. S. Kretov // Humanities in Siberia [Gumanitarnye nauki v Sibiri]. 2013. N 1. P. 25–28. (In rus)
3. Boschayeva Z. N. Formula of small business as bases of development of regions. M. : Economy, 2012. (In rus)
4. Gerchikova I. State assistance to development of business activity in Belgium // Marketing. 1999. N 2. P. 91–98; N 3. P. 93–103; N 4. P. 91–99; N 6. P. 107–113; 2000. N 1. P. 84–92. (In rus)
5. Ivanov O. Information support of business activity: Japanese experience // Marketing. 1999. N 1. P. 79–94. (In rus)
6. Kondrakov N. P. Bases of small and average business: Practical tutorial / N. P. Kondrakov, I. N. Kondrakov. M. : Research Center INFRA-M, 2013. (In rus)
7. Kuprin A. A. Formation and a role of small business in the transformed economy of Russia: monograph / Sosnovy bor branch RANEPA . SPb. : Asterion, 2013. (In rus)
8. Walters J. S. Big Vision, Small Business: 4 Keys to Success wihout Growing Big. M. : Balance Business Books, 2018. (In rus)
9. Shirokov B. M. Small business. Financial environment of business. M. : Finance and statistics, 2017. (In rus)

About the author:
Roman R. Versockiy, Senior lector of the Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); amg-890@yandex.com

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-115-121

Евразийская стратегия в политике современной России

Саблина Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; sablina-yuv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье рассматривается стратегия России в международном сотрудничестве на Евразийском континенте, через участие в ЕАЭС. Выявлены основные проблемы интеграции внутри ЕАЭС. Рассматриваются интеграционные процессы на Евразийском континенте и положение России в складывающейся региональной борьбе за доминирование над Евразией в третьем тысячелетии. Показано, что посредством многосторонних объединений Россия планирует укреплять свою роль в Евразийской интеграции.

Ключевые слова: Россия, международные экономические организации, внешняя политика, стратегическое присутствие, экономическая интеграция, Евразийская стратегия, ЕАЭС, Евразийский экономический союз

Eurasian Strategy in the Politics of Modern Russia

Yulia V. Sablina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; sablina-yuv@ranepa.ru

ABSTRACT

This article discusses the strategy of Russia in international cooperation on the Eurasian continent, through participation in the EAEU. The main problems of integration within the EAEU are identified. Integration processes on the Eurasian continent and Russia's position in the emerging regional struggle for dominance over Eurasia in the third Millennium are considered. It is shown that through multilateral associations Russia plans to strengthen its role in Eurasian integration.

Keywords: Russia, international economic organizations, foreign policy, strategic presence, economic integration, Eurasian strategy, EAEU, Eurasian economic Union

Стратегическое присутствие в международных экономических организациях является инструментом внешней политики Российской Федерации. Интеграционные движения в Евразии являются ключевыми в развитии современного мира, поскольку аналогичные процессы в других регионах не приобрели столь же масштабного характера.

В процентном соотношении: 31% мировых запасов природного газа, 17% нефти, 23% железной руды, 14% золота и 7% меди приходится на долю Евразии. Одним из первых ученых, который выступал основоположником «теории евразийства», был британец Х. Маккиндер, определивший территорию Евразии, как центр мира, а ее «сердцем» он считал Россию [3, с. 106].

По геополитическим показателям Российская Федерация претендует быть «heartland», в силу огромной территории на материке. Находясь между Европой и Азией, Россия в геополитическом плане обладает реальной возможностью быть на лидерских позициях во многих региональных организациях: с Европой — ОБСЕ, с Азией — ШОС, БРИКС, со странами Персидского залива в качестве члена ОПЕК+ и т. д. [5, с. 60].

Российская Федерация принимает участие в таких интеграционных объединениях, как: Евразийский экономический союз (ЕАЭС); Содружество Независимых Государств (СНГ); Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС); Всемирная торговая организация (ВТО); БРИКС; и др.

Неудивительно, что они рассматриваются зарубежными исследователями как дополнительные инструменты, используемые именно Россией для продвижения своих глобальных устремлений [7; 8, с. 36]. На современном этапе развития мировой экономики страны мирового сообщества, в том числе и Россия, задействованы в процессах экономической интеграции.

Евразийский союз пока остановился на начальной стадии экономической интеграции. Дальнейшее сближение зависит от многих факторов как международной, так и внутренней политики стран, входящих в Евразийский экономический союз. К сожалению, пока внешнеполитические события не способствуют скорейшей интеграции.

Тесные экономические и культурные связи с Россией, которая является самым крупным государством в Евразии, позволили достаточно успешно развиваться евразийским народам. Когда на постсоветском пространстве образовались независимые государства, возникла экономическая потребность в более тесной интеграции. И страны постсоветского пространства, которые не имеют исторического и политического антагонизма друг к другу, начали движение в сторону экономического союза [6, с. 130].

Первым предложил подумать о новом объединении президент Казахстана Н. А. Назарбаев в 1994 г. По договору о Евразийском союзе предполагалось, что в него первоначально войдут пять республик — Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Но страны были заняты своими внутренними проблемами, и только в 2001 г. был подписан документ об образовании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Как и надеялись, это первый шаг к созданию Евразийского союза. Организация занялась вопросами интеграции и выработкой условий для создания единого экономического пространства [11, с. 74].

Первым значительным успехом на пути интеграции было создание Таможенного союза и принятие Единого таможенного кодекса, который может быть в дальнейшем стать основой для выработки таможенного кодекса Евразийского союза. Единое таможенное пространство заработало в 2010 г. [23, с. 409].

Значительно упростились процедуры для экспортно-импортных операций, стали применяться общие правила прохождения таможни, единые таможенные тарифы и меры регулирования при торговле со странами, не входящими в таможенное пространство. Теперь при въезде из одной страны в другую не нужно было декларировать имущество, например, при въезде из Казахстана в Россию на автомобиле уже не требовалось заполнять декларации на границе между странами.

В 2018 г. заработал Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, который еще больше оптимизировал таможенные процедуры, снизил участие человека в оформлении документов.

В 2014 г. Россией, Беларусью и Казахстаном был подписан договор об образовании Евразийского экономического союза, который учитывал накопленный интеграционный опыт в едином экономическом сообществе. В 2015 г. к союзу присоединились Армения и Киргизия.

Единое экономическое пространство гарантирует свободное перемещение товаров и услуг, граждан и капитала. Кроме того, страны договорились координировать политику в ключевых отраслях: энергетике, промышленности, транспорте и сельском хозяйстве. Евразийский экономический союз часто называют Евразийский союз, что не совсем верно. В то же время есть заявления официальных лиц

Беларуси и Казахстана о том, что даже при дальнейшей интеграции некоторых атрибутов единого государства, например наднационального парламента, единой валюты не будет [19, с. 54].

За годы евразийской интеграции был выработан формат равноправного сотрудничества, учитывающий интересы стран вне зависимости от их экономического и политического веса. Высшим органом ЕАЭС является Высший совет Евразийского экономического союза, в который входят все президенты стран-участниц. Управляет оперативной деятельностью Евразийский межправительственный экономический совет. Постоянно действующим органом оперативного управления является Евразийская экономическая комиссия, которая вырабатывает предложения по различным направлениям деятельности, в том числе антимонопольной политике, налоговому и таможенному законодательствам. В комиссии работают, в соответствии с выделенными квотами, граждане всех союзных государств [4, с. 108].

С Китаем практически подготовлены документы по координации условий работы ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

Евразийский союз, пусть пока только экономический, уже дал определенные преимущества, связанные со свободным перемещением товаров и услуг, трудовых ресурсов и капитала внутри единого экономического пространства. Общий рынок с более 182 млн человек дает лучшие возможности для ведения бизнеса. Трудовые мигранты приравнены в правах на всей территории союза. Повышение конкуренции за счет снятия барьеров для компаний из стран евразийского пространства дает доступ потребителям к более качественным товарам. Однако осталось еще много вопросов, которые необходимо согласовать, чтобы союз полноценно заработал. В первую очередь в области финансовой политики и торговли энергоносителями. ЕАЭС ждет долгий путь к Евразийскому союзу [21, с. 37].

Таким образом, Евразийский экономический союз, созданный как геополитический проект, подразумевает восстановление пространства лояльно настроенных друг к другу стран, консолидацию усилий перед лицом новейших угроз, укрепление общей оборонной и энергетической безопасности, формирование многополярного мира.

На рынках ЕАЭС Россия рассчитывает на создание приемлемой правовой среды и совместимых стандартов; на сохранение лидерства на региональном рынке транспортных и космических услуг, энергетики, оборонной промышленности; на формирование новых торговых и инвестиционных потоков, производственно-сбытовых цепочек; на активизацию процессов концентрации и межфирменной кооперации [16; 17, с. 388; 18].

Из всех интеграционных образований трансрегиональный евразийский проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), предложенный Китаем в рамках концепции «Один пояс — один путь», является наиболее значимым для судьбы Евразийского континента в целом и для российских регионов от Охотского моря до Балтийского, в частности.

Реализация этих и других проектов может стать ключевым стимулятором роста не только для экономики РФ, но и для стран Центральной Азии [1; 2, с. 51].

По словам некоторых китайских политологов, Россия является «ключевым государством» для успешной реализации всего проекта ЭПШП. Однако развитию двустороннего сотрудничества, в том числе выстраиванию оптимальных логистических маршрутов и реализации ЭПШП в целом, препятствуют финансовые возможности РФ, а также особенности ее экономической системы и «охранительное» отношение России к Центральной Азии в геополитике и геоэкономике. К тому же нехватка инвестиций в России и колебания ее экономики вызывают беспокойство в Китае: по мнению китайских аналитиков экономическая ситуация в России продолжает ухудшаться [20, с. 3].

От способности России своевременно изыскать средства будут зависеть ее позиции в ЭПШП. Следует учитывать и возможную конкуренцию. Уже сегодня партнерами России по ЕАЭС готовятся различные двусторонние соглашения, обеспечивающие либерализацию торговли и инвестиций по отдельным проектам и направлениям. Китай вкладывает крупные средства в модернизацию транспортно-перевалочного комплекса в Белоруссии, который будет обеспечивать короткий выход в Центральную и Восточную Европу.

Наблюдается активное развитие сотрудничества Китая с Казахстаном, где китайские инвестиции намного опережают инвестиции из России. Предлагает свои услуги по транзиту китайских грузов в Европу и Украина.

Современная практика показывает, что в интеграционных процессах наибольший выигрыш получает тот, кто играет на опережение [22, с. 1223].

Одной из главных проблем для большинства стран — участниц ЕАЭС, в первую очередь для России, на сегодняшний день остается зависимость государственной экономики от экспорта энергоносителей и слабая степень диверсификации экономик.

Разнонаправленность тактик и стратегических инициатив не дает на сегодняшний день ускорить процесс повышения конкурентоспособности производимых интеграцией товаров. Еще один фактор, препятствующий повышению качества и конкурентоспособности товаров, производимых в ЕАЭС, являются современные кризисные цены на энергоносители и девальвации национальных валют. Кроме того, не менее важной проблемой Евразийской экономической интеграции является сохранение нетарифных барьеров внутри единой таможенной территории [12–13; 14, с. 395; 15].

Иначе говоря, государства — члены ЕАЭС на сегодняшний день в большинстве случаев стремятся использовать экономическую интеграцию для достижения собственных экономических целей, а не для одновременного развития экономик союзных стран. В случае сохранения доминирующего на данном этапе развития ЕАЭС подхода стран к интеграции и интересам партнеров в планировании своей хозяйственной деятельности ожидать резкого улучшения ситуации не приходится.

Все большее внимание российского экспертного сообщества приковывает санкционный режим, который, хоть и увеличил потенциал импортозамещения, однако уменьшил другие ожидаемые выгоды от интеграции, а также привел к некоторому разладу в ЕАЭС, так как ни Беларусь, ни Казахстан не поддержали российские контрсанкции.

Для дальнейшего углубления интеграции необходим существенный упор на открытость проекта и взаимодействие с внешними игроками. Отсюда следует ключевое значение для обеспечения дальнейшего развития Союза, которое отведено в приоритетах российского председательства налаживанию более тесного сотрудничества с иностранными партнерами.

О необходимости поиска новой парадигмы развития Союза открыто говорят «мозговые центры» в России в год ее председательства в ЕАЭС. Они свидетельствуют о продолжающейся фазе формирования евразийской интеграционной модели.

Участие в ЕАЭС открывает для России серьезные экономические и политические перспективы. Используя свои связи с ближайшими соседями, страна получит возможность развивать сельское хозяйство в Сибири, территорию Южной Якутии, создавать новую инфраструктуру Северного морского пути, развивать собственную и межгосударственную железнодорожную сеть.

В перспективе интеграционное развитие Евразийского экономического союза будет в значительной степени зависеть от формирования партнерских отношений с государствами на постсоветском пространстве. Конечно, необходимо поддержи-

вать и способствовать развитию усилия по последующему полному и всестороннему использованию в априори близости государств [9; 10, с. 5].

Таким образом, можно сделать вывод, что ЕАЭС действительно является экономически важным и выгодным союзом для России с перспективами на дальнейшее развитие и сотрудничество. России, безусловно, выгодно участие в крупнейших интеграционных проектах, так как они позволяют восстановить взаимодействие с государствами постсоветского пространства для решения комплекса задач — производственно-экономических, торговых, проблем безопасности и сохранения культурных связей. Кроме того, налаживая сотрудничество с одними государствами евразийского пространства, удобно совместно решать задачи взаимодействия с другими заинтересованными странами, взаимно укрепляя разнообразные международные структуры, благодаря которым возможно создавать дискуссионные площадки и решать задачи безопасности.

Литература

1. *Авилова А. А.* Что влияет на отношение ЕС к Евразийскому экономическому союзу? / А. А. Авилова, Ю. Р. Шумай // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 2. С. 649–652.
2. *Акинова А. А.* Перспективы развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Электронный ресурс] // Студенческий форум : электрон. научн. журн. 2017. № 17. URL: https://nauchforum.ru/journal/stud/17/26738
3. *Гайкин В. А.* Россия — Евразийский союз — унипланетное сообщество // Экономика. Общество. Человек. 2017. С. 106–117.
4. *Гильязов А. Н.* Евразийская интеграция в контексте стратегических интересов России // Международная и региональная интеграции: перспективы и вызовы. М., 2017. С. 108.
5. *Дубинин М. В.* Влияние Евразийского экономического союза на развитие национальной экономики России // Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты. 2017. С. 60–64.
6. *Жаксылылкова Г. Н.* Евразийский экономический союз и геополитические интересы России // Актуальные вопросы права, экономики и управления / Отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза, 2018. С. 130–133.
7. *Зеленева И. В.* Идеология Евразийской интеграции / И. В. Зеленева, В. Д. Агеева // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 8. С. 736–745.
8. *Зеленева И. В.* Политическое будущее евразийской интеграции / И. В. Зеленева, В. Д. Агеева // Диалог: политика, право, экономика. 2016. № 2. С. 36–44.
9. *Зиядуллаев Н. С.* От СНГ к Евразийскому экономическому союзу: дезинтеграция и реинтеграция / Н. С. Зиядуллаев, С. Н. Зиядуллаев // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 2. С. 8–17.
10. *Зиядуллаев Н. С.* Евразийский экономический союз: стратегирование развития и глобальные вызовы / Н. С. Зиядуллаев, С. Н. Зиядуллаев // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 2. С. 5–19.
11. *Иваненко И. А.* Особенности и перспективы участия России в Евразийском экономическом союзе / И. А. Иваненко, Р. Э. Теификов // Развитие методологии современной экономической науки и менеджмента / Науч. ред. Т. А. Кокодей, отв. ред. Т. И. Ломаченко. Севастополь, 2018. С. 74–77.
12. *Иванов О. П.* Россия и евразийские процессы в условиях растущей конфликтности // Трансформация международных отношений в XXI веке. М., 2017. С. 138–145.
13. *Киселев С. Г.* Россия в Евразийском пространстве: геополитический и геоцивилизационный аспекты // Россия и евразийское пространство: векторы развития: коллективная монография. М., 2017. С. 30–38.
14. *Крутько А. А.* Стратегическое присутствие России на Евразийском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4. С. 395–406.
15. *Никитенко А. И.* Европейским союз и Евразийский экономический союз на пространстве СНГ: содержание конкурентной борьбы // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 6. С. 128–139.
16. *Папцов А. Г.* Евразийская интеграция в условиях импортозамещения / А. Г. Папцов, Л. Г. Ахметшина, И. С. Глотова // Агропродовольственная политика России. 2016. № 8. С. 2–6.

17. *Потапенко А. В.* Россия в условиях евразийской интеграции // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной гиперконкуренции. СПб., 2017. С. 388–393.
18. *Сейфуллаева М. Э.* Маркетинг в формировании интеграционных связей России с Евразийским экономическим союзом / М. Э. Сейфуллаева, С. В. Панасенко, И. П. Широченская, Д. Р. Евсеева // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2. С. 184–189.
19. *Селищева Т. А.* Российская экономика в условиях евразийской интеграции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3. № 3. С. 54–60.
20. *Сяньцзюй В.* Отношение России к интеграции стратегий строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса шелкового пути // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2018. № 28. С. 3.
21. *Тагиров Э. Р.* Евразия в горячей повестке современности // Проблемы современной экономики. 2017. № 2. С. 37–39.
22. *Цой А. В.* Проблемы развития Евразийского экономического союза // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1223–1234.
23. *Чубукова Н. О.* Основные проблемы и перспективы сотрудничества России в рамках евразийского экономического союза: нужен ли России этот договор? / Н. О. Чубукова, Е. В. Шавина // Новые вызовы и перспективы развития российской экономики. Казань, 2017. С. 409–412.

Об авторе:
Саблина Юлия Валерьевна, ведущий специалист факультета экономики и финансов, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sablina-yuv@ranepa.ru

References

1. Avilova A. A. What influences the relation of the EU to the Eurasian Economic Union? / A. A. Avilova, Yu. R. Shumay // Avenue of science [Alleya nauki]. 2018. V. 2. N 2. P. 649–652. (In rus)
2. Akinova A. A. Prospects of development of the Eurasian Economic Union (EEU) [Electronic resource] // Student's forum: el. scientific journal [Studencheskii forum : elektron. nauchn. zhurn.], 2017. N 17. URL: https: // nauchforum.ru/journal/stud/17/26738 (In rus)
3. Gaykin V. A. Russia — the Eurasian Union — uniplanetary community // Economy. Society. Person [Ekonomika. Obshchestvo. Chelovek]. 2017. P. 106–117. (In rus)
4. Gilyazov A. N. The Eurasian integration in the context of the strategic interests of Russia // International and regional integration: prospects and calls. M., 2017. P. 108. (In rus)
5. Dubinin M. V. Influence of the Eurasian Economic Union on development of national economy of Russia // Trends and problems in economy of Russia: theoretical and practical aspects. 2017. P. 60–64. (In rus)
6. Zhaksylylkova G. N. Eurasian Economic Union and geopolitical interests of Russia // Topical issues of the law, economy and management / Ex. edition G.Yu. Gulyaev. Penza, 2018. P. 130–133. (In rus)
7. Zeleneva I. V. Ideology of the Eurasian integration / I. V. Zeleneva, V. D. Ageeva // Post-Soviet researches [Postsovetskie issledovaniya]. 2018. V. 1. N 8. P. 736–745. (In rus)
8. Zeleneva I. V. Political future of the Eurasian integration / I. V. Zeleneva, V. D. Ageeva // Dialogue: policy, law, economy [Dialog: politika, pravo, ekonomika]. 2016. N 2. P. 36–44. (In rus)
9. Ziyadullayev N. S. From the CIS to the Eurasian Economic Union: disintegration and reintegration / N. S. Ziyadullayev, S. N. Ziyadullayev // Problems of the theory and practice of management [Problemy teorii i praktiki upravleniya]. 2017. N 2. P. 8–17. (In rus)
10. Ziyadullayev N. S. Eurasian Economic Union: strategizing of development and global challenges / N. S. Ziyadullayev, S. N. Ziyadullayev // Scientific review. Series 1: Economy and law [Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo]. 2016. N 2. P. 5–19. (In rus)
11. Ivanenko I. A. Features and prospects of participation of Russia in the Eurasian Economic Union / I. A. Ivanenko, R. E. Teifikov // Development of methodology of modern economic science and management / Scientiic edition of T. A. Kokodey, ex. edition of T. I. Lomachenko. Sevastopol, 2018. P. 74–77. (In rus)
12. Ivanov O. P. Russia and the Eurasian processes in the conditions of the growing conflictness // Transformation of the international relations in the 21st century. M., 2017. P. 138–145. (In rus)

13. Kiselev S. G. Russia in the Eurasian space: geopolitical and geocivilization aspects // Russia and Eurasian space: development vectors: collective monograph. M., 2017. P. 30–38. (In rus)
14. Krutko A. A. Strategic presence of Russia on the Eurasian space // Questions of the national and federal relations [Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii]. 2018. V. 8. N 4. P. 395–406. (In rus)
15. Nikitenko A. I. European Union and the Eurasian Economic Union on space of the CIS: content of competition // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2018. V. 13. N 6. P. 128–139. (In rus)
16. Paptsov A. G. The Eurasian integration in the conditions of import substitution / A. G. Paptsov, L. G. Akhmetshin, I. S. Glotov // Agrofood policy of Russia [Agroprodovol'stvennaya politika Rossii]. 2016. N 8. P. 2–6. (In rus)
17. Potapenko A. V. Russia in the conditions of the Eurasian integration // State and the market: mechanisms and institutes of the Eurasian integration in the conditions of strengthening of global hyper competition. SPb., 2017. P. 388–393. (In rus)
18. Seyfullaeva M. E. Marketing in formation of integration communications of Russia with the Eurasian Economic Union / M. E. Seyfullaeva, S. V. Panasenko, I. P. Shirochenskaya, D. R. Evseeva // Plekhanov scientific bulletin [Plekhanovskii nauchnyi byulleten']. 2017. N 2. P. 184–189. (In rus)
19. Selishcheva T. A. The Russian economy in the conditions of the Eurasian integration // Economy and management: problems, decisions [Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya]. 2018. V. 3. N 3. P. 54–60. (In rus)
20. Xianju W. Russia's attitude toward integration, strategies for the construction of the Eurasian economic union and the economic belt of the Silk Road // Messenger of the East Siberian Open Academy [Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii]. 2018. N 28. P. 3. (In rus)
21. Tagirov E. R. Eurasia in the hot agenda of the present // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2017. N 2. P. 37–39. (In rus)
22. Tsoi A. V. Problems of development of the Eurasian Economic Union // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2018. V. 16. N 7. P. 1223–1234. (In rus)
23. Chubukova N. O. The main problems and the prospects of cooperation of Russia within the Eurasian Economic Union: whether this contract is necessary to Russia? / N. O. Chubukova, E. V. Shavina // New calls and prospects of development of the Russian economy. Kazan, 2017. P. 409–412. (In rus)

About the author:

Yulia V. Sablina, Leading specialist of the Faculty of Economy and Finance, Graduate Student of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); sablina-yuv@ranepa.ru

DOI 10.22394/1726-1139-2019-7-122-127

Новая капитальная монография о российском пограничье

(рецензия на книгу «Российское пограничье: вызовы соседства»)

The New Seminal Monograph on the Russian Border Zone (the Review of the Book “The Russian Border Zone: Neighbourhood Calls”)

Российское пограничье: вызовы соседства // под ред. В. А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И. И., 2018. 562 с. + 32 с. ил.

ISBN 978-5-94101-325-8

Анализировать работы, посвященные приграничному сотрудничеству и проблематике границ в целом, достаточно сложно, что объясняется объективными факторами, а не позициями конкретных ученых, авторов и рецензентов. Объективная сложность связана с тем, что граница и приграничное сотрудничество как объект и предмет исследования привлекательны и для географов, и для экономистов, и для политологов.

Вторая проблема заключается в том, что исследования государственных границ или соотношение государственных и этнических, государственных и экономических границ неизбежно несут в себе дань времени. Работы начала 1990-х сегодня могут поражать оптимизмом, но впоследствии и выверенный, казалось бы, реализм современных оценок сможет вызвать улыбку в случае кардинальных изменений и улучшений в системе международных отношений в целом.

В девяностые годы мы находились в плену уверенности в том, что социально-экономические и политические процессы в России достаточно быстро приведут к использованию практик. Однако выяснилось, что сами европейские практики существенно изменились. Мы говорили о том, что контактная функция границы будет все больше преобладать над барьерной, но сегодня это не очевидно. Более того, жесткие теоретические и практические подходы к определению режима и функций границы как рубежа безопасности на новом уровне осмысления вернулись к нам на условный «Восток» со столь же условного «Запада».

Третья сложность заключается в том, что соотношение между барьерной и контактной функциями отличается от диады (пары) границ к диаде, что сильно затрудняет, а может быть и делает невозможным применение общих шаблонов к анализу проблематики соседства, выявлению общих тенденций пограничного сотрудничества. Россия граничит по суше с 16 странами. Число соседей у нашей страны — больше, чем у любой другой страны в мире. Трансграничные взаимодействия на каждом участке зависят от становления и истории современной границы, состава населения и культурных особенностей, состояния экономики соседних регионов и стран в целом, геополитической обстановки и многих других факторов.

Четвертая проблема — огромная протяженность российских границ. Даже специалисты, годами, а то и десятилетиями, занимающиеся исследованием приграничного сотрудничества, не могут претендовать на доскональное знание каждой диады границ.

Приведем конкретный пример. Один из авторов данной рецензии принимал непосредственное участие в советско-эстонских, российско-эстонских государственных и ведомственных переговорах, работал в качестве эксперта при подготовке технического договора к межгосударственному соглашению о государственных границах России и Эстонии. Это привело к формированию академического интереса и защите в 2003 г. докторской диссертации по рассматриваемой проблематике. Однако претензия одного из авторов данной рецензии на исчерпывающее знание начинается и заканчивается российско-эстонской границей.

Выход объемной монографии под редакцией проф. В. А. Колосова — значительная веха в развитии пограничных исследований — быстро развивающейся и в мире, и в России междисциплинарной области исследований. Интерес к ней вызван крупными геополитическими изменениями, произошедшими в мире за последние годы, противоречивым соотношением между процессами интеграции и политической фрагментации, приводящими к появлению новых границ, признанных международным сообществом и существующих де факто, сохраняющимися территориальными спорами и претензиями.

Коллектив лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, составляющий основу авторского коллектива, известен как ведущий в стране центр компетенций в сфере пограничных исследований, занимающийся изучением российского и в целом постсоветского пограничья в течение многих лет и выпустивший по этой тематике немало статей и монографий[1]. Авторы участвовали в ряде российских и международных проектов, посвященных границам в Европе и на постсоветском пространстве. Накопленный опыт побудил коллектив взяться за амбициозную задачу — проанализировать влияние приграничного положения, изменений режима и функций границ на повседневную жизнь населения и хозяйства всего российского пограничья. Хотя авторы заявляют в предисловии, что не претендовали на создание своего рода энциклопедии пограничья и характеристику всего многообразия проблем, с которыми сталкиваются 43 региона России, прилегающие к сухопутной государственной границе, одно из главных достоинств книги — широкий охват и применение широкого круга современных подходов, развиваемых в пограничных исследованиях. Работа основывается на оригинальных расчетах и использовании самых разных источников информации — статистических материалов, социологических опросов, на обобщении материалов ряда федеральных печатных СМИ практически за весь постсоветский период, собственных наблюдениях. Важнейшим источником информации послужили сотни интервью, взя-

[1] См., например: Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства // под ред. В. А. Колосова и О. И. Вендиной. М. : Новый хронограф, 2011.

тые авторами во время экспедиционных поездок почти на все участки (диады) российского пограничья — в областных и районных центрах, пограничных поселениях, у представителей администраций и сотрудников пограничных служб, хозяйственных руководителей и лидеров общественных организаций.

В большинстве случаев такие интервью были проведены и с противоположной стороны границы. Одно из главных достоинств книги — сравнительный анализ ситуации с обеих сторон границы, в пограничье России и сопредельных стран. Стоимостные показатели, выраженные в национальных валютах, сопоставляются на региональном уровне по паритету покупательной способности, что потребовало тщательных расчетов.

Работа построена на основе рассмотрения вызовов развитию пограничных регионов, связанных со спецификой их географического положения. Авторы анализируют шесть вызовов — геополитические, демографические, социально-экономические, экологические, институциональные и дискурсивные. Разумеется, когда речь идет о пограничье, возникает вопрос о вызовах безопасности, которые в книге не рассматриваются, что специально оговаривается во введении. Сам факт применимости основных подходов в сфере региональной безопасности к такому объекту, как границы, очевиден. Однако с нашей точки зрения, для современного государства безопасность на границе — лишь один из аспектов общей национальной безопасности. Пограничная безопасность не является доминирующим фактором, определяющим систему экономических и политических отношений, связанных с границей. Не случайно изменения в отношениях между двумя государствами в скором времени прослеживаются на границе.

Как подчеркивает во вступительной главе, содержащей обзор современного состояния пограничных исследований в мире, руководитель авторского коллектива профессор В. А. Колосов, их ключевая концепция — понимание границы как исключительно динамичного социального феномена.

Режим, функции, общественная значимость границ постоянно меняются «в ходе повседневной деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий, в результате изменения политических стратегий и дискурса в СМИ, международной обстановки и двусторонних отношений, курсов валют и мировых цен и т. д.». Поэтому их изучение подразумевает анализ не только «жестких» факторов — таких, например, как история формирования, конфигурация, соотношение с системами расселения и размещением хозяйства, но и «мягких» — включая символическое значение и роли в формировании национальной идентичности, места в политическом дискурсе и др. Эту концепцию авторы последовательно реализуют в своей книге.

Основная часть монографии (раздел II) открывается главами, посвященными традиционным, но остающимся всегда актуальными темам — происхождению, конфигурации нынешних сухопутных границ России, степени их совпадения с природными рубежами (горными хребтами, реками и озерами), этническими границами. Авторы сравнивают на уровне регионов и даже муниципальных районов доли титульной для России и соседней страны этнической группы по каждому участку, оценивая таким образом этническую контрастность границы, — например, русских с украинской стороны и украинцев — с российской. Здесь авторов можно упрекнуть в том, что, оперируя официальными данными, они не характеризуют их достоверность: на многих участках российских границ идентичность жителей очень сложна, и статистика далеко не полностью ее отражает.

Далее рассматривается экономический потенциал пограничных регионов России и соседних стран, хозяйственные связи и градиенты между ними, выраженные в натуральных и стоимостных показателях. На большинстве участков пограничья на европейской территории население уменьшается с обеих сторон, и авторы при-

ходят к выводу о сохранении значительных контрастов между российскими регионами и соседними странами ЕС. Разрыв значительно выровнялся в 2000-х гг., но резкое падение курса рубля в 2014 г. восстановило прежние соотношения, уровень жизни и рынок труда. Приграничные взаимодействия с этими странами и с Китаем носят асимметричный характер.

Авторы показывают, как экономическое положение России и соседних стран и регионов влияет на повседневную жизнь людей в пограничье, оценивают масштабы, состав и социальную роль сообществ, вовлеченных в трансграничные взаимодействия. Несмотря на ухудшение курса рубля, поездки на другую сторону границы стали неотъемлемым элементом образа жизни тысяч российских граждан. Расширились мотивы таких поездок: это уже не только покупки, но и получение различных услуг, отдых, посещение концертов, использование приграничных аэропортов соседних стран и т. п.

Проблеме соотношения контактных и барьерных функций границы посвящена «экспериментальная» глава, в которой сделана попытка оценить степень барьерности российских границ с позиций российского гражданина, намеревающегося пересечь рубеж страны на данном участке. Следовало бы добавить — проживающего в пограничной полосе, т. к. жители крупных городов пользуются преимущественно авиационным транспортом. Авторы делают оговорку, что барьерность для граждан соседних стран и разных социальных групп может быть разной, различается она обычно и при трансграничном перемещении в разные стороны разных категорий товаров, информации и т. п. Барьерность зависит и от многих других факторов, не все из которых можно выразить в количественных параметрах. Учтены такие показатели, как число пограничных переходов на 100 км границы, ее режим (требования к документам и особенности получения визы), инфраструктурные ограничения и наличие мер, облегчающих пересечение государственного рубежа. Конечно, этот перечень неполон, однако приведенные в книге расчеты дают представление о сложности трансграничных поездок.

В разделе III рассматривается символическая роль границ. Он включает главу, построенную на количественном и качественном анализе нескольких тысяч публикаций ряда федеральных газет на темы, так или иначе связанные с границами, начиная с миграций и кончая внешнеполитическими стратегиями, взаимодействиями с соседними государствами и другими субъектами международной деятельности и их восприятием российским общественным мнением. Несмотря на фундаментальные сдвиги, произошедшие в геополитическом положении России, авторы приходят к выводу о том, что несколько основных сюжетов политического дискурса о характере соседства страны после распада СССР сохраняются в неизменности. Однако содержание дискурса, разумеется, стало в большинстве случаев совершенно иным.

Специальная глава посвящена интереснейшей теме — влиянию реликтовых, т. е. бывших государственных границ на общественную жизнь в приграничье и их проявлениям в символическом ландшафте. Некоторые территории не входили в течение определенного периода в состав бывшего СССР или впервые были включены в него по итогам Второй мировой войны, что сказывается на современных социальных практиках и идентичности жителей. К реликтовым границам отнесены и бывшие фронтиры на юге и востоке России. Вдоль внешней стороны укрепленных линий протянулись цепочки поселений, многие из которых превратились в города, ныне играющие ключевую роль во взаимодействии с соседними странами.

«Жесткие» политические границы редко совпадают с размытыми рубежами переходных в культурном отношении зон или зон культурной чересполосицы. В таких зонах нередко ярко проявляются особые региональные и локальные идентичности, а местные сообщества сохраняют специфическую историческую память. Попытки

государства навязать им унифицированный исторический нарратив, включая интерпретацию отношений с соседней страной, проявляющийся, в том числе, в формировании культурного и символического ландшафта (по выражению авторов, «наступлении памятников на границы»), могут встречать скрытое или явное сопротивление, как это случилось в Юго-Восточной Украине. Эта проблема рассматривается на примере российско-украинского порубежья и российско-китайской границы. Авторы, в частности, показывают, что в так называемой Желтороссии или «русском Китае» современная жесткая культурная граница, совпадающая с государственной, сформировалась по историческим меркам сравнительно недавно.

Центральное место в монографии занимает раздел IV, посвященный приграничному сотрудничеству, а в нем — первая глава о его институциональном измерении. Эта проблема не раз рассматривалась разными авторами. Оригинальность этой части монографии состоит в системном рассмотрении институциональных условий сотрудничества на всех участках сухопутных границ России и их эволюции с начала 1990-х гг. по настоящее время, в том числе под влиянием европейской и евразийской интеграции. Показаны, во-первых, глубокие различия в подходах к правовому регулированию и строительству институтов сотрудничества между границами на западе и востоке страны. Во-вторых, предложена новая версия их типологии. Особое внимание уделено сотрудничеству с соседними странами ЕС на северо-западе. Приграничное сотрудничество со странами ЕС стало едва ли не единственной областью взаимодействий, сравнительно мало пострадавшей от санкций и контрсанкций. Подчеркивается, что приграничное сотрудничество облегчает диффузию инноваций, переток знаний и компетенций, позволяет смягчить депопуляцию и упадок периферийных территорий, придает стимул развитию малых городов в приграничных регионах. Особые формы сотрудничества сложились между так называемыми городами-близнецами, рассмотренными в следующей главе раздела. В ней на основе обзора многих публикаций дано определение городов-близнецов, проанализировано их происхождение, на нескольких примерах охарактеризовано сотрудничество между городами-близнецами в российском пограничье.

Все более важным элементом трансграничных взаимодействий становится экологическое сотрудничество, освещенное в разделе V, начинающемся с обзора экологических угроз развитию регионов российского пограничья. За ним следует специальная глава о международных речных бассейнах, часть которых входит в территорию России. В ней приведена типология потенциальных конфликтов в таких бассейнах. Как правило, наиболее острые из них связаны с практикой водопользования верховыми странами, порождающей социальные, экономические и экологические последствия для низовых стран. Подробно рассмотрены формы и эффективность сотрудничества между Россией и соседними странами в этой сфере, в том числе его перспективные механизмы.

Наконец, последний, шестой раздел монографии касается региональных проблем пограничья. Разумеется, даже в такой объемной книге было невозможно охватить проблемы всех участков пограничья, поэтому авторы сконцентрировались на его специфических участках — эксклавной Калининградской области, рубежах с ближайшими партнерами России по Евразийскому экономическому сообществу — Белоруссии и Казахстану и с Украиной, конфликт с которой сильно сказался прежде всего на пограничных территориях. Особая глава посвящена культурным отличиям крупных российских городов, расположенных недалеко от границы, в первую очередь, вызванных наплывом мигрантов из соседних стран — ценностям, межкультурным взаимодействиям, толерантности.

В целом монография под редакцией В.А. Колосова заняла уникальное место в отечественной обществоведческой литературе. Она, несомненно, интересна для специалистов во многих отраслях знаний — не только для географов, но и исто-

риков, международников, политологов, социологов. Книга долго не потеряет своей актуальности и потому, что содержит богатую информацию, и потому, что представляет большую методологическую ценность, давая читателю мощные инструменты для анализа геополитического положения России и сопредельных регионов.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Болотов Дмитрий Анатольевич, доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; dmitry@bolotov.su

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Professor of the Faculty of the International Relations of St. Petersburg State University, Chief Researcher of Institute of Problems of Regional Economy of RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Dmitry A. Bolotov, Associative Professor of Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in political science; dmitry@bolotov.su

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory”. Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала https://www.acjournal.ru предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:
   - электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
   - Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: https://www.acjournal.ru

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD —аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферат*а (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферат*е обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названия статьи.

Введение *(Introduction)*

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение *(Discussion)*

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (*Conclusions*)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещённый в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. **Сведения об авторе:**

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. **Краткие затекстовые ссылки:**

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. **Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:**

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ ***статьи в научных сборниках***:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ ***публикации в многотомных изданиях***:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ ***статьи в научных журналах:***

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В*. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ ***статьи в газетах:***

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ ***правовые акты:***

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ ***архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):***

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ ***электронные ресурсы оформляются следующим образом:***

1. *Манойло А. В*. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2016).
2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 7(127)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 01.07.2019.
Подписано к печати 15.07.2019.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,71. Тираж 200 экз.
Заказ № 7/19.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97